

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ
ДОГОВОРНЫХ И ВНЕДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В ЭПОХУ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ**

**Всероссийская научно-практическая конференция
(15 мая 2025 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2025

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2025
ISBN 978-5-9694-1651-2

УДК 347
ББК 67.404
Р45

Рецензенты:

начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент **Э. Х. Рахимов**;
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент **С. В. Мельник**

Составитель *А. В. Тумаков, Н. А. Малышева*

Р45 **Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы:** Всероссийская научно-практическая конференция, 15 мая 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. А. В. Тумаков, Н. А. Малышева]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 143 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1651-2

Сборник научных трудов подготовлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 15 мая 2025 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, и посвящен анализу актуальных проблем гражданского права и процесса в период реформирования законодательства.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, докторантам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также может представлять интерес для педагогических работников.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

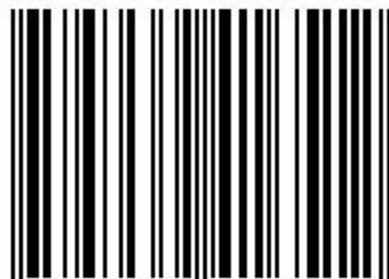
Компьютерная верстка *Тарасова Т. С.*

Подписано к изданию 30.10.2025

Объем издания: 1,50 Мб

Тираж: 6 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1651-2

9 785969 416512 >

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алтацкая Т. В.</i> Современные проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет	7
<i>Амбросенкова Д. С.</i> Искусственный интеллект как субъект судебного разбирательства в гражданском праве: перспективы и ограничения	11
<i>Баранова В. С.</i> Электронная подпись и идентификация сторон в цифровых сделках: проблемы и пути решения	15
<i>Брайцева Е. А., Задоян Н. Ф.</i> Цифровой нотариат	19
<i>Вельмакин Д. В.</i> Соотношение понятий охраны и защиты гражданских прав в частном праве	22
<i>Гриценко Б. В.</i> Влияние процессов цифровизации на корпоративные договоры	28
<i>Грушка К. С.</i> Нотариальное заверение сделок как способ защиты гражданских прав в современном обществе	33
<i>Дрягалина А. А.</i> Актуальные вопросы правового регулирования и использования системы госключей	36
<i>Джакипов У. Д.</i> Элементы гражданско-правового статуса сотрудников органов внутренних дел	39
<i>Зиганшин А. А.</i> Перспективы совершенствования правового регулирования института сроков в гражданском праве России	45
<i>Калинина М. О.</i> Ответственность маркетплейсов за контрафакт: баланс между посредничеством и контролем	48
<i>Каримов Р. Р.</i> Персональные данные как гражданско-правовая категория	53
<i>Колесникова Е. А.</i> Актуальные проблемы установления самозапрета на совершение сделок	56
<i>Кондрашечкин Р. В.</i> Формирование процессов цифровизации и их влияние на функции государственного управления и правовую систему в Российской Федерации	59

<i>Крюченкова А. А.</i> Развитие гражданско-правовых отношений в сфере суррогатного материнства	64
<i>Кудашова И. В.</i> Традиции и новации в формировании цивилистической идентичности российского права	67
<i>Лукина О. Н.</i> Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы	71
<i>Мальшева Н. А.</i> Современная система правоохранительных обязательств.....	75
<i>Маслов А. И.</i> Правовая квалификация информационных прав	78
<i>Мотина Е. А.</i> Самозащита прав граждан в сфере иммунопрофилактики	85
<i>Назаркулов Ж. Н.</i> Гражданско-правовые основы реприватизации как основания прекращения права собственности	90
<i>Никулина А. В.</i> Классификация предпринимательской охранной деятельности: основания классификации и их характеристика	94
<i>Полежаева О. Г.</i> Механизмы совершенствования судебно-исковой работы в органах внутренних дел	100
<i>Политкин И. А.</i> О некоторых подходах к определению правовой природы решений собраний	103
<i>Рысбекова Б. Р.</i> О соотношении категорий «гражданско-правовая ответственность» и «деликтное обязательство» в Российской Федерации и Кыргызской Республике	107
<i>Трофимов Е. А.</i> Гражданско-правовое регулирование электронной формы сделки	111
<i>Тумаков А. В.</i> Защита персональных данных в условиях развития гражданского оборота цифровых объектов	116
<i>Тупик А. О.</i> Гражданско-правовые ограничения права собственности в государственном и общественном интересе.....	120

Хаенок Д. С.

Актуальные вопросы гуманитарных наук.

Влияние цифровых технологий на гуманитарные науки:

новые вызовы и возможности 125

Чешин А. В.

Трансформация правового регулирования отношений защиты прав

потребителей в контексте унификации законодательства

участников союзного государства 128

Чулкова М. Р.

Обязательственные отношения в условиях цифровизации 135

Шаповалов Я. А.

Некоторые проблемы распределения бремени доказывания

в арбитражном процессе 139

*Алпацкая Т. В.*¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Левкина Е. С.,
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Бурное развитие сети Интернет и увеличение числа пользователей, активно вовлеченных в онлайн-коммуникацию, привели к появлению новых угроз для личных неимущественных прав граждан и деловой репутации юридических лиц, охраняемых ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [2]. Одной из наиболее острых проблем является распространение недостоверной, порочащей информации в анонимной форме, что существенно затрудняет процесс защиты чести, достоинства и деловой репутации, гарантированных Конституцией Российской Федерации (ст. 21, 23) [1].

В традиционном праве, основанном на принципе личной ответственности, идентификация нарушителя является необходимым условием для привлечения его к ответственности, закрепленным в статье 1064 ГК РФ, определяющей общие основания ответственности за причинение вреда. Однако, в условиях анонимности в сети Интернет, этот принцип сталкивается с серьезными препятствиями, требующими поиска новых подходов и решений. Таким образом, определение надлежащего ответчика в делах о диффамации, распространяемой анонимно, становится центральным вопросом для эффективной защиты нематериальных благ в цифровом пространстве [7].

Одной из ключевых особенностей сети Интернет, предоставляющей как широкие возможности для самовыражения, так и платформу для злоупотреблений, является возможность анонимного распространения информации. Анонимность, с одной стороны, защищает свободу слова и позволяет высказывать мнения без опасения преследований. С другой стороны, она создает благоприятную почву для противоправного поведения, включая распространение клеветы, оскорблений и другой порочащей информации, поскольку лицо, скрывающееся за анонимным аккаунтом, полагает, что избежит ответственности за свои действия.

Несмотря на наличие технических средств, позволяющих в некоторых случаях установить личность анонимного пользователя (например, по IP-адресу), этот процесс зачастую является сложным, дорогостоящим и не всегда приводит

¹ © Алпацкая Т. В., 2025.

к успеху. Провайдеры интернет-услуг, как правило, не обязаны раскрывать информацию о своих клиентах без решения суда, а сами IP-адреса могут быть динамическими или скрыты за использованием VPN-сервисов или прокси-серверов. Кроме того, даже при установлении IP-адреса, необходимо связать его с конкретным физическим лицом, что также требует проведения дополнительных следственных действий. Таким образом, анонимность, являясь неотъемлемой частью интернет-среды, создает серьезные препятствия для реализации права на защиту чести, достоинства и деловой репутации, предусмотренного статьей 152 ГК РФ [2].

В условиях, когда установление личности анонимного автора диффамационной информации является невозможным или крайне затруднительным, возникает вопрос о привлечении к ответственности так называемых информационных посредников.

К информационным посредникам относятся владельцы сайтов, социальных сетей, хостинг-провайдеры и другие лица, предоставляющие техническую возможность для распространения информации в сети Интернет. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) [3] устанавливает определенные правила для деятельности информационных посредников, но прямо не регулирует их ответственность за диффамацию, распространяемую пользователями. Статья 17.1 Закона об информации устанавливает обязанности владельца информационного ресурса, но не определяет его ответственность за содержание информации, размещенной пользователями.

По данному вопросу ученые в своих трудах высказывают схожие точки зрения, так, по мнению В. А. Гирина, ответственность за распространение порочащих сведений в интернете должна возлагаться на владельцев или администраторов сайтов. Он указывает, что существующая система регистрации доменных имен в российском сегменте сети, требующая идентификации лица или организации, существенно облегчает поиск ответчика [8]. Е. Н. Сидорова поддерживает идею ответственности администратора (владельца) сайта, поскольку именно он обладает возможностью контролировать контент и удалять недостоверную, порочащую, оскорбительную или клеветническую информацию. Отсутствие такой ответственности, по ее мнению, создает реальную угрозу нарушения конституционных прав граждан и юридических лиц [9]. В. А. Гирин согласен с Е. Н. Сидоровой в том, что в связи с ростом числа споров о защите чести, достоинства и деловой репутации в онлайн-среде крайне актуально установить ответственность администраторов интернет-ресурсов за размещение порочащей информации. Однако он признает, что администраторы не всегда способны полностью проверить все материалы, поступающие на сайт, по объективным причинам. В. А. Гирин предлагает подход, согласно которому ответственность владельца сайта возникает в случае, если после получения досудебной претензии он не удаляет информацию, умаляющую нематериальные права других лиц, или оставляет претензию без внимания, либо отказывается в ее удовлетворении без объективных оснований.

Согласно позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [5], при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации в отношении средств массовой информации необходимо учитывать их роль в распространении информации. Однако, в случае с анонимными публикациями в сети Интернет, ситуация осложняется тем, что установить, является ли владелец сайта или социальной сети средством массовой информации, часто невозможно. Таким образом, необходимо установить четкие критерии ответственности информационных посредников, которые бы обеспечивали баланс между свободой информации и защитой прав граждан и организаций, гарантированных ст. 10 ГК РФ.

С одной стороны, нельзя возлагать на информационных посредников чрезмерное бремя контроля за контентом, поскольку это может привести к цензуре и ограничению свободы слова. С другой стороны, необходимо стимулировать их к принятию мер по предотвращению распространения явно незаконной информации, такой как клевета, разжигание ненависти и призывы к насилию [6].

Для эффективной защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет можно предложить следующие меры для решения проблемы, например, внести четкое определение критериев «должной осмотрительности» и «оперативного удаления» информации в Законе об информации, а также установление обязанности для крупных социальных сетей и других платформ создавать эффективные механизмы рассмотрения жалоб на контент и принимать меры по предотвращению распространения заведомо ложной и порочащей информации. Возможно, стоит рассмотреть вопрос о введении института «доверенных лиц» или «модераторов» для крупных интернет-платформ, которые будут уполномочены оперативно удалять незаконный контент. Также необходимо рассмотреть стимулирование разработки и внедрения технологий, позволяющих устанавливать личность анонимных пользователей в случаях совершения ими противоправных действий, при соблюдении гарантий защиты персональных данных и свободы слова, закрепленных в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [4]. Рекомендуется проведение информационных кампаний, направленных на повышение осведомленности граждан о своих правах и способах их защиты в сети Интернет, а также об ответственности за распространение недостоверной информации.

Защита чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет является сложной и многогранной проблемой, требующей комплексного подхода и учета особенностей онлайн-среды. Анонимность, являясь важной характеристикой сети Интернет, создает серьезные препятствия для привлечения к ответственности лиц, распространяющих порочащую информацию. В связи с этим, необходимо совершенствовать законодательство об ответственности информационных посредников, развивать технические средства идентификации анонимных пользователей и разрабатывать эффективные механизмы защиты прав граждан и организаций в цифровом пространстве. Необходимо создать такие условия, которые будут обеспечивать баланс между свободой слова и необходимостью защиты нематериальных благ в современном информационном обществе, в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Гусев Н. В. Актуальные проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации лица в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 34 (376). С. 110–116.
7. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гирич В. А. Отдельные проблемы правового регулирования споров о защите чести, достоинства и деловой репутации // Молодой ученый. 2019. № 3 (241). С. 239–241.
9. Сидорова Е. Н. Процессуальные особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации // Евразийская адвокатура. 2013. № 3 (4). С. 42–46.

*Амбросенкова Д. С.¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Филиппова А. И.,
*доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

В условиях стремительной цифровизации правоприменительной практики технологии, основанные на искусственном интеллекте (ИИ), находят широкое применение в различных отраслях общественной жизни, включая здравоохранение, образование, и иные сферы. Внедрение ИИ в систему правосудия, в частности в сферу гражданского судопроизводства, представляется закономерным этапом технологического развития. Объективная необходимость автоматизации документооборота, оптимизации анализа судебной практики и повышения оперативности разрешения гражданских споров обуславливает растущий интерес к использованию ИИ в качестве вспомогательного инструмента судопроизводства. Применение ИИ для автоматизации работы с документами способно существенно снизить нагрузку на сотрудников, ускорить рассмотрение дел и сократить судебные издержки. Теоретически ИИ может быть использован и для более сложных задач – вплоть до участия в процессе вынесения судебных решений.

На сегодняшний день в Российской Федерации ИИ применяется преимущественно в рамках пилотных проектов [1], ориентированных на автоматизацию обработки информации и техническую поддержку судебного процесса. «По мнению российского судьи, члена Московской Хельсинкской Группы С. А. Пашина - ИИ можно по большей части вопросы гражданского судопроизводства, где действуют различного рода упрощенные формы процесса. Что касается уголовного судопроизводства – это гораздо сложнее» [2].

Международная практика демонстрирует широкий спектр решений по интеграции ИИ в судебную систему (*табл. 1*).

¹ © Амбросенкова Д. С., 2025.

Примеры использования ИИ в судебной практике зарубежных стран

Страна	Описание применения ИИ	Особенности / Результаты
<i>Китай</i>	Внедрение технологии искусственного интеллекта в судебную систему, создание «умных судов», в которых ИИ используется для анализа материалов дел, подготовки проектов решений и даже для проведения онлайн-заседаний	Рассмотрено около 3 млн дел, самыми популярными стали торговые споры, дела в области авторского права и электронной коммерции
<i>Великобритания</i>	Осуществление виртуального судебного процесса, коммуникации в котором осуществлялись посредством специальной закрытой сети	Прецедент дистанционного разбирательства в рамках гражданского судопроизводства
<i>Оаэ</i>	Запуск первого в мире полностью цифрового суда, используются технологии ИИ для анализа и вынесения решений по простым гражданским делам	Автоматизации выполнения судебных решений и мониторинга исполнения наказаний
<i>Бразилия</i>	Судья использовал chatgpt при вынесении приговора	Этическая дискуссия о влиянии ИИ на правосудие, невозможность проверки независимости решения
<i>США (штат Калифорния)</i>	ИИ использовался для прогнозирования рецидива при вынесении приговора	Обвинения в дискриминации, приостановка использования в некоторых штатах

Не смотря на широкое применение ИИ в правосудии сопряжено с рядом проблем, ключевыми среди которых выступают:

1) этическая составляющая (вопросы объективности решений, допустимость делегирования оценочных категорий, таких как справедливость и соразмерность, алгоритмам);

2) юридическая природа ИИ (вопрос о признании ИИ субъектом права и участником процесса);

3) технические ограничения (возможность ошибок в алгоритмах, вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных).

В российской правовой системе отсутствует нормативное закрепление правосубъектности ИИ.

На X Всероссийском съезде судей было выдвинуто следующее мнение: «Ряд оценочных категорий, таких как справедливость, соразмерность и др., не могут быть доверены компьютерному алгоритму» [5], что так же свидетельствует о этичности ИИ, так как задать указанные термины в программное обеспечение проблематично. Также А. А. Маланов эксперта отдела развития антивирусных технологий «Лаборатории Касперского» в статье «Этические вопросы искусственного интеллекта» считает, что моральные проблемы отличаются первостепенностью [6].

Современные тенденции цифровизации правоприменительной деятельности закономерно приводят к интеграции технологий ИИ в сферу гражданского судопроизводства. Данные технологии демонстрируют значительный потенциал в оптимизации судебных процедур, включая автоматизацию документооборота, ускорение обработки массивов судебной практики и снижение административной нагрузки на судейский корпус. Международный опыт также свидетельствует о наличии успешных примерах применения ИИ в правосудии. В частности, китайская практика внедрения «умных судов», британские модели виртуального судопроизводства и опыт ОАЭ в создании полностью цифровых судебных инстанций подтверждают эффективность технологических решений при рассмотрении стандартных гражданско-правовых споров.

Однако расширение функциональной роли ИИ в судебной системе сопряжено с комплексом правовых, этических и технических вызовов. В этическом аспекте вызывает обоснованные сомнения возможность формализации оценочных правовых категорий, таких как справедливость и соразмерность, в рамках алгоритмических моделей. Технологические ограничения проявляются в рисках системных ошибок, проблемах верификации алгоритмических решений и обеспечении должного уровня защиты персональных данных. Указанные факторы актуализируют необходимость разработки дифференцированного регуляторного подхода к использованию ИИ в правоприменительной практике.

Таким образом, наиболее обоснованным представляется использование ИИ в качестве вспомогательного инструмента судопроизводства при сохранении ключевой роли человека в принятии процессуальных решений. Дальнейшее развитие данного направления требует проведения междисциплинарных исследований, совершенствования нормативной базы и формирования этико-правовых стандартов применения искусственного интеллекта в сфере правосудия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персо-

нальных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17.

2. Судей разгрузит, взяток не возьмет: как будет работать ИИ в российских судах. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/05/25/13607126.shtml/>.

3. В Китае киберсудья с ИИ на блокчейне рассматривает дела в интернет-чате. URL: <https://tech.onliner.by/2019/12/10/dredd-wechat/>.

4. Чат-бот на страже закона: В Колумбии судья вынес приговор при помощи искусственного интеллекта. URL: <https://rg.ru/2023/02/06/chat-bot-na-strazhe-zakona.html/>.

5. Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // СПС «Гарант-сервис».

6. Маланов А. А. Этические вопросы искусственного интеллекта. URL: <https://habr.com/company/kaspersky/blog/421791/>.

7. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. 2018. № 4. С. 24–48.

8. Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист. 2017. № 11.

9. Стратегия Евросоюза в области искусственного интеллекта. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Стратегия_Евросоюза_в_области_искусственного_интеллекта/.

10. Валерий Зорькин высказался против наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektnostyu/>.

11. Правосубъектность искусственного интеллекта: возможно ли? Правовой и морально-этический аспект. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/17/pravosubektnost_iskusstvennogo_intellekta_vozmozhno_li_pravovoj_i_moralno-eticheskij_aspekt/.

Баранова В. С.¹,

курсант

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Макимова И. А.,

преподаватель кафедры гражданского

и трудового права, гражданского процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСЬ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТОРОН В ЦИФРОВЫХ СДЕЛКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В эпоху цифровой трансформации экономики электронные сделки стали неотъемлемой частью хозяйственной деятельности. Ключевым элементом, обеспечивающим юридическую значимость таких сделок, является электронная подпись (ЭП). В Гражданском кодексе упоминается лишь в ч. 2 ст. 160 ГК РФ такая диспозиция «использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи либо иного аналога собственноручной подписи допускается лишь в определенных случаях» [1, ст. 160]. Данная бланкетная норма допускает использование электронной подписи и отсылает нас к Федеральному закону от 06.04.2011 №63 «Об электронной подписи», который определяет виды ЭП (простая, усиленная неквалифицированная и усиленная квалифицированная), условия ее использования. Дефиниция электронной подписи, исходя из п. 1 ст. 2 закона, трактуется как «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [3, ст. 2]. ЭП позволяет идентифицировать лицо, подписавшее электронный документ, и гарантирует его целостность. Ст. 6 Закона устанавливая, что информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом может быть равнозначен по своей сути документу на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью, обесценивает бумажный вариант документа в случаях, где его можно не использовать [3, ст. 6].

Помимо Закона об ЭП, Гражданского кодекса Российской Федерации, вопрос регулируется Федеральным Законом от 27 июля 2006 г. №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2, ст. 11].

Однако, правовое регулирование не всегда успевает за развитием технологий. Так, А. И. Савельев в своей работе отмечает, что «недостаточно четкое разграничение ответственности между участниками электронного документооборота является серьезным препятствием для развития электронной коммерции в России» [10, с. 28], что значит то, что в правовом регулировании элек-

¹ © Баранова В. С., 2025.

тронной коммерции, и шире, в электронном документообороте отсутствует ясное и однозначное распределение обязанностей между всеми участниками процесса, что в свою очередь создает неопределенность и увеличивает риски для всех сторон сделки. Например, отсутствие четких правил может затруднять защиту прав потребителей.

Одним из ключевых вопросов при использовании ЭП является обеспечение надежной идентификации сторон, участвующих в цифровой сделке. Так, по гражданскому делу Савеловским районным судом № 2-1014/2023 рассматриваемому между гражданином М (займодавец) и гражданином Г. (заемщик) был заключен договор займа, посредством подписания квалифицированной электронной подписью. Для обеспечения исполнения обязательств был заключен договор залога недвижимого имущества (жилого помещения), также подписанный квалифицированной электронной подписью – суд не удовлетворил требования истца, так как была не доказана принадлежность ЭП к гражданину Г. Ранее Ленинским районным судом были признаны недействительными сделки, так как не соответствуют требованиям закона, поскольку не подписаны одной из его сторон, в данном случае истцом гражданином Г. (идентификация лица, обратившегося за выдачей платежной карты в адрес Банка на имя гражданина Г. банком в нарушение вышеприведенных норм закона проведена не была, банковская карта выдана иному лицу, в связи с чем истец понес убытки) [4]. Таким образом судебные прецеденты демонстрируют, что сам факт наличия электронной подписи, даже квалифицированной, не является абсолютной гарантией подлинности сделки и защиты прав сторон. Необходимо комплексное решение проблемы, включающее совершенствование систем идентификации и аутентификации, повышение правовой грамотности пользователей и разработку четких критериев доказывания в судебных процессах, связанных с ЭП.

Существующие системы идентификации и аутентификации могут быть недостаточно надежными, что создает риски подделки ЭП и совершение мошеннических действий. Такой точки зрения придерживается и доцент кафедры криминалистики и информатики Ю. А. Бондаренко говоря о том, что «не вызывает никаких сомнений утверждение о выявленной глобальной корреляции количества мошенничеств с использованием различных электронных средств коммуникации» [6, с. 1].

Ошибки и неосторожность пользователей, в том числе госслужащих, юридических лиц, могут привести к компрометации ЭП. И. М. Рассолов в своем учебнике «Информационное право» подчеркивает важность обеспечения информационной безопасности при использовании ЭП, отмечая, что «недостаточная осведомленность пользователей о рисках и способах защиты информации является серьезной проблемой» [9, с. 28]. Так, в гражданском деле № 19-КГ23-32-К5 от 5 декабря 2023 г. Ставропольского края гражданка Х., пройдя все остальные стадии, обратилась в Верховный Суд, утверждая, что кредитный договор и договор страхования были оформлены на ее имя мошенниками с использованием простой электронной подписи, подтвержденной СМС-кодами, полученными в результате недостаточной осмотрительности банка. В свою защиту говорила, что не давала согласия на заключения договоров, не была должным образом

проинформирована об их условиях, а банк действовал неразумно и неосмотрительно, позволив мошенникам мгновенно похитить денежные средства. Верховный Суд Российской Федерации на это отменил судебные постановления и направил дело на новое рассмотрение, указав на необходимость оценки действий банка и обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии волеизъявления Х. на заключение договоров. Этот пример показывает, что компрометация ЭП может произойти не только из-за прямых действий пользователя (например, передача паролей), но из-за недобросовестных действий организаций, использующих ЭП в своей деятельности. Они обязаны обеспечивать безопасность транзакций и принимать все разумные меры для идентификации пользователей и предотвращения мошеннических действий.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что несмотря на юридическую значимость, придаваемую ЭП, существующая система электронного документооборота в России не является безупречной и не исключает рисков, связанных с ЭП.

Полагаем, что создание бесплатных обучающих семинаров, тренингов и вебинаров для пользователей по вопросам защиты ЭП от компрометации, распознаванию фишинговых атак, соблюдения правил информационной безопасности позволило бы повысить доверие к цифровым сделкам и электронному документообороту в целом, способствуя активному использованию и развитию цифровой экономики.

Также существует актуальная потребность того, чтобы внести изменения в Федеральный закон «Об электронной подписи», добавить нормы, которые бы устанавливали обязательное использование многофакторной аутентификации для подписания документов, имеющих высокую юридическую значимость, а также необходимо затронуть Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно усилить ответственность за использование ЭП в противоправных целях – увеличить размер наказания.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., от 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.
3. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>.
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 19-КГ23-32-К5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/>.
5. Определение Савеловского районного суда от 8 февраля 2023 г. № 2-1014/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/>.
6. Амбарцумян Г. А. Электронная подпись и ее роль в правовом обеспечении электронных документов // Академическая публицистика. 2025. № 1–1. С. 226–229.

7. Бондаренко Ю. А. Особенности расследования мошенничества, совершенного с использованием электронной подписи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/>.

8. Ефремова В. Е. Особенности использования электронной подписи при заключении гражданско-правовых договоров (сделок): проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 192–202.

9. Максимова И. А. Актуальные проблемы защиты прав участников гражданских отношений при использовании электронной цифровой подписи // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 3. С. 68–72.

10. Мингазова К. А. Электронная подпись и юридические аспекты ее использования в документообороте // Инновационная наука. 2024. Т. 1. № 12–2. С. 151–153.

11. Рассолов И. М. Информационное право : учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 427 с.

12. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статус, 2014. 349 с.

Брайцева Е. А.¹,

*доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Задоян Н. Ф.²,

*преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук*

ЦИФРОВОЙ НОТАРИАТ

Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» [1] одной из целей по реализации внутренней и внешней политики государства называет развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики. На сегодняшний день цифровизация общества – не туманное будущее, а объективная реальность. Цифровые технологии пронизывают все сферы общественной жизни, используются в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Цифровизация не обошла стороной и нотариальную деятельность. Нотариат, изначально имеющий терминологическую трактовку «деятельность секретаря, писца» давно уже «перерос» это определение. На настоящий момент без деятельности нотариусов мы не представляем современное гражданское общество. Нотариат играет важную роль в реализации и защите прав и законных интересов в сфере имущественного оборота, защите нематериальных благ, активно «откликается» на изменения, происходящие в обществе [2, с. 150–153]. Нотариальная деятельность все больше и больше расширяется, что обусловлено объективными причинами, возникающими потребностями общества. Так, непредвиденные, но, тем не менее, объективно существующие события, «подстегнули» цифровизацию всех сфер, в том числе в экономических и правовых отношениях.

Цифровизации нотариата положил начало Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], внедривший единую информационную систему нотариата (далее – ЕИС) и приравнявший по юридической силе документ в электронной форме к документу в бумажной форме. Появился термин «цифровой нотариат» [4, с. 233–234]. Авторы справедливо отмечают, что с учетом

¹ © Брайцева Е. А., 2025.

² © Задоян Н. Ф., 2025.

анализа правовых актов в этой сфере наиболее часто применительно к нотариату используется прилагательное «электронный» [5], однако справедливо и употребление термина «цифровой».

Благодаря ЕИС стал возможен переход российских нотариусов на систему «одного окна». Если ранее заявитель собирал данные из различных ведомств, то сейчас, благодаря активному цифровому взаимодействию с МВД, Росреестром, органами ЗАГС, ФНС и другими органами, цифровые связи значительно упростились. Система непрерывно развивается, пополняется, и, по данным Федеральной нотариальной палаты, каждое третье нотариальное действие основано на применении цифровых технологий [6].

Можно выделить несколько направлений активного использования цифрового нотариата. Первое конечно же – охрана и оформление наследственных прав, что в условиях изменений законодательства, роста наследственных споров является особенно актуальным [7, с. 377–379]. Через нотариуса, делающего электронный запрос, наследники получают информацию о наличии у наследодателя имущества, денежных средств на счетах, долговых обязательств перед кредитными организациями.

Широкие возможности у цифрового нотариата и в сфере судопроизводства. С использованием современных технологий нотариусы могут проверять подлинность видеозаписи показаний свидетеля, подлинность доверенностей в нотариальной форме и документов.

Хорошо зарекомендовал себя цифровой нотариат и при удостоверении сделок в дистанционном формате. Особенно актуальны такие сделки при купле-продаже недвижимости, когда стороны находятся в разных субъектах Российской Федерации. При этом один из нотариусов должен осуществлять свою деятельность в том регионе, где находится недвижимое имущество. Чтобы осуществить подобную сделку в ЕИС нотариусы создают проект договора. Экземпляры договора в бумажном формате предназначены для продавца и покупателя, а также для архива. Нотариальная услуга оплачивается каждой из сторон сделки. Определенной гарантией прав участников договора является то, что в случае признания такой сделки судом недействительной, нотариусы будут нести солидарную ответственность.

Стремительная цифровизация породила так называемую «цифровую дискриминацию», которая заключается в том, что многие граждане не могут полноценно воспользоваться существующими сервисам – в силу отсутствия необходимых устройств, неумения ими пользоваться. Имеет место и правовой нигилизм именно в цифровой сфере – далеко не все граждане осознают последствия проставления электронной подписи, не умеют противостоять мошенникам, использующим методы «социальной инженерии». В связи с этим многие отмечают неуверенность в должной защите при использовании цифровых технологий. Сохранность данных гарантирует тот факт, что только нотариус может внести запись в систему ЕИС. Таким образом нотариус не только «восполняет» недостаток «цифровой грамотности» для определенной категории граждан, но и гарантирует защиту от мошенников.

Учитывая эти факторы, а также перспективы увеличения количества электронных сделок, следует отметить, что цифровой нотариат прочно обосновался в нашей действительности и уже за сравнительно короткий промежуток времени доказал свою состоятельность.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кондратович Е. А. Цифровой нотариат // Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы XV международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 150–153.
3. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательств Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6699.
4. Брайцева Е. А. Нотариат в России: цифровое настоящее и будущее // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики : сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции / под общ. ред. С. Г. Куликовой, М. В. Конопляниковой. Москва, 2022. С. 233–234.
5. Долгов С. Г. Нотариат сегодня, цифровой или электронный? // Нотариус. 2021. № 2.
6. 10 лет «цифровому нотариату»: преимущества технологий без правовых рисков. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/10-let-cifrovomu-notariatu-preimushestva-tehnologij-bez-pravovyh-riskov-2406>.
7. Новиков Е. Л. Совершенствование системы нотариальной защиты наследственных прав в условиях современных правовых и социальных изменений // Вестник науки. 2025. № 1 (82). Т. 3. С. 377–388.

Вельмакин Д. В.¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Филиппова А. И.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В юридической теории и практике часто возникают вопросы о соотношении понятий «охрана» и «защита» гражданских прав, которые хотя и тесно связаны, но имеют различные функции и правовое значение.

Охрана гражданских прав направлена на предотвращение их нарушения, создание условий для свободного их осуществления и соблюдения, в то время как защита становится актуальной в случае нарушения прав и предполагает использование средств, направленных на восстановление нарушенных интересов и наказание правонарушителей.

Авторами проведен детальный анализ соотношения этих понятий в контексте частноправового регулирования. Рассматриваются теоретические аспекты охраны и защиты гражданских прав, их взаимосвязь, а также роль различных правовых инструментов и институтов в их реализации. Особое внимание уделяется правовым механизмам, таким как договорное регулирование, обязательства, судебная защита и защита прав собственности, а также различиям в подходах к охране и защите прав в разных сферах частного права.

Гражданские права и свободы занимают центральное место в правовой системе большинства стран. Одной из важнейших задач системы частного права является обеспечение эффективной охраны и защиты этих прав, что гарантирует их реализацию и соблюдение в рамках правового государства. В юридической теории и практике нередко используется два ключевых термина: «охрана» и «защита» гражданских прав.

Несмотря на то, что оба термина тесно связаны и служат единой цели – обеспечению реализации прав граждан, между ними существует важное различие.

Охрана гражданских прав подразумевает систему правовых и организационных мер, направленных на предотвращение их нарушения, создание условий для свободного и безопасного осуществления прав. Это превентивные меры, включающие в себя законодательные нормы, общественные и государственные институты, которые обеспечивают стабильность правового порядка.

¹ © Вельмакин Д. В., 2025.

Защита гражданских прав, в свою очередь, возникает как реакция на нарушение этих прав. Она направлена на восстановление нарушенных прав и интересов, а также на наказание виновных лиц. Защита может осуществляться как в судебном порядке, так и вне судебных процедур, с помощью различных механизмов, таких как самозащита, медиация или арбитраж.

Особое значение различие между охраной и защитой гражданских прав имеет в частном праве, где основной акцент сделан на правоотношения между частными лицами – гражданами и юридическими лицами. Частноправовые отношения характеризуются свободой сторон в регулировании их прав и обязанностей, что подчеркивает важность правильного понимания и применения понятий охраны и защиты прав в этих отношениях.

Темы охраны и защиты гражданских прав изучались многими юристами и теоретиками в рамках гражданского права, прав человека, а также теории права: Г. Ф. Шершеневич, в своих научных трудах он исследовала вопросы, касающиеся правовой защиты частных лиц, охраны прав и обязанностей в гражданских отношениях [7].

Труды А. В. Коновалова касаются различных аспектов защиты прав, в том числе судопроизводства и правовых мер в случае нарушения гражданских прав, что также затрагивает вопрос о соотношении охраны и защиты прав [8].

С. С. Алексеев исследовал вопросы теории гражданского права, включая гарантии и механизмы защиты гражданских прав. Он рассматривал, как в рамках частного права происходит реализация права на защиту и охрану [9].

Существует некоторая путаница в юридической практике и теории по поводу различий между понятиями «охрана» и «защита» гражданских прав. В большинстве случаев эти термины употребляются взаимозаменяемо, однако они обладают различными функциями в правовом регулировании. К примеру, гражданин обратился в суд с иском о признании права собственности на недвижимость, после того как его права были нарушены в результате незаконного отчуждения имущества третьими лицами.

В данном случае охрана прав собственности выражается в создании юридических механизмов для предотвращения незаконного отчуждения собственности, например, через регистрацию права собственности в Росреестре. Охрана прав проводится через правовую документацию и контроль над объектами недвижимости.

Суд в данном деле рассмотрел действия, направленные на восстановление права собственности, в случае нарушения его гражданином. Это защита нарушенного права в судебном порядке, с восстановлением его статуса как собственника.

Отметим, комплексный подход к применению юридических механизмов охраны и защиты прав. К примеру, охрана прав – через правовые институты (регистрация прав, нормы законодательства, юридическая осведомленность граждан); защита прав – через судебные и внесудебные механизмы (исковые заявления, альтернативное разрешение споров, восстановление нарушенных прав).

Авторы считают необходимым актуализацию вопроса, как именно осуществляется охрана и защита прав в различных областях частного права

(например, в сфере интеллектуальной собственности, трудовых отношений или прав потребителей).

Судебная практика в настоящее время претерпевает изменения в связи с новыми подходами к охране и защите гражданских прав. В связи с развитием цифровых технологий и новых правовых институтов (например, защита данных, электронная коммерция, интеллектуальная собственность), возникают новые формы защиты прав граждан.

Резюмируя, понятия «охрана» и «защита» гражданских прав – два взаимосвязанных, но принципиально различных механизма в правовой системе. Охрана гражданских прав ориентирована на предотвращение их нарушения и создание условий для нормального функционирования прав и свобод граждан, в то время как защита предполагает активные действия, направленные на восстановление прав, когда они были нарушены.

Охрана прав тесно связана с превентивными мерами, направленными на создание правовых условий, которые делают невозможным нарушение прав граждан. Это связано с правовыми институтами, такими как регистрация прав собственности, соблюдение стандартов в договорных отношениях и обеспечение правовой осведомленности граждан.

Превентивная охрана позволяет снизить количество случаев, когда защита прав становится необходимой, и повышает стабильность правовых отношений. Защита прав является необходимым инструментом для восстановления нарушенных прав. Когда нарушения все же происходят, защита прав становится неотъемлемой частью правовой системы.

Это отражает ключевую роль судебной власти, арбитража и других механизмов разрешения споров в восстановлении нарушенных прав. Важным аспектом является возможность обращения граждан в суд, который может принять меры по восстановлению прав (например, взыскание ущерба, признание прав на имущество или заключение нового договора).

Для эффективной охраны и защиты прав необходимо повышение правовой осведомленности граждан. Образование и информированность о существующих механизмах охраны и защиты прав создают более правосознательное общество, что способствует профилактике нарушений и повышению уровня правовой защиты.

В заключение можно отметить, что правотворчество должно учитывать различие между охраной и защитой прав и направлять усилия на улучшение механизмов правовой охраны, а также на создание эффективных и доступных способов защиты гражданских прав. Это включает в себя пересмотр существующих нормативных актов, разработку новых стандартов, особенно в области цифровизации и защиты прав в новых сферах.

Данная отрасль содержит такие юридически значимые категории как «охрана» и «защита гражданских прав», которые не имеют законодательного определения в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), что, в свою очередь, порождает обилие дискуссий в научном сообществе, а также диктует объективную необходимость включения трактовки данных дефиниций в соответствующий нормативный правовой акт.

Данные правовые конструкции позволяют обеспечивать сохранность частных интересов субъекта, правовая форма которых определяются государством и им же регулируются для должного удовлетворения.

Из этого следует, что существование субъективного права определяется важным условием, таким как возможность обеспечения его сохранности со стороны государства, а также иных законных инструментов, согласно ст.ст. 11 и 12 ГК РФ. Например, посредством судебного урегулирования (направление иска в суд) или же посредством привлечения административно-властных субъектов регуляции общественных отношений (направление жалобы в компетентный административный орган), либо в порядке досудебного урегулирования, путем переговоров или же соблюдения претензионного порядка. Стоит отметить, что без определенного юридически обоснованного защитного механизма, который обеспечивается благодаря конкретному вмешательству публично-властных структур или же иных законных способов внесудебного характера, процесс как охраны, так и защиты гражданских прав невозможен [1].

Важно понимать тот момент, что понятие «защита гражданских прав» часто рассматривается вместе с понятием «охрана гражданских прав», что дает возможность разграничивать смежные категории при более детальном рассмотрении.

Выделяют различные позиции, которые по-разному определяют защиту и охрану прав гражданских лиц. Так, А. П. Сергеев под категорией «охрана гражданских прав» понимает меры, которые способствуют установлению обязанностей для субъектов гражданских правоотношений, в том числе дееспособность и другие аспекты, относящиеся к гражданским правам [2].

По сути, в широком понимании «охрана» подразумевает действия, выраженные которых направлено на систематическую (постоянную) защиту интересов при их реализации, а также нарушении. Подобного мнения придерживается О. С. Иоффе, который в своих трудах отмечал, что охрана, которая выражается в защите интересов личности более обширная и разнообразная, и это не только борьба с нарушениями, которые определяются действующим гражданским законодательством. Он дает понимание, что общие методы регуляции гражданских правоотношений являются более значимыми и действенными в процессе обеспечения объективной реализации гражданских прав [3]. Итак, первая группа цивилистов под понятием «охрана гражданских прав» понимают максимально обширное определение, в которое входят все меры, которые направлены на реализацию собственных интересов, устранение потенциальных негативных последствий, а также меры, которые применяются субъектом до нарушения его прав. Важно выделить, что О. С. Иоффе не раскрывал четкое определение термина «защита гражданских прав» и часто употреблял его как синоним, заменяющий охрану гражданских прав [3].

Существуют и другие цивилистические взгляды на определение обозначенных выше понятий. Например, Л. Явич и А. Чарданцев в своей интерпретации придерживаются следующей позиции: охрана гражданских прав заключается в деятельности органов государства, которая направлена на применение санкционных мер при непосредственном нарушении норм, регламентирующих эти права [4].

Следует отметить, что такая позиция не подразумевает превентивных функций охраны гражданских прав субъекта. По существу, данные цивилисты производят объединение двух понятий и выражают два термина в едином, который подразумевает только защиту гражданских прав.

Примечательно и то, что в цивилистике существует позиция, которая дает четкое разделение таких понятий как «защита гражданских прав» и «охрана гражданских прав».

Однако проблема такого взгляда заключается в том, что многие видные цивилисты дают различное содержательное значение рассматриваемым дефинициям. Так, Е. Месснера и А. Базилевич понимают под категорией «охрана гражданских прав» деятельность, которая выражена в превенции негативных действий в процессе реализации законных прав, другими словами, – это все мероприятия, характер которых можно определить как предупредительные действия [5].

Под защитой гражданских прав они понимают саму реализацию возможностей, предоставляемых государством, посредством отстаивания своей позиции и интересов через компетентные органы в установленном порядке, если права субъекта были нарушены.

Многочисленные споры различных правоведов по поводу соотношения данных понятий, возникают также из лексического значения слов. В словаре русского языка С. И. Ожегова значение слова «охранять» определяется такими словами как «стеречь» и «оберегать что-либо», а слово «защищать» определяется как действие, направленное на ограничительные меры от враждебных нападков, т. е. защиту от опасностей [6].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что данные понятия в той или иной степени могут взаимно заменяться, в зависимости от контекста и конкретной ситуации. Зачастую они используются как тождественные, но еще чаще «охрана» предстает как более всеобъемлющее понятие, т. е. «охрана гражданских прав» включает в себя понятие «защита гражданских прав». Определение же «защиты» в той или иной степени выражается как частный случай понятия «охраны», что подразумевает под собой конкретные активные действия, направленные на отстаивание личных прав и интересов в досудебном порядке либо в судебном.

Итак, стоит сказать о том, что реализация гражданских прав субъекта должным образом, выражается в дефиниции «охрана гражданских прав», а под термином «защита гражданских прав» можно понимать отстаивание собственных прав и интересов в установленном порядке, при наличии соответствующих нарушений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Сергеев А. П. Гражданское право / под ред. Ю. К. Толстого. 2002.
3. Иоффе О. С. Гражданско-правовая охрана интересов, 1969.
4. Чарданцев А. Ф. Основы теории государства и права, 1971.

5. E. Messner. Formpflicht and Konsumentenschutz. Muenster. 1990.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : «А Темп», 2006. 944 с.

7. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5. Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. 830 с.

8. Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 1161 с.

9. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций // Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. 781 с.

Гриценко Б. В.¹,

аспирант

Московского университета «Синергия»

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КОРПОРАТИВНЫЕ ДОГОВОРЫ

В последние десятилетия мир сталкивается с небывалым развитием цифровых технологий, что приводит к коренным изменениям во всех аспектах общества.

Корпоративные договоры долгое время опирались на традиционные подходы, требующие физического присутствия сторон, ручного оформления и подписания документов. Однако с появлением технологий, таких как электронная подпись, платформы для электронного документооборота (далее – ЭДО), а также внедрение смарт-контрактов на основе блокчейн-технологий, рынок корпоративных отношений претерпевает значительные изменения.

Изменения, инициируемые цифровизацией, требуют пересмотра и адаптации действующего законодательства. Традиционные правовые нормы, разработанные в условиях аналоговой эпохи, зачастую оказываются несостоятельными для регулирования новых отношений, возникающих в результате цифровизации. Например, вопросы, связанные с правами граждан на защиту данных, безопасностью электронных подписей или ответственностью за действия автоматизированных систем, требуют не только пересмотра существующих норм, но и создания новых правовых институтов.

Процесс реформирования законодательства в условиях цифровизации сталкивается с рядом вызовов, таких как необходимость обеспечения юридической определенности для новых технологий, адекватного регулирования цифровых активов и защиты прав граждан в условиях растущей зависимости от информационных систем.

В связи с вышесказанным, цель данной статьи заключается в анализе влияния процессов цифровизации на корпоративные договоры. Чтобы более глубоко исследовать, какие изменения в процессах заключения, исполнения и контроля за договорами произошли в результате внедрения технологий и как это повлияло на правовую систему.

Процесс заключения договор: изменения

Цифровые технологии оказали существенное изменение на процесс заключения договоров. В настоящее время соглашения все чаще оформляются в электронном формате, что, в свою очередь, серьезно ускоряет и упрощает процесс заключения. Подписание документов с помощью электронных подписей (простых электронных подписей или же усиленных электронных подписей) позволяет участникам договора подтверждать юридическую силу документов без необходимости заверения на бумажных носителях. Электронные договоры в целом можно считать более доступными для различных категорий участников соглашения. Так, ст. 67.2 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [1] устанавливает норму

¹ © Гриценко Б. В., 2025.

о подписании корпоративного договора в формате единого документа, указанного легче достичь, используя электронный документооборот или смарт-контракт, особенно в случаях большого количества сторон договора или международной компании, где участники фактически находятся на значительном расстоянии друг от друга.

При этом использование электронного документооборота порождает возникновение нетипичных для бумажных носителей рисков, например, например, с использованием ЭДО, правомерность подписания может подвергнуться вопросу, если токен использовался не участником хозяйственного общества в случае, если при подписании стороны не договорились о дополнительной аутентификации подписанта. В 2025 г. вступили в силу изменения в законы о хозяйственных обществах, в том числе требования к проведению заседания участников в дистанционном формате, при проведении которого бюллетени могут быть подписаны электронными подписями, при этом обществом должны быть установлены способы, позволяющие достоверно определить лицо, принимающее участие в заседании.

С переходом к электронным договорам также активизировалось использование смарт-контрактов – программируемых соглашений, которые автоматически исполняются по установленным условиям. Такие контракты обеспечивают высокую степень надежности и прозрачности, так как основаны на технологии блокчейн, устраняя необходимость в третьих лицах при выполнении обязательств. Это изменяет структуру рынка, упрощая взаимодействие между сторонами и минимизируя риски, связанные с недобросовестными действиями.

Стоит отметить, что значительным плюсом в применении смарт-контракта будет возможность заинтересованных лиц, не являющихся сторонами корпоративного договора, оперативно получать информацию, которая согласно законодательству должна быть опубликована в открытых источниках, о заключении, исполнении, изменении и прекращении корпоративного договора.

На допустимость применения электронного взаимодействия указывают ст.ст. 160, 309 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также общий принцип свободы договора (ст. 421) [2]. Понятие смарт-контракта в научных трудах встречается достаточно часто, можно выделить основные черты, определяемые учеными: особая форма, выраженная в компьютерном коде, автоматический характер исполнения обязательств сторон, использование технологии распределенного реестра [3, с. 99; 4, с. 5]. Однако Банк России в своем аналитическом обзоре указывал, что для смарт-контрактов технология блокчейна (распределенного реестра) не обязательно должна быть использована, гарантии самоисполнения контрактов могут быть обеспечены иными техническими средствами, разработанными в будущем [5, с. 99]. Это свидетельствует о том, что и с технической точки зрения нет возможности использования различных систем, на данный момент отсутствует возможность сравнения нескольких, вариативность и разнообразие выбора. Смарт-контракт как термин изначально встречался в проекте Федерального закона от 29 марта 2018 г. № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», но в конечном итоге был принят в другой редакции, ввиду этого понятие осталось не легализовано, а сам вид

цифровизации не получил должной законодательной конкретизации, что влечет риски неточного применения норм права и в определенной степени затрудняет судебную защиту прав участника(-ов) хозяйственных обществ.

Исполнение и контроль за договорами

Внедрение технологий изменяют и механизмы исполнения договоров. Мониторинг и анализ данных предоставляют возможность сторонам отслеживать выполнение условий договора здесь и сейчас.

Для корпоративных правоотношений очевидным плюсом смарт-контракта выступают вопросы, связанные с голосованием. Если договором определены правила голосования по конкретным вопросам, то автоисполнение нивелирует риск недобросовестности стороны и нарушения договора путем голосования иным образом.

С учетом специфики корпоративных договоров возникает и дополнительные вопросы, требующие проработки. Исполнение обязательств, возникающих из корпоративного договора может быть обусловлено наступлением нескольких обстоятельств, например, волеизъявление стороны / сторон и наступление определенного события. Компьютерной программе необходимо отслеживать и четко фиксировать, когда обстоятельство наступило, что может вызывать трудности с технической точки зрения. Иная сложность связана с обязательствами из договора, определенные оценочными понятиями, например, добросовестность сторон, которые также могут быть трудны программе для интерпретации.

Еще одним вызовом для автоматического исполнения корпоративного договора является его не интегрированность в сложную корпоративную систему правоотношений. Так, в случае сделки купли-продажи долей исполнение обязательств стороны влечет за собой дополнительно и иные необходимые действия: получение предварительного согласия иных участников, последующая запись в единый государственный реестр, изменение списка участников / аффилированных лиц. На данный момент ни на техническом уровне, ни законодательном механизмы изменения нескольких систем в результате автоисполнения не проработаны.

Правовые риски и требующиеся изменения законодательства

Цифровизация корпоративных отношений порождает ряд проблем для юридической системы и соответственно необходимость ее изменения. Во-первых, обеспечение полного, исчерпывающего правового регулирования смарт-контрактов, включение в законодательство новых норм, которые будут учитывать особенности электронных договоров (как должны оформляться электронные договоры, какие требования должны к ним предъявляться и каковы последствия их нарушения), системы внутри которой они заключаются, права и обязанности администратора системы и так далее. При этом ключевой целью в процессе изменения законодательства является установление равенства смарт-контрактов с уже зафиксированными в законе бумажными договорами или заключенными с использованием системы ЭДО, что позволит обеспечить цифровым контрактам такую же юридическую силу.

Здесь одним из направлений изменений является необходимость определения правил формирования, в том числе подписания, и исполнения смарт-контрактов. Поскольку эти соглашения основаны на программных алгоритмах, требуется раз-

работать стандарты для их создания, а также установить ответственность за неправильное выполнение условий, прописанных в исходном тексте и объектном коде. Подобные правила позволят учитывать ошибки системы, особенно в случаях, когда автоматизация приводит к спорам между сторонами.

Во-вторых, одним направлением изменений законодательства являются правила, касающиеся защиты данных и обеспечения кибербезопасности. Положения законов о защите персональных данных должны быть дополнены особыми статьями, устанавливающие порядок хранения и обработки данных при заключении смарт-контрактов.

Будущее контрактных отношений в условиях цифровизации

Говоря о перспективах в данной сфере, можно с уверенностью выдвинуть предположение, что будущее видится крайне революционным. Цифровизация способствует усовершенствованию новых форм контрактов, таких как смарт-контракты, которые как уже было ранее озвучено, автоматически исполняются на основе заранее заданных условий. Подобные изменения минимизируют вероятность возникновения человеческой ошибки, усовершенствуют процессы согласования, а также помогают затрачивать меньше время на исполнение условий договоров.

Безусловно, любые новаторские изменения требуют соответствующих решений в части законодательства. Адаптация существующего законодательства и правоприменительной практики к современным реалиям займет не мало времени.

Защита прав и интересов сторон в сфере корпоративного права является одним из наиболее ключевых вопросов в исследовании будущего договорных отношений. Очевидно, что в настоящее время не каждая сделка может быть стандартизирована под автоматическое исполнение. Ввиду специфики договорных отношений некоторые контракты могут требовать особого индивидуального подхода.

Кроме того, важно помнить и о таком вопросе как безопасность данных, в первую очередь, в разрезе персональных данных. Процессы цифровизации существенно повышают риск утечки информации и киберугроз, что требует особого внимания к разработке надежных механизмов защиты информации.

Несмотря на все изменения, суть договорных отношений остается неизменной – выполнение обязательств и защита прав и сторон. Само понятие «договор» под влиянием технологических изменений постоянно будет изменяться, но при этом, сохраняя в себе ключевые элементы для соблюдения обязательств и достижения справедливости. Ввиду специфики изменений стоит понимать, что крайне важно, чтобы цифровизация проходила с учетом потребностей всех участников.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты». М., 2018. С. 3.

4. Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5.

5. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 99.

*Грушка К. С.¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
*Левкина Е. С.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

НОТАРИАЛЬНОЕ ЗАВЕРЕНИЕ СДЕЛОК КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное общество характеризуется высокой динамикой гражданско-правовых отношений, что обуславливает необходимость эффективных механизмов защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Одним из таких механизмов является нотариальное заверение сделок, закрепленное в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) и Основах законодательства Российской Федерации о нотариате. Нотариус, выступая независимым и квалифицированным посредником, обеспечивает проверку законности сделок, что снижает риски их оспаривания и способствует стабильности гражданского оборота.

Целью настоящей статьи является анализ нотариального заверения сделок как инструмента защиты гражданских прав, изучение его правовых основ, статистических показателей и практического значения. В статье использованы методы сравнительно-правового анализа, статистического исследования и изучения судебной практики.

Согласно ст. 163 ГК РФ, нотариальное удостоверение сделки представляет собой проверку ее законности, включая наличие у сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом в порядке, установленном законом. Нотариальное заверение обязательно в случаях, предусмотренных законом, или по соглашению сторон, даже если закон не требует такой формы [1].

К сделкам, требующим обязательного нотариального удостоверения, относятся:

1. Договор ренты и пожизненного содержания с иждивением (ст. 584 ГК РФ).
2. Брачный договор (ст. 41 Семейного кодекса Российской Федерации).
3. Соглашение об уплате алиментов (ст. 100 Семейного кодекса Российской Федерации).
4. Сделки с долями в праве общей собственности на недвижимость (ст. 24 Федерального закона № 218-ФЗ).

¹ © Грушка К. С., 2025.

Также с 13 января 2025 г. дарение недвижимости между физическими лицами станет возможным только через нотариальное удостоверение. Эта мера направлена на защиту уязвимых дарителей от потенциальных злоупотреблений. Первоначально планировалось исключить из-под действия закона сделки дарения между близкими родственниками, однако в окончательном варианте законопроекта это исключение было отменено [8].

Нотариус проверяет дееспособность сторон, их волеизъявление, а также отсутствие обременений на имущество, что минимизирует риски мошенничества. Несоблюдение нотариальной формы влечет ничтожность сделки, что подчеркивает значимость данного института.

По данным Федеральной нотариальной палаты (ФНП), в 2023 г. в России было совершено более 12 млн нотариальных действий, из которых около 40 % составляли удостоверения сделок с недвижимостью. В 2024 г. этот показатель вырос на 7 %, что связано с увеличением числа сделок с долевой собственностью, требующих нотариального заверения. Например, в Москве доля нотариально удостоверенных сделок с недвижимостью достигла 65 % от общего числа зарегистрированных сделок.

Статистика также показывает снижение числа судебных споров по нотариально удостоверенным сделкам. В 2022 г. доля оспариваемых нотариальных сделок составила менее 0,5 % от их общего числа, тогда как для сделок в простой письменной форме этот показатель достигал 3,2 %. Это подтверждает, что нотариальное заверение снижает вероятность признания сделки недействительной.

Нотариальное удостоверение сделок предоставляет много преимуществ. Нотариус анализирует документы, удостоверяет личности сторон и проверяет отсутствие арестов или залогов на имущество, исключает случаи подделки документов или принуждения к сделке. Также нотариально удостоверенные сделки имеют повышенную доказательственную силу в суде. Важно отметить, что при подаче документов нотариусом в электронном виде регистрация прав занимает один день.

Примером из практики является дело № 2-123/2023, рассмотренное Московским городским судом, где нотариально удостоверенный договор купли-продажи квартиры позволил оперативно отклонить иск об оспаривании сделки, основанный на якобы поддельной подписи продавца.

Несмотря на очевидные преимущества, институт нотариального заверения сталкивается с проблемами. Во-первых, высокая стоимость нотариальных услуг (например, тариф за удостоверение сделки с недвижимостью составляет 0,5 % от суммы, но не более 20 тыс. руб.) может быть обременительной для граждан с низким доходом. Во-вторых, недостаточная цифровизация нотариальной деятельности затрудняет доступ к услугам в удаленных регионах [5].

Важно учитывать, что сделку можно оспорить в суде, если она нарушает законные права одной из сторон или третьих лиц. Судебное разбирательство также возможно, если сделка была совершена лишь для видимости или для прикрытия другой операции, например, когда фиктивно продается имущество, а фактический контроль над ним сохраняется.

Федеральная нотариальная палата отмечает, что любую сделку, даже нотариально заверенную, можно расторгнуть по взаимному согласию сторон. При

отсутствии согласия потребуется обратиться в суд. Однако, для признания сделки недействительной или ее расторжения необходимы очень серьезные основания, особенно в случае нотариально удостоверенных документов, которые в силу закона обладают повышенной доказательственной силой [4].

Для решения этих проблем предлагается:

1. Введение льготных тарифов для социально уязвимых групп.
2. Расширение использования электронного нотариата, включая удаленное удостоверение сделок.
3. Повышение информированности граждан о преимуществах нотариального заверения.

Нотариальное заверение сделок является важным инструментом защиты гражданских прав, обеспечивая законность, прозрачность и стабильность гражданского оборота. Статистические данные подтверждают рост числа нотариальных действий и снижение судебных споров по таким сделкам. Однако для повышения эффективности института нотариата необходимо устранить существующие проблемы, связанные с доступностью и стоимостью услуг. Дальнейшее развитие цифровых технологий и совершенствование законодательства позволят укрепить роль нотариата в защите прав граждан.

Список литературы

1. Статья 163 Гражданского кодекса Российской Федерации «Нотариальное удостоверение сделки» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.
2. Нотариальные сделки: виды, особенности оформления // Юристы по недвижимости. URL: <http://www.dvitex.ru/>.
3. В каких сделках с недвижимостью необходимо участие нотариуса // РБК Недвижимость. URL: <http://realty.rbc.ru/>.
4. Федеральная нотариальная палата. Отчет о нотариальной деятельности за 2023 г. М., 2024.
5. Статистика судебной практики по гражданским делам за 2022 г. // Верховный суд Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfr.ru/>.
6. Нотариальное заверение договора в Москве // Нотариус-перевод. URL: <http://notarius-perevod.ru/>.
7. Нотариальная защита корпоративных прав // Молодой ученый. URL: <http://moluch.ru/>.
8. Федеральный закон от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ «О внесении изменения в ст. 574 ч. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493063/.

*Дрягалина А. А.¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
*Макимова И. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСКЛЮЧ

В современно обществе процесс развития цифровизации и электронного документооборота с каждым годом растет. Многие услуги и процессы постепенно переходят в онлайн-формат, в таких ситуациях электронная подпись становится необходимым инструментом для подтверждения подлинности и целостности электронных документов. Электронная подпись упрощает процесс подписания документов, исключая процесс печати, физического подписания бумаг, либо же сканирования документов. Электронная подпись наиболее актуальна для больших фирм и государственных органов, так как именно там требуется обработка большого объема документов. Также квалифицированная электронная подпись обеспечивает безопасность и защиту от подделок и несанкционированных изменений документов. Использование криптографических алгоритмов позволяет верифицировать авторство и целостность документов, что просто необходимо для предотвращения мошенничества и сохранения конфиденциальности файла.

Важно заметить, что в России законодатель предусмотрел обязательное использование электронной подписи для некоторых видов документов, данное требование необходимо для обеспечения правопорядка и юридической определенности в условиях цифровизации. Также актуальность электронной подписи заключается в том, что работники могут подписывать документы независимо от их местонахождения, что особенно актуально при удаленной работе. Помимо этого, плюсом электронной подписи зачастую выступает экономия издержек на расходы. С помощью электронной подписи можно сократить расходы на бумагу, печати, принтеры и канцелярские приборы. Таким образом у электронной подписи существует множество плюсов, но возникает вопрос как создать электронную подпись и каким образом использовать квалифицированную электронную подпись. Так в 2021 г. был создан сервис «Госключ» в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление». Данный сервис помогает обычным гражданам создавать и использовать электронные подписи. Именно с помощью Госключа пользователи могут подписывать документы, ко-

¹ © Дрягалина А. А., 2025.

торые имеют юридическую силу без необходимости использования бумажных носителей и посещения определенного удостоверяющего центра.

Правовую основу использования Госключача составляют огромное множество нормативно-правовых актов, например: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»; Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 75 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре электронного правительства». Согласно действующему законодательству КЭП, созданная с использованием Госключача, приравнивается к рукописной подписи и может использоваться для подписания различных документов, в том числе имеющих юридическую силу.

Помимо преимуществ, у данной системы также есть огромное количество недостатков. Важно заметить, что граждане при использовании данной системы обнаружили определенные вопросы и проблемы. Основным минусом данной системы является недоступность для всех категорий граждан, к таким людям зачастую относятся те, кто проживает в отдаленных районах, либо же те, кто имеет ограниченные возможности здоровья. Так же, некоторые граждане даже не знают о существовании данной платформы, а те, кто знакомы не знают как с ней правильно работать. Для устранения этой проблемы необходимо проводить информационные кампании и обучающие мероприятия, необходимые для некой популяризации сервиса. Также необходимо обеспечивать усовершенствования технической инфраструктуры данного сайта для удобства граждан, к усовершенствованию технической инфраструктуры можно включить множество элементов, например: обновление программного обеспечения, повышение производительности серверов и улучшение защиты от киберугроз. Стоит усовершенствовать законодательство, которое направлено на регулирование использования электронной подписи и электронного документооборота, для того чтобы обеспечить соответствие законодательства с актуальными потребностями практики.

Изучив законодательство регулирующие систему работы электронной подписи, хотелось бы выделить некоторые актуальные вопросы правового регулирования и использования системы Госключач. Важным фактором является неясность ответственности между сторонами, а именно работодатели и сотрудником при использовании системы. Отсутствует четкое разграничение ответственности за технические сбои, также происходит неясность в вопросах возмещения ущерба при потере данных. Помимо этого, недостаточно прописан процесс восстановления доступа. Для работодателя данные недочеты могут привести к задержкам в документообороте, к финансовым потерям при утере важных документов, к юридической ответственности за неправомерное использование подписи.

Кроме правовых проблем, существуют также и технические проблемы, которые необходимо решать. В данной системе действует правило автоматического удаления документа спустя 24 часа, данное требование стоит выделять не как правило, а как огромную проблему для субъектов, работающих с данной системой, ведь для многих данные документы могут пригодиться спустя 24 часа. Также зачастую происходит потеря подписанных документов, что тоже может негативно повлиять на работодателей.

Исходя из всего вышесказанного хотелось бы предложить некоторые рекомендации для преодоления данных проблем. Необходимо создать внутренние регламенты для работы с системой, стоит также ввести журнал с обращениями в техподдержку, также стоит документировать все технические проблемы, которые возникают при работе с данной системой, а также разработать процедуру восстановления доступа и создание резервных копий важных документов.

Госключ представляет собой комплексное правовое решение для цифровизации документооборота, которое обеспечивает юридическую безопасность и удобство подписания документов. Постепенно система продолжает развиваться, расширяя возможности для различных сфер деятельности и упрощая взаимодействие между гражданами. Правовые аспекты требуется постоянно усовершенствовать и своевременно обновления процедур работы с электронной подписью для обеспечения максимальной юридической защищенности.

Список литературы

1. Абрамова А. И. Правовое регулирование использования электронной подписи в системе «Госключ». М. : Юстицинформ, 2023. 180 с
2. Белов А. А. Актуальные проблемы применения электронной подписи в государственных информационных системах. СПб. : Питер, 2022. 256 с.
3. Григорьев И. С. Электронная подпись и ее применение в цифровой экономике. М. : Инфра-М, 2020. 240 с.
4. Егоров С. Н. Вопросы безопасности при использовании электронной подписи в системе «Госключ». М. : Юрайт, 2022. 160 с.

*Джакипов У. Д.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Правовой статус сотрудников органов внутренних дел (ОВД) представляет собой комплекс прав, свобод, обязанностей и ограничений, определяющих положение сотрудника полиции как особого субъекта права. Среди элементов этого статуса выделяется гражданско-правовой статус, охватывающий гражданские права и обязанности сотрудника, возникающие на основе норм гражданского права. Актуальность исследования гражданско-правового статуса обусловлена особой ролью сотрудников ОВД в обществе: они наделены властными полномочиями для обеспечения правопорядка, но одновременно остаются полноправными гражданами, чьи права должны уважаться и защищаться.

В последнее десятилетие законодатель относит вопрос правового статуса сотрудников ОВД к числу приоритетных, о чем свидетельствует текущий этап реформирования законодательства о полиции. Тем не менее, несмотря на активную нормотворческую деятельность (включая принятие Приоритетных направлений правового регулирования деятельности МВД России на 2022–2026 гг., приказов МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767 «Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года», от 19 сентября 2022 г. № 690дсп «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации до 2030 года»), в регулировании гражданско-правового положения сотрудников полиции сохраняются проблемные аспекты.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе современных проблем, возникающих в связи с реализацией гражданских прав и обязанностей сотрудников органов внутренних дел, с учетом изменений законодательства и судебной практики последних лет. В статье внимание фокусируется на основных элементах гражданско-правового статуса сотрудника ОВД, ограничениях этих прав, а также на гражданско-правовой ответственности государства и самих сотрудников за причинение вреда.

Проблема исследования заключается в противоречии между конституционным принципом равенства всех перед законом (в том числе сотрудников ОВД как граждан) и необходимостью установления для них особых ограничений и дополнительных гарантий, продиктованных служебными задачами. С одной стороны, сотрудники ОВД обладают тем же объемом гражданских прав, что и другие граждане; с другой – федеральное законодательство устанавливает для них ряд ограничений, призванных предотвратить конфликт интересов и обеспечить надлежащее исполнение ими должностных обязанностей. Кроме того,

¹ © Джакипов У. Д., 2025.

деятельность сотрудников ОВД связана с повышенным риском нарушения прав других лиц, что ставит вопрос об эффективности механизмов гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями полиции. В практике последних лет остро проявились проблемы возмещения вреда пострадавшим от неправомерных действий сотрудников полиции, оценки морального вреда, а также обеспечения правовой защищенности самих сотрудников ОВД при исполнении обязанностей. Эти проблемы требуют научного осмысления и совершенствования законодательства.

Правовой статус личности традиционно определяется как совокупность прав, свобод и обязанностей, закрепленных за субъектом в законодательстве [1, с. 145]. Гражданско-правовой статус представляет собой компонент общего правового статуса, относящийся к сфере гражданского права. Под гражданско-правовым статусом сотрудника ОВД следует понимать совокупность его гражданских прав и обязанностей как участника гражданских правоотношений. Иными словами, сотрудник полиции, будучи гражданином, обладает гражданской правосубъектностью – гражданской правоспособностью (способностью иметь гражданские права и нести обязанности) и гражданской дееспособностью (способностью своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права). Сотрудники ОВД, приравняваясь в гражданско-правовом статусе к обычным гражданам, вступая на службу в полицию, не утрачивают принадлежащие им гражданские права – право собственности, право заключать сделки, наследовать, выступать истцом и ответчиком в суде и т. д. – за исключением тех случаев, когда законом установлены специальные ограничения.

Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2) и гарантирует их равенство (ст. 19) и защиту государством. В то же время, Основной закон допускает возможность ограничения прав федеральным законом в строго определенных целях (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). Для сотрудников органов внутренних дел федеральными законами предусмотрен особый режим реализации отдельных гражданских прав, обусловленный спецификой их службы. Прежде всего, согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»), сотрудником полиции может быть только гражданин Российской Федерации, занимающий должность федеральной государственной службы в ОВД и имеющий специальное звание (ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», далее – ФЗ «О службе в ОВД»). Наличие только одного гражданства (российского) является обязательным условием службы; законодательство запрещает сотрудникам ОВД иметь гражданство иностранного государства или вид на жительство за рубежом. Данное требование направлено на обеспечение лояльности и исключение конфликта интересов при несении службы; его нарушение является основанием для отказа в приеме на службу или увольнения.

Кроме того, законодатель устанавливает для сотрудников ОВД ограничения на отдельные виды деятельности, которые обычные граждане вправе осуществлять свободно. В частности, сотрудники ОВД не имеют права заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц; запрещается

также их участие в управлении коммерческой организацией (например, они не могут входить в состав органов управления акционерных обществ, руководить бизнес-проектами). Эти ограничения призваны предотвратить ситуацию, когда должностные лица используют свой служебный статус в личных коммерческих интересах, а также позволяют обеспечить беспристрастность полиции. Из общего правила есть исключение: сотрудникам разрешено заниматься научной, преподавательской и иной творческой деятельностью, если это не мешает основной службе (такое послабление традиционно предусмотрено для государственных служащих).

Следующее ключевое ограничение касается участия в общественных объединениях: сотрудникам ОВД запрещено участвовать в забастовках и иных акциях протеста, а также в политических партиях и движениях, преследующих политические цели, если это несовместимо с их статусом. Указанное проистекает из положений ст. 7 ФЗ «О полиции», ст. 18 ФЗ «О службе в ОВД», а также ст. 17 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Данное ограничение обусловлено необходимостью поддержания политической нейтральности правоохранительных органов и недопустимостью того, чтобы полиция использовалась в чьих-либо партийных интересах. Кроме того, сотрудник ОВД не вправе разглашать сведения, составляющие служебную или государственную тайну, что накладывает ограничение на его свободу выражения и информацию в той мере, в какой это связано с полученной по службе конфиденциальной информацией.

Отдельно следует отметить ограничения имущественных прав. Хотя сотрудник ОВД, как и любой гражданин, может иметь в собственности имущество, закон устанавливает дополнительные антикоррупционные меры, связанные: с предоставлением сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах и имуществе своей семьи (супруга и несовершеннолетних детей) в порядке финансового контроля, что проистекает из ст.ст. 8–9 ФЗ «О службе в ОВД», а также положений Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Сотруднику ОВД запрещено принимать вознаграждения и подарки, связанные со служебным положением, за исключением символических подарков согласно протоколу либо случаев, предусмотренных законом (с последующей передачей подарка государству). Также сотрудникам ОВД запрещается открывать счета (вклады) в иностранных банках и хранить наличные денежные средства и ценности за рубежом. Эти ограничения, будучи элементами антикоррупционного законодательства, по своей природе являются ограничениями имущественных прав, направленными на предотвращение незаконного обогащения должностных лиц.

Таким образом, гражданско-правовой статус сотрудников ОВД характеризуется, с одной стороны, признанием за ними всего комплекса гражданских прав обычного гражданина, а с другой – наличием законодательно закрепленных специальных ограничений ряда правомочий. Указанные ограничения обусловлены особым публично-правовым назначением службы в ОВД и необходимостью поддержания законности и порядка в деятельности обозначенных государственно-властных структур. Следует подчеркнуть, что ограничения

прав сотрудников ОВД устанавливаются федеральными законами (как того требует ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации) и направлены на защиту конституционно значимых ценностей – интересов государственной службы, общественной безопасности, прав других лиц.

Важным элементом статуса сотрудника органов внутренних дел является его ответственность за противоправные действия. Поскольку сотрудники полиции наделены властными полномочиями, их незаконные действия могут причинять значительный вред правам и интересам граждан [2, с. 53]. Гражданско-правовая (деликтная) ответственность в таких случаях наступает по специальным правилам, установленным Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ). Общая норма ст. 1064 ГК РФ устанавливает обязанность причинителя возместить вред, причиненный личности или имуществу гражданина, в полном объеме. Однако применительно к вреду, причиненному представителем власти при исполнении служебных обязанностей, действуют особые правила ст. 1069 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) органов внутренних дел или их должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации либо соответствующего публично-правового образования. Иными словами, если полицейский незаконно причинил вред гражданину (например, применил чрезмерную силу, неправомерно изъял имущество, задержал без оснований и т. д.), ответственность перед потерпевшим несет государство в целом, а не лично данный сотрудник [3].

В ст. 1070 ГК РФ дифференцировано случаи вреда, причиненного правоохранительными органами. Так, п. 1 ст. 1070 ГК РФ устанавливает ответственность государства независимо от вины должностных лиц за очевидно неправомерные действия органов дознания, следствия, прокуратуры и суда: незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение меры пресечения, незаконный административный арест и некоторые другие случаи. Для возложения ответственности по этим основаниям достаточно установить факт вреда и незаконность действий – виновность причинителя (конкретного сотрудника) значения не имеет [4, с. 124]. В иных случаях вред, причиненный гражданину действиями сотрудников полиции, компенсируется казной при наличии вины причинителя (т. е. при установлении противоправности и вины конкретного сотрудника). Таким образом, российское законодательство сочетает элементы безвиновной ответственности государства за наиболее грубые нарушения прав граждан со стороны правоохранительных органов и виновной ответственности – во всех остальных случаях причинения вреда незаконными действиями полиции.

Механизм возмещения вреда, причиненного противоправными действиями сотрудников ОВД, носит двухэтапный характер. На первом этапе устанавливается факт причинения вреда конкретным сотрудником при исполнении служебных обязанностей, на втором – потерпевший получает компенсацию от государства (из средств казны). При этом присутствует своеобразное расхождение между непосредственным причинителем вреда и лицом, ответственным за его возмещение. В соответствии со ст. 1069 ГК РФ, надлежащим ответчиком по искам граждан о возмещении ущерба, причиненного деятельностью органов

внутренних дел, является Российская Федерация. Фактически интересы государства в таких делах представляет соответствующий финансовый орган.

Важно отметить, что выплата компенсации потерпевшему государством не освобождает виновного сотрудника от ответственности перед работодателем. Согласно ст. 1081 ГК РФ, после возмещения вреда потерпевшему Российская Федерация (в лице соответствующего органа) имеет право регрессного требования к непосредственно виновному сотруднику в размере выплаченной суммы, если вина сотрудника установлена и его действия носили умышленный характер или были вызваны грубой неосторожностью. Таким образом, сотрудник ОВД, чьи противоправные действия стали основанием для гражданско-правовой ответственности государства, может в последующем быть привлечен к материальной ответственности перед государством. Однако на практике реализовать регрессные иски к сотрудникам бывает сложно – например, если сотрудник уволен, не располагает имуществом или его вина четко не установлена в суде. Поэтому основная гражданско-правовая ответственность в отношениях «гражданин – полиция» лежит на государстве, что соответствует принципу правового государства, обязанного обеспечивать права граждан даже в случае неправомерных действий своих органов.

Говоря о гражданско-правовой ответственности, нельзя не упомянуть возмещение морального вреда. Согласно ст.ст. 151 и 1099–1101 ГК РФ, гражданин вправе требовать компенсации морального вреда (физических или нравственных страданий), причиненного ему незаконными действиями должностных лиц. В контексте деятельности полиции требования о компенсации морального вреда являются одной из наиболее распространенных категорий исков, предъявляемых гражданами к МВД. Обзор правовой работы МВД России показывает, что значительную долю исков к министерству составляют именно иски о возмещении морального вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников ОВД [5]. Удовлетворяя обоснованные требования потерпевших, суды взыскивают компенсацию морального вреда за счет казны Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что гражданско-правовая защита распространяется не только на потерпевших граждан, но и на самих сотрудников ОВД. Выполняя обязанности в условиях повышенного риска, сотрудники полиции по закону пользуются определенными гражданско-правовыми гарантиями и компенсациями. Например, жизнь и здоровье сотрудника ОВД подлежат обязательному государственному страхованию за счет средств федерального бюджета, что предусмотрено Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ. В случае гибели сотрудника при исполнении служебных обязанностей его семья получает страховую выплату (единовременное пособие), а при получении сотрудником увечья – выплачивается единовременная страховая сумма в установленном размере, а также могут возмещаться расходы на лечение и реабилитацию. Если сотрудник полиции незаконно привлечен к ответственности или обвинен в правонарушении, он имеет право на реабилитацию, включая компенсацию морального вреда и восстановление доброго имени. Таким образом, государство берет на себя обязанность защищать законные гражданские права и интересы своих сотрудников, когда те добросовестно исполняют свой служебный долг. Это

можно рассматривать как элемент гражданско-правового статуса сотрудников ОВД, обеспечивающий баланс: с одной стороны, полиция отвечает перед гражданами за нарушения, с другой – сами полицейские защищены законом при выполнении своих задач.

Обобщая анализ, можно отметить, что гражданско-правовой статус сотрудников ОВД – сложная комплексная категория, в которой переплетаются элементы частноправового и публичного регулирования. Сотрудники ОВД обладают всем спектром гражданских прав, но реализуют их с учетом установленных законом ограничений, продиктованных интересами службы.

Список литературы

1. Брагина М. М. Правовой статус личности // Вестник магистратуры. 2014. № 10 (37). С. 145–147.
2. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 52–54.
3. Дерюгина Т. В. О возникновении деликтного обязательства и условиях возмещения вреда // Цивилист. 2024. № 5 (51). С. 34–35
2. Жаглина М. Е. Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов и суда // Вестник ВИ МВД России. 2018. №1. С. 123–132.
3. Шадрина Е. Г. К вопросу о необходимости унификации законодательства в сфере правоотношений по возмещению вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 116–129.

*Зиганшин А. А.¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
*Полежаева О. Г.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Срок исковой давности является одним из ключевых институтов гражданского права, обеспечивающим стабильность правоотношений и определенность в гражданском обороте. Внесенные в 2013 г. изменения в законодательство, в частности введение дополнительного критерия осведомленности о надлежащем ответчике, существенно изменили подход к определению начала течения данного срока [2, ст. 1]. Вместе с тем правоприменительная практика выявила ряд проблемных аспектов, требующих дальнейшего совершенствования нормативного регулирования.

Основная сложность заключается в том, что во многих случаях лицо, зная о нарушении своего права, может не иметь объективной возможности идентифицировать надлежащего ответчика, что создает правовую неопределенность относительно момента начала течения срока. Целесообразно уточнить формулировку ст. 200 ГК: «Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права», конкретизировав, что при невозможности установления личности нарушителя, срок исчисляется с момента, когда лицо при проявлении разумной осмотрительности могло определить надлежащего ответчика.

Анализ сравнительно-правового опыта свидетельствует о том, что большинство современных правопорядков дополнительно закрепляют объективные (максимальные) сроки исковой давности, исчисляемые независимо от субъективной осведомленности управомоченного лица. Отсутствие таких сроков в российском законодательстве создает потенциальную угрозу стабильности правоотношений, поскольку теоретически исковая давность может не начать течь в течение неопределенно долгого времени.

¹ © Зиганшин А. А., 2025.

По моему мнению, представляется необходимым дополнить гражданское законодательство положениями о максимальных сроках, которые могли бы составлять десять лет для большинства требований и 25–30 лет для требований о возмещении вреда жизни и здоровью. Действующая система специальных сроков исковой давности также нуждается в пересмотре и большей дифференциации с учетом особенностей конкретных правоотношений. Целесообразно установить более короткие сроки (один год) для требований, связанных с динамичными экономическими отношениями, и более длительные (5–10 лет) для требований, затрагивающих существенные имущественные интересы, а также дифференцировать сроки по потребительским требованиям в зависимости от категории товара или услуги. П. В. Крашенинников отмечает: «Введение максимальных сроков исковой давности способствовало бы повышению правовой определенности и стабильности гражданского оборота, не нарушая при этом баланс интересов участников гражданских правоотношений» [6, с. 694].

Институты приостановления, перерыва и восстановления срока исковой давности требуют модернизации с учетом современных реалий [7, с. 59–64].

Перечень оснований приостановления срока целесообразно расширить, включив в него проведение процедуры медиации, чрезвычайные ситуации различного характера и технические сбои электронных систем правосудия. Необходимо также уточнить понятие действий, свидетельствующих о признании долга, особенно применительно к электронной форме коммуникации [5, с. 65–68].

Что касается института восстановления срока исковой давности, по мнению автора, институт восстановления срока исковой давности логично распространить на юридических лиц в исключительных случаях, объективно препятствующих своевременному обращению в суд.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о пресекательных сроках, которые, в отличие от исковой давности, прекращают само субъективное право. Отсутствие в ГК РФ специального регулирования данного института создает значительные затруднения как теоретического, так и практического характера. В. А. Белов указывает: «Отсутствие в законодательстве четкого регулирования пресекательных сроков приводит к смешению различных институтов и противоречивости судебной практики. Включение в ГК РФ специальных норм о пресекательных сроках способствовало бы формированию системного подхода к регулированию сроков в гражданском праве» [3, с. 439].

В. В. Витрянский отмечает: «Дифференциация сроков исковой давности должна основываться на объективных критериях, связанных с особенностями защищаемых прав и характером правоотношений, а не на случайных исторических факторах» [4, с. 194].

В целом, комплексное совершенствование института сроков в гражданском праве будет способствовать достижению правовой определенности, обеспечению стабильности гражданского оборота и эффективной защите прав его участников.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (с изм. и доп. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). М., 2024 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 27 апреля 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Москва, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Белов В. А. Гражданское право в 4 т. Том II. Общая часть в 2 кн. Книга 2. Факты : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 497 с.
4. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд. испр. и доп. М. : Статут, 2018. 528 с.
5. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2016. 80 с.
6. Крашенинников П. В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой. М. : Статут, 2018.
7. Эрделевский А. М. О некоторых вопросах исковой давности // Журнал российского права. 2015. № 3.

Калинина М. О.¹,

студент

Института Бизнес-права

Московского государственного

юридического университета имени О.Е. Кутафина

Научный руководитель:

Козлова Е. Б.,

профессор кафедры гражданского права

Московского государственного

юридического университета имени О.Е. Кутафина,

доктор юридических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ЗА КОНТРАФАКТ: БАЛАНС МЕЖДУ ПОСРЕДНИЧЕСТВОМ И КОНТРОЛЕМ

Онлайн-торговля стала неотъемлемой частью глобальной экономики, предлагая удобство для покупателей и новые возможности для продавцов. Однако ее стремительный рост сопровождается увеличением объема контрафактной продукции. По данным Федеральной таможенной службы, в 2024 г. в Россию было ввезено 7.2 млн единиц контрафакта – на 20% больше, чем годом ранее [1]. При этом 37.3% теневого оборота товаров приходится на онлайн-каналы, включая маркетплейсы [2]. Это ставит перед законодателями, бизнесом и обществом сложную задачу: как совместить роль цифровых платформ как технических посредников с необходимостью противодействия незаконной деятельности. Проблема усугубляется противоречиями в судебной практике, несовершенством нормативной базы и технологическими вызовами. В данном докладе анализируются правовые, экономические и этические аспекты ответственности маркетплейсов за контрафакт, а также предлагаются пути достижения баланса между посреднической функцией и контролем.

Согласно п. 1 ст. 1515 ГК РФ [3], контрафактными признаются товары, этикетки и упаковки с незаконно размещенными товарными знаками или сходными до степени смешения обозначениями. Правообладатель вправе требовать изъятия и уничтожения такой продукции за счет нарушителя (п. 2 ст. 1515 ГК). При этом к контрафакту относится не только поддельная продукция, но и оригинальные товары, ввезенные без согласия правообладателя (параллельный импорт), что расширяет зону ответственности участников рынка.

Статьи 1252, 1484 и 1487 ГК РФ дополняют этот правовой механизм, позволяя правообладателям защищать свои интересы в судебном порядке посредством подачи исков, в том числе с требованиями о компенсации. Однако ключевая сложность заключается в определении круга лиц, которые могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности. Если производитель контрафакта часто остается анонимным или оказывается финансово несостоятельным, логично, что правообладатели обращают внимание на маркетплейсы –

¹ © Калинина М. О., 2025.

площадки, обладающие техническими и финансовыми ресурсами для выявления и пресечения нарушений.

Исследователи И. В. Кордина и Д. И. Хлебович выделяют четыре типа бизнес-моделей маркетплейсов [4], среди которых – модель посредника в транзакциях (Wildberries, Amazon, AliExpress). Ее суть – автоматизация сделок для минимизации издержек продавцов. Ценность обеспечивается за счет электронных каталогов, фильтрации товаров, онлайн-оплаты, а выручка формируется за счет комиссии с транзакций. Хотя маркетплейсы обычно лишь предоставляют площадку для торговли, будучи, таким образом, посредником и не участвуя напрямую в продажах, правообладатели предпочитают подавать иски именно к ним так как платформы обладают технической возможностью оперативно пресекать нарушения интеллектуальных прав, тогда как привлечение к ответственности отдельных продавцов часто затруднено из-за их анонимности или ограниченной финансовой ответственности.

С правовой точки зрения, статус маркетплейса определен Законом Российской Федерации № 2300-1 «О защите прав потребителей» [5] как «владелец агрегатора информации». Согласно ст. 12.2.1, площадка несет ответственность за убытки потребителей, если предоставила недостоверные сведения о товаре или продавце. Однако в отличие от традиционных розничных операторов, осуществляющих самостоятельную продажу товаров на основании договоров купли-продажи, маркетплейсы позиционируются в качестве информационных посредников, обеспечивающих взаимодействие между поставщиками и потребителями, что создает правовую неопределенность в вопросах их ответственности.

Долгое время суды придерживались «промаркетплейсного подхода», признавая платформы информационными посредниками по ст. 1253.1 ГК РФ. Это позволяло онлайн-площадкам избегать ответственности при соблюдении условий: отсутствие инициативы в размещении контрафакта, немедленное удаление материалов после уведомления и отсутствие прямой финансовой заинтересованности в нарушении. Однако в 2024 г. Суд по интеллектуальным правам вынес революционное решение по делу Wildberries [6], квалифицировав платформу как «лицо, исполнившее поручение» продавцов. Это изменило подход к распределению ответственности, поставив под сомнение статус маркетплейсов как нейтральных посредников.

До 2024 г. суды руководствовались положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 [7], где подчеркивалось, что информационные посредники несут ответственность только при наличии вины (п. 77). Пункт 73 Постановления содержит положение о том, что лицо, исполнившее поручение или задание по незаконному использованию результата интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, несет солидарную ответственность с лицом, давшим такое поручение, если оно знало или должно было знать о нарушении исключительного права.

В связи с этим возникает логичный вопрос о том, на основании чего и каким образом судам выявлять «знание» площадки о нарушении? Рассмотрим по данному поводу интересное дело в котором правообладатель произведения изобразительного искусства обнаружил, что крупный маркетплейс продает игрушки

по мотивам его произведения без его личного согласия. Сначала он направил владельцу площадки претензию с требованием прекратить нарушение и выплатить компенсацию, однако на конкретные факты нарушений не указал. Затем он подал иск с требованием о солидарном взыскании компенсации за нарушение исключительных прав. После получения копии иска площадка в тот же день удалила нарушающий права материал. Рассмотрев спор, суд указал: перечень необходимых и достаточных мер, предпринимаемых информационным посредником для устранения нарушения, законом не устанавливается, соответственно, определять их нужно самостоятельно, проявляя заботливость и осмотрительность, что и сделал ответчик, который:

1) немедленно заблокировал спорные объявления о продаже товаров, как только ему стало известно, о каких конкретно объявлениях идет речь;

2) своевременно разместил общедоступную инструкцию по порядку подачи претензий по вопросам защиты интеллектуальной собственности. Суд сделал вывод, что маркетплейс добросовестно отреагировал на жалобу, поэтому отвечать по иску не может.

Суд по интеллектуальным правам при рассмотрении последних дел с участием маркетплейсов, судя по всему, исходит из того, что если модель работы маркетплейса не отвечает критериям информационного посредника, то оператор маркетплейса является лицом, исполняющим поручение (т. е. подразумевается, что речь идет о взаимоисключающих понятиях). При этом суд приходит к выводу о возможности освобождения последнего от ответственности, если он не был осведомлен о нарушении прав истца и принял соответствующие меры по прекращению незаконного размещения материалов - однако такие же условия освобождения от ответственности сформулированы в ст. 1253.1 ГК РФ для информационных посредников.

В 2024 г. практика начала меняться. В деле *Wildberries* суд установил, что платформа не является информационным посредником, поскольку совершает сделки от имени продавцов, получая процент от транзакций. Это переклассифицировало ее в «лицо, исполнившее поручение», что влечет солидарную ответственность с продавцом по п. 73 Постановления №10. Аналогичный подход был применен к *Ozon*, но с противоположным выводом: суд признал платформу информационным посредником, так как она лишь предоставляет информацию о товарах, не участвуя в сделках [8].

Ключевыми критериями для судов стали источники дохода маркетплейса – комиссия за посредничество или прибыль от продаж; степень контроля за контентом – автоматическая публикация продавцами или модерация товаров платформой; юридическое оформление отношений с продавцами – договор оказания услуг или агентский договор.

Эти критерии, однако, не универсальны. Например, в деле *Ozon* суд учел, что платформа не редактирует описания товаров и не получает доход непосредственно от контрафакта, что позволило ей сохранить статус посредника. В случае же *Wildberries* активная роль в оформлении сделок (включая прием платежей и документооборот) стала основанием для ужесточения ответственности.

Даже при наличии правовых механизмов борьбы с контрафактом, маркетплейсы сталкиваются со сложностями. Проверка каждого продавца требует доступа к базам Роспатента [9], создания штата юристов и внедрения дорогостоящих IT-решений. Например, Wildberries использует систему «Цифровой арбитраж», позволяющую правообладателям напрямую взаимодействовать с продавцами и требовать документы. Ozon внедрил «Кабинет бренда» с нейросетями для анализа карточек товаров и отзывов [10].

Однако эти меры не решают проблему полностью. Продавцы-нарушители часто заново регистрируют себя в качестве индивидуальных предпринимателей, чтобы обойти блокировки, а предварительная проверка документов не гарантирует легальность товаров в динамично меняющемся ассортименте. Кроме того, отсутствие законодательно утвержденного перечня «достаточных мер» для платформ создает риски субъективных трактовок в судах.

Для гармонизации интересов правообладателей, маркетплейсов и потребителей необходимо четкое законодательное разделение статусов, а именно, закрепление в специальном законодательстве о цифровых торговых площадках критериев отнесения платформ к информационным посредникам или коммерческим представителям. Например, в Законе «О защите прав потребителей» можно закрепить норму, согласно которой владельцами агрегаторов, принимающие платежи и оформляющие документы от имени продавцов, должны автоматически признаваться участниками сделки. Внедрение претензионного механизма, чтобы обязать маркетплейсы создавать «личные кабинеты правообладателей» для оперативного удаления контрафакта без решения суда, снизит нагрузку на судебную систему и ускорит процедуру разрешения споров. Также в качестве законодательной инициативы можно рассмотреть введение прогрессивных штрафов для маркетплейсов, допустивших многократную продажу контрафакта одними и теми же продавцами, что установит ответственность за повторные нарушения.

Итак, проблема контрафакта в онлайн-торговле требует комплексного подхода, сочетающего правовое регулирование, технологические инновации и этические стандарты. Маркетплейсы, занимая двойственную позицию между посредником и участником сделки, не могут оставаться в «серой зоне» ответственности. Судебная практика показала, что критерии их статуса должны быть формализованы, чтобы избежать противоречивых решений. Законодательное закрепление обязанности платформ оперативно удалять контрафакт по запросу правообладателей, связанное с усилением превентивных мер, позволит найти баланс между свободой торговли и защитой интеллектуальных прав. В противном случае риски лягут не только на правообладателей, но и на потребителей, которые, доверяя онлайн платформе, становятся невольными покупателями подделок.

Список литературы

1. Федеральная налоговая служба. Таможенная статистика. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/>.

2. Доля нелегальных товаров в российской рознице в пять раз превысила мировой показатель // Интернет-издание «Бизнес-секреты». URL: <https://secrets.tbank.ru/novosti/dolya-nelegalnogo-oborota-v-roznitse/>.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

4. Кордина И. В., Хлебович Д. И. Маркетплейс как бизнес-модель электронного посредничества // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 4. С. 472

5. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.

6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 ноября 2024 г. № С01-1373/2024 по делу № А41-64447/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 ноября 2024 г. № С01-2158/2024 по делу № А40-272451/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Башук А. А. Товарные знаки на маркетплейсах, авторские права и патенты: почему блокируют поставщиков и за что взыскивают компенсации» // Официальный сайт адвоката Башука А.А. URL: <https://www.bashukchichkanov.com/press/tovarnye-znaki-na-marketpleysakh/>.

10. Единогласная поддержка правообладателей // Адвокатская газета (орган Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации). 28.04.2025. Рубрика: Защита и правовое сопровождение бизнеса.

Каримов Р. Р.¹,

курсант

Московского университета

МВД России имени В. Я Кикотя

Научный руководитель:

Полежаева О. Г.,

доцент кафедры гражданского

и трудового права, гражданского процесса

Московского университета

МВД России имени В. Я Кикотя,

кандидат юридических наук

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

На современном этапе развития общества происходит стремительный переход от индустриального к информационному укладу, что затрагивает не только экономику и технологии, но и правовые аспекты взаимодействия между государством, обществом и личностью. В этом контексте персональные данные становятся особенно значимым объектом правового регулирования. Их массовый сбор, обработка и передача как в публичной, так и в частной сфере требуют выработки устойчивых и универсальных юридических механизмов, способных обеспечить надежную защиту частной жизни человека. Актуальность данного направления обусловлена тем, что в условиях цифровой трансформации личная информация индивида приобретает характеристики ресурса – ее можно использовать, передавать, анализировать, и что особенно важно – монетизировать. Все это поднимает вопрос о необходимости переосмысления места персональных данных в системе гражданского права.

Следует отметить, что современное правовое поле пока еще не в полной мере отражает сложность и многослойность явления персональных данных. Несмотря на то, что Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [4] определяет ключевые принципы и условия обработки информации, относящейся к частной жизни гражданина, проблемы правоприменения остаются актуальными. Это объясняется тем, что персональные данные, по своей природе, являются нематериальными объектами, но в то же время обладают выраженной экономической ценностью и могут рассматриваться как индивидуальное благо, напрямую связанное с личностью. Таким образом, они не укладываются в классическое понимание объекта гражданских прав как вещи, и требуют иного, более гибкого и специализированного подхода.

Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 150 [2] закрепляет защиту нематериальных благ, среди которых названы в том числе частная жизнь и персональная неприкосновенность. В данном случае правовое регулирование выходит за пределы простого недопущения разглашения информации: речь идет о со-

¹ © Каримов Р. Р., 2025.

здании механизма, обеспечивающего гражданину возможность не только защищаться постфактум, но и проактивно контролировать оборот своих данных. Существенным является также тот факт, что при нарушении неприкосновенности частной жизни закон предоставляет право на компенсацию морального вреда, даже если негативные последствия не приобрели масштабного характера.

Кроме того, с 2021 г. в законодательство были внесены дополнительные нормы, уточняющие содержание согласия на распространение персональных данных. Так, Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ [3] ввел положение о разделении согласия на два типа: общее согласие на обработку данных и отдельное – на их распространение, что, безусловно, повысило степень правовой определенности. Дополнительно к этому, в целях защиты интересов субъекта данных, приказ Роскомнадзора от 24 февраля 2021 г. № 18 [6] закрепил требования к содержанию согласия, делая акцент на добровольности, осознанности и информированности лица, чьи данные обрабатываются. Это стало шагом к формированию более детализированного подхода к правовому режиму персональных данных, приближающегося к стандартам гражданско-правовой защиты.

На сегодняшний день вопрос о признании персональных данных самостоятельной гражданско-правовой категорией продолжает оставаться предметом научной дискуссии. Учитывая их ценность и индивидуализированную природу, можно обоснованно утверждать, что персональные данные обладают всеми признаками нематериального блага. Как нематериальные, они непосредственно связаны с личностью, неотчуждаемы без ее воли и требуют особого режима правовой охраны. При этом статус гражданского объекта позволит применять к ним не только механизмы компенсации вреда, но и принудительные меры защиты (например, через запрет на распространение), аналогичные тем, что предусмотрены для интеллектуальной собственности или доброго имени.

Стоит подчеркнуть, что, хотя административное законодательство в лице КоАП РФ [5] предусматривает ответственность операторов персональных данных за нарушения установленного порядка обработки, подобные меры чаще всего направлены на регулирование со стороны государства, а не на защиту прав конкретного гражданина. В этом плане гражданско-правовая охрана оказывается более персонифицированной, адресной и гибкой. Именно она позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства дела и степень причиненного вреда.

Нельзя обойти стороной и конституционный уровень закрепления прав на неприкосновенность частной жизни. Статья 23 Конституции Российской Федерации [1] прямо указывает на недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Это положение имеет высшую юридическую силу и должно служить ориентиром для разработки всех последующих норм в сфере защиты персональных данных.

Исходя из изложенного, представляется обоснованным утверждение, что признание персональных данных особым нематериальным благом, охраняемым в рамках гражданского права, будет способствовать укреплению правовой защищенности личности в условиях цифровой реальности. Это, в свою очередь, потребует корректировки и дополнения действующих правовых норм, направ-

ленных на формирование комплексного подхода к регулированию оборота персональных данных. Только в этом случае можно будет говорить о создании устойчивой правовой системы, способной адекватно реагировать на вызовы информационного века.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Роскомнадзора от 24 февраля 2021 г. № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения» (зарегистрирован в Минюсте России 21.04.2021 № 63204) // СПС «КонсультантПлюс».

Колесникова Е. А.¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Максимова И. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ САМОЗАПРЕТА НА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛОК

Самозапрет на совершение сделок как правовой инструмент возник в ответ на рост финансового мошенничества и необходимость защиты граждан от несанкционированного вовлечения в обязательства. Этот механизм, закрепленный в Федеральном законе № 218-ФЗ [1], позволяет гражданам ограничивать возможность заключения кредитных договоров на свое имя. Однако его внедрение сопровождается рядом системных проблем, требующих комплексного анализа.

Самозапрет существует на стыке гражданского, финансового и административного права, что порождает неоднозначность его трактовки. Например, отсутствие прямого упоминания в Гражданском кодексе Российской Федерации приводит к спорам о его соотношении с принципом свободы договора (ст. 421 ГК РФ) [2]. Некоторые юристы утверждают, что самозапрет ограничивает правоспособность граждан, хотя формально он не отменяет ее, а лишь создает превентивный барьер.

Кроме того, исключение из-под действия самозапрета целевых кредитов (ипотека, автокредиты) создает лазейки для мошенников. Известны случаи, когда злоумышленники оформляли займы под видом «образовательных», используя поддельные договоры с учебными заведениями. Это указывает на необходимость пересмотра перечня исключений или введения дополнительных проверок для таких сделок. Установление самозапрета через портал «Госуслуги» требует наличия усиленной электронной подписи (УЭП), что становится барьером для малограмотных или технически неподготовленных граждан. По данным Минцифры, только 34 % россиян старше 60 лет пользуются УЭП, что делает их уязвимыми перед мошенничеством.

Другая проблема – асинхронность обновления данных в бюро кредитных историй (БКИ). Даже после установки запрета существует «окно» в 1–2 дня, в течение которого мошенники могут успеть оформить кредит. Это связано с технической задержкой синхронизации данных между МФЦ, БКИ и банками. Несмотря на законодательные нормы, некоторые МФО игнорируют данные о самозапретах. В 2024 г. Центробанк Российской Федерации выявил 12 случа-

¹ © Колесникова Е. А., 2025.

ев выдачи микрозаймов при активных запретах, что привело к судебным разбирательствам. Проблема усугубляется отсутствием единого реестра самозапретов: банки проверяют информацию только в тех БКИ, с которыми сотрудничают, что позволяет мошенникам выбирать организации с устаревшими базами.

Кроме того, кредиторы иногда трактуют частичный запрет как полный, незаконно отказывая клиентам в оформлении разрешенных видов кредитов. Это нарушает права граждан и требует создания механизма обжалования таких решений. Самозапрет, по сути, перекладывает ответственность за защиту от мошенничества на самих граждан. Однако многие не понимают, как им пользоваться: по опросу НАФИ, 67 % россиян не знают о существовании этой услуги. Даже среди информированных граждан 40 % опасаются, что установка запрета негативно повлияет на кредитную историю, хотя закон прямо запрещает такое влияние.

Социальная стигма также играет роль: люди избегают самозапрета, чтобы не ассоциироваться с «ненадежными заемщиками». Это требует масштабной просветительской кампании с участием государства и финансовых омбудсменов. В Европейском союзе аналогичные механизмы (например, немецкая система «Schufa-Sperre») интегрированы в общенациональные кредитные реестры, что минимизирует риски ошибок. В России же фрагментированность БКИ (их более 10) осложняет контроль. Кроме того, в США самозапрет можно установить бесплатно, тогда как в Российской Федерации за срочное внесение изменений в БКИ некоторые агентства взимают плату, что противоречит принципу доступности.

Опыт Великобритании показывает, что эффективность самозапрета повышается при подключении биометрической идентификации. Однако в Российской Федерации внедрение биометрии сталкивается с низким доверием граждан: 58% опрошенных ВЦИОМ считают, что их данные могут быть украдены из системы. Самозапрет поднимает вопрос о балансе между безопасностью и свободой выбора. Например, должен ли гражданин иметь возможность делегировать установку запрета родственникам в случае психических заболеваний? Законодательство таких норм не предусматривает, что нарушает права недееспособных лиц.

Для совершенствования системы предлагается:

1. Создать единый реестр самозапретов с мгновенной синхронизацией данных.
2. Ввести обязательную проверку биометрии при оформлении кредитов.
3. Расширить действие запрета на сделки с недвижимостью, где фиксируется 23 % мошеннических схем.
4. Разработать мобильное приложение для управления статусом запрета в режиме реального времени.

Самозапрет на сделки – важный, но несовершенный инструмент. Его эффективность зависит от устранения правовых пробелов, технологической модернизации и повышения финансовой грамотности населения. Только комплексный подход позволит превратить его из «реактивного» механизма в проактивную систему защиты прав граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. №218-ФЗ «О кредитных историях» (в ред. от 26.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 421 «Свобода договора») // СПС «КонсультантПлюс».
3. Отчет Центрального банка Российской Федерации «О нарушениях в сфере потребительского кредитования» (2024).
4. Аналитический обзор Минцифры Российской Федерации «Использование электронной подписи среди населения» (2024).
5. Материалы ВЦИОМ «Доверие к биометрическим технологиям в Российской Федерации» (2024).
6. Исследование «Цифровая безопасность и права потребителей» // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2023.
7. Круглый стол «Самозапрет: правовые коллизии» // Журнал «Закон». 2024. № 5.
8. Отчет «Мошенничество в сфере недвижимости: статистика и профилактика» // Росреестр. 2024.
9. «Биометрия: риски и возможности» // Сборник материалов конференции «Цифровая трансформация-2024».

*Кондрашечкин Р. В.¹,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
и применения информационных технологий
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современные информационные технологии находят все большее применение и отражение в повседневной жизнедеятельности российского общества.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на форуме «Интернет-экономика» указал на необходимость использования таких технологий и сети Интернет в качестве движущей силы для модернизации страны, для повышения качества жизни людей, формирования новой технологической основы отечественной экономики и социальных отраслей, образования, здравоохранения.

Все большее количество различных услуг, оказываемых гражданам осуществляется посредством использования цифровых технологий в телекоммуникационной среде. Пользователями российского сегмента сети Интернет являются более 130 млн человек, что составляет примерно 90 % населения, активными пользователями социальных сетей являются порядка 106 млн человек, т. е. более 81 % населения.

Информационные сети, социальные сети, являются сегодня частью повседневной жизни населения. Кроме того, создана система представления государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Развитие инструментов финансового рынка, платежных систем, цифровизация экономических процессов повлияли на создание новых форм расчетов, электронных средств платежа и их использование для безналичных переводов и расчетов.

Начавшиеся процессы цифровизации в Российской Федерации касаются различных областей общественных отношений и по мнению ведущих российских ученых, предпринимателей, сотрудников и должностных лиц государственных органов, организаций, и предприятий должны обеспечивать эффективный и стабильный рост российской экономики в сложившихся непростых условиях, связанных с введением санкций в отношении Российской Федерации со стороны недружественных стран, и в условиях проведения, объявленной

¹ © Кондрашечкин Р. В., 2025.

24 февраля 2022 г., президентом Российской Федерации В.В. Путиным, специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины.

Выступая перед депутатами Государственной Думы, премьер-министр Российской Федерации М. Мишустин заявил: «Для укрепления технологического суверенитета необходимо обеспечить и внедрение цифровых решений во все сферы экономики и для этого у нас есть сильная ИТ – отрасль, которая за шесть последних лет стала одной из самых быстрорастущих в российской экономике, почти удвоив вклад в ВВП. Уровень развития ИТ индустрии позволяет увеличивать темпы цифровизации госуправления в электронном виде представлять сервисы гражданам и бизнесу».

К концу 2024 г. в цифровой формат были переведены социально значимые услуги 111 федеральных, 95 региональных и муниципальных, данными услугами возможно воспользоваться через портал «Госуслуг».

Вопросы цифровизации всех сторон жизни общества и государства представляются актуальными и значимыми, способствуют всестороннему развитию и цифровой независимости Российской Федерации перед новыми вызовами и угрозами.

Начавшиеся процессы цифровизации общественных отношений в Российской Федерации оказывают значительное влияние на реформу действующего законодательства. Цифровизация требует пересмотра существующих норм и правил, чтобы обеспечить правовую основу для новых технологий и процессов. В качестве примера можно привести внедрение в правовые отношения электронного формата заключения сделок, проведение государственных закупок в режиме онлайн-торгов, рассмотрение судебных споров с использованием видеосвязи, проведение выборов в электронном формате, а также предоставление информации о деятельности государственных органов через их официальные веб-сайты.

В соответствии с положениями федерального проекта «Цифровое государственное управление» и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», реализуемой в рамках государственной программы «Информационное общество», к 2030 г. необходимо обеспечить возможность электронного доступа граждан к 95 % массовых социально значимых государственных услуг.

Влияние процессов цифровизации на реформу действующего законодательства можно рассмотреть через несколько ключевых аспектов:

1) необходимость обновления законодательства для регулирования новых технологий. Появление и развитие таких технологий, как искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей и других, требует разработки новых правовых норм и изменений в существующих законах. Например, необходимо определить правовой статус криптовалют и регулировать использование персональных данных в цифровых системах;

2) защита прав граждан в цифровой среде. Цифровизация повышает риски нарушения прав граждан, например, в сфере кибербезопасности и защиты персональных данных. Законодательство должно адаптироваться к этим вызовам, вводя новые нормы и ужесточая ответственность за их нарушение;

3) развитие электронного правительства и государственных услуг. Цифровизация государственных услуг требует изменений в законодательстве, регулирующем взаимодействие граждан и органов власти в электронной форме. Это включает в себя разработку норм, обеспечивающих безопасность и конфиденциальность персональных данных, а также установление стандартов качества и доступности электронных государственных услуг.

4) изменение подходов к юридической ответственности. В условиях цифровизации возникают новые формы юридической ответственности, например, за нарушение авторских прав в интернете или за распространение недостоверной информации. Законодательство должно учитывать эти изменения и адаптировать существующие механизмы ответственности;

5) интеграция цифровых технологий в судопроизводство. Цифровизация судебной системы требует изменений в процессуальном законодательстве, включая возможность проведения онлайн-заседаний, использования электронных доказательств и автоматизации некоторых судебных процедур;

6) обеспечение информационной безопасности. Развитие цифровых технологий повышает риски кибератак и других угроз информационной безопасности. Законодательство должно содержать нормы, направленные на защиту критически важной инфраструктуры, персональных данных граждан и других важных информационных ресурсов;

7) регулирование цифровых платформ и сервисов. Появление новых цифровых платформ и сервисов, таких как социальные сети, мессенджеры и онлайн-маркетплейсы, требует разработки законодательства, регулирующего их деятельность, защиту прав пользователей и предотвращение злоупотреблений;

8) упрощение процедур и сокращение бюрократии. Цифровые технологии могут упростить многие административные процедуры, сократить время их выполнения и уменьшить необходимость в физических документах. Законодательство должно способствовать этому процессу, устанавливая четкие правила и стандарты для электронных документов и процедур;

9) международное сотрудничество в сфере цифровизации. Развитие цифровых технологий требует международного сотрудничества в области законодательства, особенно в вопросах кибербезопасности, защиты данных и борьбы с киберпреступностью;

10) необходимость обеспечения прозрачности и подотчетности цифровых систем. Законодательство должно содержать положения, обеспечивающие прозрачность работы алгоритмов и систем искусственного интеллекта, а также устанавливающие механизмы контроля и надзора за их деятельностью.

Хотелось бы также отметить тот факт, что повсеместное внедрение передовых цифровых технических решений вызывает некоторые проблемы неготовности отдельных отраслей и направлений к так называемым системным изменениям, в связи с переходом к новым технологиям.

Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 в рамках реализации развития российского общества и государства утверждена «Стратегия развития информационного общества 2017-2030 гг.».

Данный документ призван обеспечить разработку и реализацию национальных программ по использованию и оказанию электронных услуг населению в целях совершенствования процессов управления и регулирования общественных отношений посредством использования цифровой среды. В связи с этим возникают отдельные противоречия, когда граждане старшего поколения не имеют необходимых минимальных знаний по работе с так называемыми гаджетами и не понимают процесса цифровизации, в связи с тем, что не имеют достаточных знаний о пользовании новыми высокотехнологическими устройствами, а также программным обеспечением позволяющим работать в цифровой среде, в отличие от молодого поколения, которые фактически родились и воспитывались на совершенно новых технологических устройствах, таких как компьютеры, смартфоны, видеоигры и прочих цифровых устройствах.

Зачастую людям старшего поколения достаточно сложно, а порой и невозможно понять работу приложения «Госуслуги» и его сервисов, которое разрабатывалось специально для граждан с целью оказания электронных услуг. Однако разработчики данного программного продукта не учли особенности развития старшего поколения, в бытность которых отсутствовали цифровые платформы и технологии. Поэтому в настоящее время наблюдается проблема, связанная с переходом от заполнения обычных бумажных документов, т. е. от механических устройств к цифровым, что должно обеспечивать оформление документов в цифровой среде и создание электронного документооборота. Однако в повседневной практике имеются сложности в оформлении подобных документов, лицами старшего возраста.

С учетом представленных тезисов, проводимая 15 мая 2025 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя V Всероссийская научно-практическая конференция «Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы» позволит глубже проанализировать и изучить вопросы, связанные с характером преобразования государства и права в процессе цифровизации.

Список литературы

1. Зазулин А. И. Позитивные и негативные взгляды на цифровизацию права: в поисках объективной точки зрения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 6–12.
2. Кондрашечкин Р. В. Оперативно-разыскное противодействие распространению наркотических средств в информационно-телекоммуникационной сети // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования. Материалы международного научно-практического семинара. Ответственные редакторы Д.В. Ким, Н.Н. Цуканов, Красноярск, 2021. С. 216–219.
3. Кондрашечкин Р. В. Правовое обеспечение применения технологий искусственного интеллекта оперативно-розыскной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2 (66). С. 142–149.

4. Литвин И. И. Системный характер преобразования государства и права в процессе цифровизации // Вестник уральского юридического института МВД России 2023. № 2 (38). С. 103–108.

5. Михайлова И. А., Лимарь А. С., Гиляев Р. И. О деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 109–113.

6. Николаев О. Э., Миронов В. Л., Кондрашечкин Р. В. Вопросы прогнозирования состояния оперативной обстановки в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях : учебное пособие. М.. 2022.

Крюченкова А. А.¹,

курсант

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Филиппова А. И.,

доцент кафедры гражданского

и трудового права, гражданского процесса

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Суррогатное материнство, является одной из наиболее обсуждаемых тем в области репродуктивных технологий. Этот процесс предполагает участие женщины, которая вынашивает и рождает ребенка для других людей, что ставит перед правом сложные вопросы, касающиеся прав и обязанностей всех участников процесса – биологических родителей, суррогатной матери и ребенка.

В первую очередь, его правовое регулирование затрагивает вопросы заключения договора суррогатного материнства, установления прав родства, а также защиты прав ребенка, рожденного с помощью данной технологии. Проблемы, связанные с определением родительских прав, правами суррогатной матери и потенциальными правовыми спорами, требуют детального анализа и выработки соответствующих правовых механизмов.

В разных странах подходы к регулированию суррогатного материнства значительно различаются. В некоторых государствах суррогатное материнство полностью легализовано и регулируется четкими правовыми нормами, в то время как в других оно либо полностью запрещено, либо ограничено определенными условиями. Такие различия создают сложную ситуацию для граждан, пересекающих границы с целью воспользоваться услугами суррогатных матерей, а также для правовых систем, пытающихся учесть все возможные риски и конфликты, связанные с этим явлением.

Так, проблематика суррогатного материнства, включая гражданско-правовые аспекты, привлекала внимание как российских, так и зарубежных ученых, юристов и правоведов. Исследования в этой области охватывают широкий спектр вопросов, включая правовое регулирование суррогатного материнства, права и обязанности сторон, а также вопросы биоэтики и правозащиты.

Отметим, исследователей, чьи научные труды связаны с проблемой правового регулирования суррогатного материнства. Ю. М. Лавор в своих работах по гражданскому праву рассматривает вопросы правового регулирования новых форм семейных отношений, включая суррогатное материнство, с акцентом на

¹ © Крюченкова А. А., 2025.

защиту интересов всех сторон в контексте российского законодательства. Особое внимание он обращает на то, что создавая ту или иную модель правового регулирования отношений суррогатного материнства, всегда необходимо помнить о самых незащищенных субъектах – детях, рожденных в результате реализации программы суррогатного материнства [2].

Л. К. Айвар также исследует семейно-правовые отношения и гендерные аспекты в контексте репродуктивных технологий, включая суррогатное материнство. Особенно он раскрывает требования, предъявляемые к суррогатным матерям. К ним он относит: возраст от 20 до 35 лет; наличие собственного здорового ребенка и психическое и соматическое здоровье [1, с. 9]. Дополнить этот перечень требований можно пунктом о том, что женщина должна дать письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство.

А. П. Волгина, исследует вопросы правового регулирования суррогатного материнства с позиции гражданского права, а также правовые последствия для сторон договора и ребенка, родившегося с использованием суррогатной матери. Исследователь подчеркивает, что суррогатное материнство – это явление с отрицательными последствиями для всех участвующих в данной сделке: и для суррогатной матери, и для ребенка, и для потенциальных родителей [3, с. 5].

Многие юридические и правозащитные организации, а также университетские центры регулярно публикуют исследования программ суррогатного материнства. Так, по оценкам ООН, на сегодняшний день в мире по программе суррогатного материнства рождено более 1 500 детей, а по сведениям представителя BBC News Л. Уоллис сегодня «индийский рынок суррогатного материнства оценивается в 1 млрд долларов в год» [5].

Основным нормативным актом России, регулирующим брачно-семейные отношения является Семейный кодекс. Так, Семейное законодательство Российской Федерации предусматривает обязанность родителей, органов опеки и попечительства обеспечивать защиту имущественных прав детей (например, право на жилище и алименты). Данные органы должны защищать детей от возможного злоупотребления своим статусом со стороны родителей и иных законных представителей.

Однако в Семейном кодексе Российской Федерации отсутствуют нормы, которые гарантировали бы защиту прав ребенка, появившегося на свет в ходе выполнения программы суррогатного материнства. В обязанности органов опеки и попечительства в данном случае не входит защита прав ребенка до момента установления его происхождения.

Считаем, что для исключения данного юридического пробела необходимо внести поправки в соответствующее законодательство, а именно требуется, чтобы основанием для регистрации ребенка его генетическими родителями были справка из медицинского учреждения о рождении ребенка суррогатной матерью и сам договор об оказании услуг суррогатного материнства.

С этой проблемой достаточно тесно связан вопрос о правовом статусе заказчика по договору суррогатного материнства. Семейный кодекс России в ст. 51 разрешает прибегать к услугам суррогатной матери только супругам. Однако п. 3 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об ос-

новах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает, что мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий, к числу которых относится и суррогатное материнство [6]. Как видно, здесь вскрывается еще одна правовая коллизия в виде конкуренции норм, регулирующих требования к субъектам, имеющим право на обращение к методам суррогатного материнства.

Например, Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга удовлетворил заявление истца – не состоящего в браке мужчины – о регистрации ребенка, рожденного по договору о суррогатном материнстве, в качестве его сына без указания сведений о матери [4].

Изучив научную литературу, судебную практику и иные источники можно отметить то, что авторами выработаны предложения по развитию гражданско-правовых отношений в сфере суррогатного материнства:

1) особое внимание уделено прогнозированию изменений в гражданском праве, связанных с развитием репродуктивных технологий, социальных изменений и международной практики (позволит оценить текущее состояние и выделить потенциальные проблемы, которые могут возникнуть в будущем);

2) анализ международного опыта с учетом российских реалий позволяет выявить мировую статистику программы суррогатного материнства;

3) юридическая защита интересов всех сторон (в том числе ребенка), необходимо развивать концепцию баланса интересов о правовом статусе ребенка, установлении родства и защите прав суррогатной матери.

Таким образом, новизна исследования заключается в комплексном подходе к прогнозированию будущих изменений в правовом регулировании суррогатного материнства, интеграции международного опыта и предложении новых правовых решений для защиты интересов всех участников процесса.

Список литературы

1. Айвар Л. К. Правовые проблемы суррогатного материнства. Законодательные предложения // Представительная власть – XXI в.: законодательство, комментарии, проблемы. 2008. № 5–6 (84–85). С. 8–15.

2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М. : Статут, 2005.

3. Волгина А. П., Крыжанстовская В. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в Российской Федерации // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2014. № 4(21). С. 4–7.

4. Демина И. А. Правовые проблемы суррогатного материнства // Наука. Общество. Государство. 2020. № 2.

5. Суррогатное материнство – что это? URL: <http://ekoaist.ru/surrogatnoe-materinstvo/currogatnoe-materinstvo-chto-eto.html/>.

6. Федеральный закон от 29 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27 (ч. 2). Ст. 4255.

Кудашова И. В.¹,

*доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин*

Ленинградского областного филиала

Санкт-Петербургского университета МВД России,

кандидат философских наук

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Современный процесс реформирования правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в период становления национальной цифровой экосистемы подразумевает глубокое переосмысление традиционных подходов к правовому регулированию. Особое место здесь занимает проблема цивилистической идентичности российского права, которая во многом определяется сочетанием классического наследия и новейших правовых практик. Сложность в формировании такой идентичности обусловлена обилием заимствованных конструкций, многообразием источников и ускоренной цифровизацией, требующей адаптации привычных институтов. При этом сохраняется потребность в определенной устойчивости базовых принципов, позволяющих говорить о самобытном развитии отрасли. Переход к активному внедрению информационных технологий в правовое поле демонстрирует, насколько тесно переплетены факторы традиции (существовавшие ранее практики и доктринальные схемы) и факторы новации (цифровые механизмы, электронный документооборот, онлайн-взаимодействие сторон). Это слияние различного рода инноваций с типичными для национального права институтами рождает новые концепты, расширяет понятийный ряд и одновременно создает риск утраты неотъемлемых цивилистических компонентов, сформировавшихся исторически.

Идентичность российского права коренится во многом в римско-правовой традиции, которая была творчески воспринята отечественными учеными XIX в. и позднее адаптирована с учетом исторического контекста. При этом сложное развитие советского периода задержало формирование полноценной системы частноправовых институтов, ориентированных на принцип частной собственности и договорную свободу. Возвращение к рыночным отношениям после 1991 г. восстановило в содержании гражданского права классический частноправовой фундамент. В новых исторических условиях это проявилось в закреплении ключевых начал, таких как неприкосновенность собственности, свобода перемещения ценностей и охрана имущественных интересов частных лиц. Однако процесс реформирования не остался однородным: зарубежный опыт, активно осваиваемый законодателем, внес дополнительный пласт правовых конструкций, которые необходимо было согласовывать с российскими правовыми традициями. Так возникла утонченная проблема сбалансировать ре-

¹ © Кудашова И. В., 2025.

цепцию норм и институтов, а также гармонизировать их с историческими константами отечественного права.

Примером такого баланса служат многочисленные договорные конструкции, заимствованные из иностранных правовых порядков: лизинг, франчайзинг, факторинг и прочие. Вместе с тем в российском праве эти институты нередко приобрели трансформированные формы [3]. Термин «факторинг», изначально воспринятый из англосаксонской традиции, обрел в статьях Гражданского кодекса Российской Федерации более широкую трактовку, сочетающую финансирование и оказание услуг. Сходные явления наблюдаются и с конструкцией финансовой аренды (лизинга), чья юридическая природа в отечественных исследованиях до сих пор порождает дискуссии. Как следствие, при всей привлекательности либерального заимствования новые понятия требуют деликатного соотношения с базовыми принципами гражданского права и сложившимися в научном обороте классификациями. Нельзя допускать, чтобы чрезмерный импорт чужеродной терминологии выхолащивал национальные черты, делающие российское частное право уникальным и адаптированным к местным реалиям.

Современная цивилистическая идентичность не исчерпывается лишь вопросом предмета регулирования. Устойчивые черты российского права выражены в системе принципов и доктрин, неизменно сохраняющих гуманистическую направленность, а именно: признание прав и свобод человека высшей ценностью, уважение к частной собственности и добросовестному поведению сторон в обязательственных отношениях. В статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо закреплен принцип равенства участников и недопустимости произвольного вмешательства в частные дела. Это тезисно указывает на ориентацию российского права на либерально-частный базис, восходящий к мировой классической традиции. Но как только законодатель сталкивается с новациями экономических процессов или с цифровыми сервисами, встает вопрос: не вступает ли адаптация или модификация «канонических» частноправовых институтов в противоречие с глубинным характером права? Так, при внедрении электронного правосудия и дистанционных методов участия сторон в рассмотрении споров, особо остро проявляются вопросы о делящейся роли классических принципов непосредственности и состязательности, ведь использование различных видеоинструментов изменяет динамику судебного процесса. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» получил распространенную оценку в юридическом сообществе как стимул для расширения возможностей дистанционных заседаний, но оставил открытым вопрос о достаточном уровне правовых гарантий для участников, столкнувшихся с дефицитом технических средств. В этом ракурсе видно, что цифровыми новациями нельзя подменять сущностные категории цивилистики [1]. Их следует органично дополнять, чтобы сохранять устойчивую идентичность: базовые частноправовые свободы, защищенность имущественных интересов и институциональную логику, ориентированную на свободу собственника и равенство сторон.

Одна из ключевых проблем цивилистической идентичности – наличие тесной связки между традиционным концептом субъективных прав и институтом

договора, а также необходимостью учета интересов третьих лиц и публичных интересов в эпоху масштабной цифровизации. Российское законодательство все более активно вводит специальные нормы о сопровождении электронных транзакций, о регистрации перехода прав, об использовании смарт-контрактов и токенов [4]. Однако часто превосходящая скорость технологических перемен приводит к рассогласованию в применении новаций с выдержанными во времени гражданско-правовыми конструкциями. Здесь на первый план выходит вопрос о гармонизации национальных правил с международными стандартами информационной среды, что обязательно должно просматриваться сквозь призму отечественных правовых ценностей.

Специальное значение приобретают личные неимущественные отношения, позиции о защите частной жизни и персональных данных, ибо стремительно возрастающий поток цифровых практик расширяет риск вмешательства в сферу личного. Тонкая грань между открытыми базами данных, онлайн-видеоконференциями, электронными архивами, а также уважением к личности требует от законодателя аккуратного соблюдения приоритета конституционных ценностей. По сути, речь идет о том, чтобы переформулировать классический баланс свободы и контроля, сохраняя при этом существо традиционного понимания гражданской автономии, но интегрируя защищенность персональной информации. Даже при активном влиянии зарубежных моделей (европейские стандарты GDPR или иные формы защиты личных данных) надлежит сортировать подобные решения с учетом национальных культурных и правовых особенностей.

Перед российским правом стоит особо актуальная задача – уметь мобильно реагировать на экономические и технологические вызовы, не отрываясь при этом от корневых принципов цивилистической традиции. Именно такая «живучесть» и пластичность позволяют развивать гражданское законодательство с учетом передового опыта и в то же время удерживаться в логике проверенных идей о свободе договора, о принципе надлежащего исполнения обязательств. С точки зрения научного осмысления [5], это предопределяет потребность в постоянном обновлении знаний правоприменителей и исследователей: в условиях ускоренной цифровизации лишь фундаментальное понимание традиционных конструкций соединяется с умением воспринимать качественно новые инструменты правового регулирования. Нередко современная практика порождает проблемные коллизии. К примеру, в спорах о цифровых активах может возникнуть вопрос: действительно ли гражданско-правовая конструкция владения пригодна для обозначения «цифрового товара» или требует уточнения в ракурсе теории прав на нематериальные объекты. Если такая теория не будет достаточна (или будет избыточной), это способно ослабить экосистему правовой идентичности и породить хаос в судебной практике, что ставит под угрозу признанные принципы определенности и предсказуемости в праве.

Определенную опору обеспечивает цивилистическая культура, прививающая уважение к прошлому опыту и выступающая в роли когнитивного канала, по которому исторические догматы адаптируются к новым реалиям. Как подчеркивают исследователи, «цивилистическую традицию можно определить как систему частноправовых институтов, концепций и воззрений, основанную на римском праве, но творчески развиваемую наукой и судебной практикой стран, принадлежащих к романо-германской правовой семье» [2]. Цифровая эра не

отменяет таких основ, а лишь создает встречный запрос на их модернизацию. Справедливо считается, что гибкость правовой системы в том, чтобы умело переключатся между классическими схемами и новыми форматами деятельности, будь то электронное правосудие, платформенные вычисления или смарт-контракты. При этом, если суды и правовые эксперты не будут идти в фарватере традиционных методологических установок, возможно ишение цивилистики того идейного стержня, который век назад описывался школой естественного права и развивался великими дореволюционными цивилистами.

Законодатель, вводя многочисленные поправки, не может всецело снять с себя бремя согласования с определяющими началами, заложенными в Гражданском кодексе и выводимыми из общих принципов. Точно так же освоение зарубежных инновационных моделей не должно становиться копированием, которые стирали бы «сигнатуру» российского права. Национальная культура – это не застывший массив рутины, а постоянная трансплантация форм при сохранении глубоких конструктивных свойств. Пока эти свойства в отечественном регулировании договорных и внедоговорных обязательств удерживают традиционный характер, закон продолжает обеспечивать окончательную преемственность и преодоление противоречий, неизбежно возникающих при слиянии архаических норм с новыми технологиями.

Можно заключить, что современное российское гражданское право, формируясь в эпоху масштабной цифровой трансформации, продолжает оставаться системой, в которой традиции нацелены на поддержку принципов свободы, неприкосновенности и равенства участников, а инновации проникают во все сферы гражданского оборота и судопроизводства, раскрывая перед правом новые горизонты. Сохранение этой идентичности требует постоянного анализа и мониторинга того, насколько вписываются новейшие нормы и правоприменительные практики в фундаментальные цивилистические устои. В конечном счете, именно гармоничное сочетание классического наследия и современных новаций определяет уникальный путь российского права и свидетельствует о его готовности к дальнейшему устойчивому развитию.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405386/.
2. Томилов А. Ю. Значение цивилистической традиции в современной системе гражданского права // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Т. 5. Вып. 4. С. 33–38.
3. Плешанов А. Г. К вопросу о влиянии информационных технологий на принципы цивилистического процесса // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 248–252.
4. Гражданское право / [М. М. Агарков и др.] ; под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. 419 с.
5. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М. : Волтерс Клувер, 2008. 396 с.

*Лукина О. Н.¹,
преподаватель кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России*

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ДОГОВОРНЫХ И ВНЕДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ЭПОХУ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

На этапе активного становления цифровых технологий и электронных сервисов национальной правовой системе предстоит масштабная корректировка принципов, регулирующих обязательства как договорного, так и внедоговорного характера. В контексте цифровых платформ многие гражданско-правовые конструкции претерпевают существенные обновления, что стимулирует разработку новых подходов к защите интересов участников обязательственных отношений. Наблюдается рост значимости электронного взаимодействия, при котором фиксация в цифровых реестрах способствует ускоренной проверке статуса сделок и сокращению рисков спорных ситуаций. Однако, формируя обновленную модель правового регулирования, следует учитывать принципиальные основы законодательства, заложенные в Конституции Российской Федерации [1] и иных нормативных правовых актах, а также специфику нематериальных благ и цифровых данных, отраженных в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

Совершение сделок через специализированные электронные площадки выявляет новые формы правовой коммуникации. Традиционные нормы о достижении соглашения снискали иное практическое звучание за счет цифровых аспектов, где подтверждение намерений сторон нередко осуществляется через смарт-контракты. Подобный характер обязательств порождает вопрос о том, насколько правомерно лицо формирует и исполняет встречные требования в цифровой среде. В этом смысле выделяется несколько уровней реформирования: совершенствование законов об электронных подписях, уточнение правил обмена юридически значимыми уведомлениями, а также установление более детализированных критериев действительности электронных правочиново.

При этом весьма востребованы способы защиты правовых позиций, особенно когда речь идет о нарушении обязанностей в сетевом формате или при недобросовестном применении цифровых технологий. Практика показывает, что в цифровой экосистеме спорные ситуации часто возникают из-за несоблюдения сторонами условий о порядке расчетов, конфиденциальности данных или прав на результат интеллектуального труда. Соответственно, суды, выступая в роли гарантии правопорядка, опираются на принципы добросовестности и соразмер-

¹ © Лукина О. Н., 2025.

ности, интерпретируют цифровые доказательства с учетом правового и технического анализа.

Для оценки состояния реформирования правовой модели договорных и внедоговорных обязательств важно учитывать исторически сложившиеся подходы к охране гражданских прав. Сфера внедоговорных отношений охватывает деликты, неосновательное обогащение, получение выгод вне рамок прямых соглашений. При наличии оспариваемых обстоятельств стороны обращаются к судебным органам, уполномоченным выносить постановления о восстановлении имущественной сферы потерпевшего. Актуализация вопросов возмещения морального вреда, восстановления нарушенного права или компенсации убытков требует дальнейшего нормативного уточнения. Так, если вред причинен незаконным распространением данных в интернете, возникает потребность в специальных алгоритмах блокировки недостоверных сведений и в доступном механизме подачи исковых заявлений.

Цифровая специфика затрагивает и личные нематериальные права. Подобные права не могут отчуждаться даже при многостороннем электронном документообороте. Как указано в одном из исследований: «Гражданские права не могут отчуждаться, переходить к другим лицам по наследству или иным образом» [3]. Данная позиция подчеркивает фундаментальный характер личных прав в российском правопорядке и их повышенную уязвимость при создании централизованных баз данных, обрабатывающих конфиденциальную информацию. Переход к цифровой экосистеме предполагает более жесткое закрепление гарантий защиты собственности на нематериальные активы, а также совершенствование норм о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Критерий эффективности национальной цифровой экосистемы во многом зависит от того, насколько быстро и достоверно государственные институты реагируют на нарушения договоров, в том числе, когда стороны в силу технических сбоев или недобросовестных действий контрагентов не могут защитить свои интересы во внесудебном порядке. В судебном процессе возрастает роль цифровых доказательств: логов серверов, следов IP-адресов, данных смарт-контрактов. Дополнительно возникает сфера правового рассмотрения вопросов о незаконном копировании контента, кибератаках, преступном использовании реквизитов контрагента. Для таких ситуаций важны не только специальные правовые механизмы (исковые заявления о признании сделки ничтожной из-за неисполнимости, о возмещении убытков, а также о компенсации морального вреда), но и наличие технически ориентированных мер, которые позволяют быстро пресечь правонарушение.

Особое внимание необходимо уделять устройству новой догматической базы для внедоговорных обязательств, связанных с ущербом от цифровых действий: вторжением в информационные системы, несанкционированным размещением чужой интеллектуальной продукции, распространением порочащих сведений или конфиденциальной информации [4]. Подчас гражданину или хозяйствующему субъекту недостаточно только судебных исков с требованием компенсации, поскольку при длительной атаке может утрачиваться сама ценность информации и деловая репутация. Поэтому все более актуальны меха-

низмы пресечения дальнейшего распространения данных через блокчейн-реестры и адресное уведомление провайдеров. Установление четкого порядка подобных действий во многом определит успешность реформы правовой модели.

При рассмотрении дел об охране нематериальных прав суды учитывают характер умышленных действий ответчика и могут дополнительно взыскивать компенсацию за моральную травму. Однако величина такой компенсации нередко вызывает споры: отсутствует унифицированный подход к оценке нравственных страданий, связанных с цифровой экспозицией [5]. Судебные акты выносятся, исходя из субъективного усмотрения, что приводит к разнице в объеме взыскиваемых сумм. Появляются инициативы о необходимости более четкого законодательного ранжирования обстоятельств, которые усиливают или ослабляют бремя доказательств потерпевшего. Параллельно обсуждается расширение административных полномочий надзорных органов для ускоренной блокировки сведений, которые порочат субъекта и противоречат закону.

Анализ правовых тенденций позволяет заключить, что реформирование договорных и внедоговорных обязательств в эпоху цифровой экосистемы предполагает гармоничное сочетание классических принципов гражданского права и современных технологических возможностей. Судебная защита продолжает оставаться ключевым способом восстановления нарушенных интересов, но расширяются внесудебные формы: специализированные медиаторы, арбитраж в онлайн-формате, административные санкции в рамках компетенции надзорных ведомств. Помимо этого, возрастает значимость самозащиты и превентивных мер: участники рынка стремятся заранее предусмотреть механизмы безопасности и мониторить состояние собственных прав в сети. Если подобные гарантии станут частью системы цифровых сервисов (включая процедуру автоматической фиксации факта нарушения), процесс охраны и восстановления правовых позиций ускорится.

Итогом правовой перестройки должна стать модель, при которой акцентируется устойчивость правовых инструментов даже при самых непредвиденных цифровых сценариях. Нематериальные блага, включая честь, достоинство, деловую репутацию и данные, подлежат усиленной защите средствами гражданско-правового реагирования. Компенсационные механизмы в форме возмещения убытков и уплаты денежных сумм за моральный вред обогащаются специальными цифровыми процедурами. Немаловажным представляется и законодательное уточнение ряда понятий: околоцифровое соглашение, онлайн-торговля, смарт-контракт, юридическая сила электронных доказательств. Все перечисленные аспекты требуют непрерывного анализа сформировавшейся практики и ее сопоставления с базовыми принципами, заложенными в Конституции Российской Федерации.

В конечном итоге реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в снова формирующейся цифровой экосистеме открывает инновационные пути защиты интересов. Тем не менее необходимо сохранять системность юридических принципов, заложенных в гражданское законодательство, и обеспечивать единообразие толкования в судебной практике. Если эти цели будут достигнуты, национальная цифровая инфраструктура станет

надежной правовой средой, стимулирующей развитие экономики знаний и укрепляющей доверие к правовым институтам.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : редакция от 14 апреля 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

3. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 6–1 (81).

4. Панищев А. Л. Честь и достоинство человека как основа государства // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 6–12.

5. Даниелян А. М. Система способов защиты гражданских прав // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 449–451.

*Малышева Н. А.¹,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Большинство цивилистических исследований современности так или иначе затрагивают вопросы изучения особенностей цифровизации общественных отношений, проблем искусственного интеллекта, цифровых валют и т. д. Иными словами, большинство современных ученых следуют самым последним трендам, что вполне оправдано и соответствует требованиям времени. Наряду с этим не утрачивают актуальность традиционные проблемы обязательственного права, включая обязательства вследствие причинения вреда. Представляется, что обозначенная группа общественных отношений также подвергается изменениям: как под влиянием внедрения новых цифровых технологий, так и иных обстоятельств, например, наличием нерешенных проблемы в науке и практике относительно критериев признания источников повышенной опасности таковыми. Актуальность исследования традиционных проблем гражданского права подтверждается, в том числе, постоянным поиском баланса частных и публичных интересов. При наличии у правоохранителей широкого набора полномочий данный вопрос также является достаточно важным.

В учебниках гражданского права система правоохранительных обязательств представлена двумя группами правоотношений: обязательства вследствие причинения вреда и обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения [2; 3]. Такая систематизация присуща гражданскому праву уже долгое время, а потому ее правильность не вызывает сомнений. Однако даже с момента принятия всех частей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) прошло уже почти 20 лет, что делает возможным переосмысление сложившейся парадигмы правоохранительных обязательств. Наименование такие обязательства получили по своему основанию возникновения – это недозволенные действия, сопряженные с нарушением чьих-либо прав и законных интересов [5, с. 61]. Однако стоит обратить внимание на то обстоятельство, что сотрудники правоохранительных органов иногда вынуждены нарушить чьи-либо права, если это требуется для защиты более значимых социальных интересов. Этим правилом во многом обусловлено наличие в гражданском праве норм, позволяющих возместить ущерб, причиненный правомерными действиями государственных органов, только в случаях, прямо предусмотренных законом (ст. 16.1 ГК РФ). В связи с этим некоторые случаи причинения вреда можно назвать в какой-то степени дозволительными при определенном стечении обстоятельств. Автор ни в коем случае не стремится назвать причинение

¹ © Малышева Н. А., 2025.

вреда правомерными действиями государственных органов желанным, однако стремится продемонстрировать необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Обозначенные выше обстоятельства свидетельствуют о наличии новых тенденций в сфере обязательственного права, связанных с определенным «дроблением» более крупных юридических конструкций в более мелкие и содержательные. Заслуживают внимания выработанная Т. В. Дерюгиной модель компенсаторных обязательств, в рамках которой обосновывается особый механизм защиты субъективных прав и отличная от деликтных обязательств цель [4, с. 25]. По мнению профессора, основанием компенсации выступают гарантии более высокого уровня – конституционные гарантии, отраженные в ст.ст. 17, 35, 45, 46, 75.1 Конституции Российской Федерации [1]. Стоит отметить, что концепция так называемых компенсационных обязательств развивалась еще в советские годы [6], но не нашла должной поддержки в трудах отечественных цивилистов. Автор убежден в том, что в настоящее время подобные размышления имеют под собой значительные теоретико-правовую и фактическую основы. Подтверждением тому служит и судебная практика, которая разграничивает основания возникновения обязательств из правомерных и противоправных действий [2].

Автор поддерживает идею и выделения компенсаторных обязательств из общей массы деликтных обязательств, но вместе с тем убежден в том, что не все обязательства, возникающие из правомерных действий, следует признавать таковыми. Дело в том, что существует еще одна группа обязательственных правоотношений, возникающих из правомерно причиненного вреда правомерными действиями. По мнению автора, такие правоотношения наиболее тесно связаны с деликтными, но таковыми не являются. В то время как компенсаторные обязательства имеют в основании возникновения определенное решение государственного органа, которое по своей сути не влечет нарушения субъективного права, а связано с определенными лишениями для субъектов. Ярким примером компенсаторного обязательства является правоотношение, возникающие в связи с изъятием земельного участка гражданина для государственных или муниципальных нужд.

Таким образом, современная система правоохранительных обязательств гораздо сложнее, чем их деление на деликтные и обязательства, возникающие из неосновательного обогащения. Кроме известных доктрине и практике обязательств, возникающих причинением источника повышенной опасности и других, автор предлагает включать в общую систему компенсаторные обязательства и обязательства, причиненные правомерными действиями государственных органов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/>.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I ча-

сти первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140. (Июнь).

3. Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. С. 477–542.

4. Гражданское право : учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 543 с.

5. Дерюгина Т. В. О компенсаторных обязательствах и их месте в системе гражданско-правовых обязательств // Гражданское право. 2021. № 6. С. 24–27.

6. Невзгодина Е. Л. Понятие, специфические особенности и система внедоговорных обязательств из причинения вреда по законодательству Российской Федерации // Вестник ОмГУ. 2010. №2. С. 61–64.

7. Шиминова М. Я. Компенсационные обязательства в гражданском праве // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 35–36.

*Маслов А. И.*¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Филиппова А. И.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью четкого определения и правового закрепления цифровых прав, что становится критически важным для обеспечения правовой защищенности участников цифрового пространства. В условиях отсутствия конкретных примеров цифровых прав в законодательстве и недостаточной судебной практики возникает необходимость в систематическом анализе существующих правовых норм и предложений по их совершенствованию.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ положения цифровых прав в Гражданском кодексе Российской Федерации, выявление существующих проблем и предложений по их решению. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд *задач*: рассмотреть абстрактные и конкретные определения цифровых прав, проанализировать мнения ведущих ученых в области гражданского права, изучить примеры судебной практики, выявить недостатки действующего законодательства и предложить рекомендации по его совершенствованию.

Определение цифровых прав в Гражданском кодексе Российской Федерации [1] носит абстрактный характер, что вызывает затруднения при классификации конкретных имущественных прав как цифровых. Согласно Р. С. Бевзенко, «цифровые права не представляют собой самостоятельный вид объектов гражданских прав, а являются формой существования имущественных прав, где термин «цифровые» лишь указывает на форму их содержания и среду существования» [9]. Ученый подчеркивает нелогичность включения цифровых прав в перечень объектов гражданских прав, утверждая, что они должны рассматриваться исключительно как форма закрепления уже существующих прав.

Действительно, неопределенность в правовой квалификации цифровых прав приводит к отсутствию четкого понятийного аппарата, что затрудняет адаптацию действующего законодательства к быстро меняющейся цифровой среде. В условиях роста значимости нематериальных активов эта абстрактность может стать препятствием для формирования устойчивой правовой практики.

¹ © Маслов А. И., 2025.

В противоположность этому М. А. Рожкова трактует цифровые права как «совокупность электронных данных, удостоверяющих и конкретизирующих принадлежность прав на определенные объекты гражданских прав в цифровом пространстве, тем самым подчеркивая их функциональную специфику» [13]. Р. Б. Головкин и О. С. Амосова рассматривают цифровые права как «разновидность субъективных прав, выраженных в цифровой форме, что подчеркивает их индивидуальный и персонализированный характер» [1]. Дополняя эти позиции, И. З. Аюшеева настаивает на «необходимости принятия федерального закона, который закрепит перечень цифровых прав, что обеспечит их четкое разграничение с иными имущественными правами и устранил существующие правовые неопределенности» [8]. По мнению автора данного исследования, необходимо подходить к вопросу определения цифровых прав более фундаментально, поскольку объем нематериальных ценностей в информационных системах с каждым годом увеличивается. Многообразие подходов к определению цифровых прав указывает на необходимость создания единой научно обоснованной концепции. Растущая роль цифровых активов в экономике требует системной юридической конструкции, способной адекватно отразить специфику электронных данных и одновременно учесть интересы всех участников правоотношений.

В связи с абстрактностью определения цифровых прав возникает проблема отсутствия конкретных примеров их реализации в законодательстве. В 2023 г. активно развивался рынок цифровых финансовых активов (ЦФА). Например, компания «Самолет» выпустила ЦФА «Цифровые метры», а в ноябре 2023 г. «Атомайз» и Росбанк запустили первые в России гибридные цифровые права на золото [7]. Эти примеры свидетельствуют о практическом применении цифровых прав, однако законодательство до сих пор не предоставляет четких норм для их регулирования. В этом контексте Л. Ю. Василевская обращает внимание на «токены, которые могут рассматриваться как цифровые коды объектов или как цифровые ключи, позволяющие системе идентифицировать уполномоченных лиц для совершения транзакций с токенами и блокировки несанкционированных действий, что иллюстрирует многогранность цифровых прав» [10]. В дополнение к этому В. О. Пучков отмечает, что «динамичное развитие науки и техники, а также цивилистической мысли способствует появлению новых видов объектов гражданских прав, в том числе цифровых, что обосновывает необходимость сохранения открытости перечня объектов гражданских прав» [12]. Таким образом, отсутствие конкретных примеров цифровых прав в действующем законодательстве Российской Федерации создает существенные трудности при осмыслении и практическом применении данной правовой категории, что в дальнейшем приводит к недостаточной судебной практике в этой сфере.

Практическая реализация цифровых прав на примере ЦФА демонстрирует их потенциал, но отсутствие кодифицированных норм порождает неопределенность. Ясные законодательные примеры могли бы стать «опорными точками» для правоприменителей, судей, юристов и участников рынка, создавая условия для предсказуемости правовых последствий и стимулируя дальнейшее развитие правовой мысли.

Отсутствие достаточной судебной практики в сфере цифровых прав создает значительные препятствия для эффективной реализации права на судебную защиту, а также способствует затягиванию судебных процессов. В частности, рассмотрение Верховным Судом Российской Федерации в феврале 2021 г. дела о взыскании неосновательного обогащения с продавца криптовалюты демонстрирует сложности в правоприменении, поскольку суд установил невозможность взыскания, исходя из наличия у продавца правовых оснований для получения денежных средств по договору купли-продажи криптовалюты [5]. Аналогичным образом, дело гражданина Царькова, рассмотренное Арбитражным судом города Москвы в июле 2017 г., иллюстрирует сложности включения криптовалюты в конкурсную массу при банкротстве, когда суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в пользу конкурсного управляющего [3]. Дополнительные примеры включают дело № 33-14530/2022, по которому суд удовлетворил иск о взыскании неосновательного обогащения в связи с невыполнением обязательств по покупке биткоинов, а также дела № 22-2616/2022 и № 33-14798/2022, по которым суды признали криптовалюту частью материального ущерба и отказали в наследовании криптовалюты из-за отсутствия доказательств права собственности [4]. Эти судебные прецеденты демонстрируют отсутствие четкой законодательной базы и конкретных видов цифровых прав, что затрудняет их правовое определение и защиту. В результате отсутствие четких категорий цифровых прав в законодательстве Российской Федерации приводит к неоднозначности их судебного толкования, что подчеркивает необходимость систематизации и конкретизации понятия цифровых прав для обеспечения их эффективного правового регулирования и защиты в рамках гражданской юрисдикции. Эта проблема особенно актуальна в свете недавних изменений в законодательстве, касающихся легализации майнинга криптовалют, что подводит нас к следующим аспектам регулирования цифровых прав. Судебная практика выявляет пробелы в правовом поле, наглядно демонстрируя отсутствие устоявшихся подходов к определению цифровых прав. Чем дольше сохраняется правовая неопределенность, тем выше риск длительных и дорогостоящих судебных процессов, снижения доверия к правовой системе и усложнения делового оборота. Систематизация понятий представляется не просто теоретической необходимостью, но и практическим условием стабильности цифровых отношений. Необходимо отметить, что с 1 ноября 2024 г. в Российской Федерации вступил в силу нормативно-правовой акт, регулирующий легализацию деятельности по майнингу криптовалют [2]. Согласно анализу автора, после вступления в силу данного законодательства возникает существенная проблема в определении правовой природы криптовалюты. С одной стороны, Российская Федерация не признает криптовалюту законным платежным средством на внутреннем рынке, а с другой стороны, криптовалюта не квалифицируется как цифровое право. Этот разрыв создает правовую неопределенность и подчеркивает необходимость дальнейшего правового осмысления и регулирования для четкого определения юридического статуса криптовалют. В условиях отсутствия единой правовой классификации криптовалюта занимает промежуточное положение между нематериальными активами и циф-

ровыми правами, что требует разработки дополнительных нормативных актов и уточнения существующих законодательных положений для обеспечения правовой защищенности участников криптовалютных операций и интеграции криптовалют в общую правовую систему Российской Федерации. Эти вопросы тесно связаны с защитой интересов пользователей информационных систем, что рассматривается в следующем разделе.

Введение норм о легализации майнинга подчеркивает неоднозначность правового статуса криптовалют. Эта несогласованность препятствует формированию четкой правовой инфраструктуры для обращения криптоактивов. Научное сообщество и законодатели должны выработать четкие критерии правовой квалификации криптовалют, чтобы исключить правовую нестабильность и обеспечить баланс интересов государства, бизнеса и пользователей.

Защита интересов пользователей информационных систем является одной из ключевых проблем в контексте цифровых прав. Анонимность субъектов правоотношений, «отдаленность» цифрового права от физического носителя, а также высокая вероятность кибератак создают значительные препятствия для обеспечения надлежащей защиты киберпространства при осуществлении «цифровых сделок». Вопрос о том, можно ли признавать личную информацию и пользователей объектами цифровых прав, становится особенно актуальным, учитывая, что ранее информация уже была определена как отдельный объект гражданских прав. Примеры инцидентов, таких как утечка данных 37 млн клиентов T-Mobile в январе 2023 г. через уязвимость API, атака группы Lazarus на JumpCloud в июне 2023 г., взлом Ivanti EPM в июле 2023 г., утечка личной информации 2,6 млн пользователей Duolingo в январе 2023 г., а также кража криптовалюты на сумму 26 млн долларов из Kronos Research в ноябре 2023 г., демонстрируют уязвимость информационных систем и необходимость усиления мер защиты [6]. Эти инциденты подчеркивают необходимость признания личной информации и пользователей объектами цифровых прав, что позволит более эффективно регулировать и защищать их в правовом поле. Для решения проблемы защиты киберпространства при совершении «цифровых сделок» предлагается разработать новые методы и средства киберстрахования информационных рисков, а также создать специальные нормативные акты, регулирующие правонарушения в цифровой среде. Эти меры необходимы для преодоления существующих вызовов и обеспечения безопасности участников цифровых правоотношений, что непосредственно связано с особенностями природы цифровых прав.

Важность защиты пользователей и их данных становится критически важной в цифровую эпоху. Признание личной информации и пользователей объектами цифровых прав может расширить правовую базу для обеспечения их безопасности. Киберстрахование и специализированное правовое регулирование могут стать эффективными инструментами снижения рисков и минимизации ущерба, повышая уверенность субъектов в цифровой среде.

Особенности природы цифровых прав представляют собой значительные трудности для правового регулирования и защиты этих прав. В частности, их «нематериальный характер» затрудняет привлечение к юридической ответ-

ственности за их нарушение. По мнению Т. А. Степановой, «традиционные механизмы юридической ответственности, предусмотренные действующим российским законодательством, зачастую неэффективны в случаях защиты цифровых прав, поскольку отсутствует конкретный объект преступления или правонарушения» [14]. Это приводит к тому, что исполнительные органы не имеют достаточных оснований для привлечения нарушителей к ответственности, что ослабляет правовую защиту цифровых прав. Кроме того, отсутствие четкой законодательной конструкции цифровых прав препятствует урегулированию вопросов их налогообложения. В современном российском законодательстве институт цифровых прав находится на стадии становления, и существующие подходы к их определению носят декларативный характер, не раскрывая в полной мере сущность цифровых прав. Например, определение цифровых прав в Гражданском кодексе Российской Федерации [1] ограничивается только теми правами, которые явно упомянуты как создаваемые и обрабатываемые в цифровой форме, оставляя без внимания другие объекты, которые могут быть преобразованы в различные цифровые форматы. Для решения проблемы налогообложения цифровых прав Банк России предлагает «установить для эмитентов и инвесторов цифровых прав условия налогообложения, аналогичные тем, которые применяются при инвестировании в токенизированные активы, такие как драгоценные металлы» [15]. Также регулятор планирует определить порядок налогообложения операций с утилитарными цифровыми правами, включая налогообложение НДС и НДФЛ операций, связанных с реализацией и осуществлением таких прав. Для решения указанных проблем необходимо на законодательном уровне закрепить перечень цифровых прав, что облегчит их разграничение с иными имущественными правами, а также определить признаки и свойства информационных систем, в которых функционируют цифровые права. Таким образом, комплексный законодательный подход позволит обеспечить эффективное правовое регулирование и защиту цифровых прав в условиях динамичного развития цифровой экономики Российской Федерации.

Четкое нормативное определение природы и статуса цифровых прав станет основой для последовательного правоприменения, эффективного налогообложения и привлечения к ответственности нарушителей. Создание целостной правовой концепции цифровых прав будет иметь не только теоретическое, но и практическое значение для становления устойчивой цифровой экономики.

Резюмируя: в результате проведенного исследования установлено, что определение цифровых прав в Гражданском кодексе Российской Федерации носит абстрактный характер, что приводит к значительным трудностям при классификации и правовом регулировании конкретных имущественных прав как цифровых. Выявлено, что отсутствие конкретных примеров цифровых прав в действующем законодательстве затрудняет их осмысление и практическое применение, а недостаточная судебная практика создает препятствия для эффективной реализации права на судебную защиту и способствует затягиванию судебных процессов. Кроме того, особенности природы цифровых прав, такие как их нематериальный характер, затрудняют привлечение нарушителей к юридической ответственности и препятствуют урегулированию вопросов налого-

обложения. На основании анализа мнений ведущих ученых и рассмотрения судебной практики предложено разработать и принять на законодательном уровне федеральный закон, который закрепит перечень цифровых прав, определит их признаки и свойства информационных систем, в которых они функционируют. Это позволит четко разграничить цифровые права с другими имущественными правами и устранить существующие правовые неопределенности. Также предложено внедрить новые методы и средства киберстрахования информационных рисков, а также создать специальные нормативные акты, регулирующие правонарушения в цифровой среде, что будет способствовать привлечению киберпреступников к ответственности и возмещению убытков. Подводя итог анализу, можно утверждать, что проблема правового регулирования цифровых прав стала вызовом для отечественной правовой системы. Последовательные законодательные инициативы, направленные на систематизацию и конкретизацию понятия цифровых прав, способны превратить этот вызов в возможность для укрепления правопорядка и обеспечения уверенного включения цифровых активов и сделок в экономический и правовой оборот. Только комплексный, научно обоснованный подход позволит создать условия для эффективной защиты прав участников цифровой экономики и гарантировать их правовую безопасность.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета, № 238-239. 1994. (Август).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2024 г. № 1468 «Об утверждении Правил установления запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации или на отдельных их территориях» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017.
4. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 20 апреля 2022 г. по делу № 33-14798/2022.
5. Bitcoin за чужой счет: должен ли продавец «крипты» вернуть деньги // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/230001/>.
6. API на передовой: методы противостояния кибератакам // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/companies/securityvison/articles/855218/>.
7. Атомайз и Росбанк запустили первые в России гибридные цифровые права на золото // РосБанк. URL: <https://www.rosbank.ru/o-banke/press-sluzhba/atomaiz-i-rosbank-zapustili-pervye-v-rossii-gibridnye-cifrovye-prava-na-zoloto/>.
8. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex Russica (Русский закон). 2021. С. 35.
9. Бевзенко Р. С. Объекты гражданских прав. Комментарий к ст. 128 Гражданского кодекса. 17 сентября 2019 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=or_O5so1_ro&feature=share&fbclid=IwAR1Rku5kr8_L_QeAPhqEHwMeA UP0_FdNwtyG9hWl2yhG0-C2le0cxrk3m4s.

10. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
11. Головкин Р. Б., Амосова О. С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2. С. 163–166.
12. Пучков В. О. Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo Vadis? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. С. 73.
13. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10 (525). С. 3–12.
14. Степнова Ю. П. 2019. К вопросу о понятии юридической ответственности // Теория государства и права. № 4 (16). С. 173–183
15. Цифровые права и активы: предложения Банка России по совершенствованию правового регулирования // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/article/1584501/>.

*Мотина Е. А.¹,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

САМОЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ИММУНОПРОФИЛАКТИКИ

Граждане при осуществлении иммунопрофилактики обладают множеством прав. В частности, к ним относится право на получение информации о профилактических прививках, о последствиях отказа от вакцинации и о различных побочных явлениях, связанных с ее осуществлением; на выбор медицинской организации, в которой будет проведена данная медицинская процедура; право на медицинский осмотр перед вакцинацией, право на отказ от вакцинации и др. Формой обеспечения данных прав является наличие инструментов их защиты.

В современных гражданских правоотношениях, несмотря на работу мощного правозащитного механизма, обеспеченного гражданско-правовой нормативной системой, особый интерес представляет субинститут института защиты гражданских прав – самозащита. Это связано прежде всего как с развитием частноправовых институтов, так и с необходимостью повышения уровня правовой культуры населения. На сайтах юридических компаний (<https://andromeda.expert/press/article1>, <https://suvorov.legal/samozashhita-prav-grazhdan/>, https://abezrukix.ru/stati/article_post/samozaschita-grazhdanskih-prav), а также различных ведомств (https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_06/activity/legal-education/explain?item=72937693) нередко встречаются публикации пресс-релизов, статей, разъяснений, касающиеся института самозащиты гражданских прав, что также способствует расширению правового кругозора граждан, а также предупреждению и снижению количества правонарушений.

Применение самозащиты целесообразно по ряду причин. Во-первых, реализация данного права способствует повышению уровня правосознания; во-вторых, практика применения самозащиты способствует совершенствованию данного инструмента защиты, в частности, развитию его правовой базы, в-третьих, самозащита целесообразна с экономической точки зрения (экономия средств физических и юридических лиц) и, наконец, в-четвертых, снижает нагрузку на судебный аппарат.

В настоящее время существует необходимость проведения научных исследований такой правовой категории, как самозащита прав граждан в сфере иммунопрофилактики. Это объясняется следующим: правоохранительные органы далеко не всегда могут обеспечить защиту прав граждан; слишком широкое толкование понятия «самозащита» нередко приводит к переходу границ данного права, обретая черты самоуправства; до сих пор имеет место проблема понимания сущности и целей самозащиты, что также не способствует эффективному применению дан-

¹ © Мотина Е. А., 2025.

ного инструментария гражданами. Данную проблему В. М. Баранов обозначил как «дефект правосознания» [1, с. 140–141]. Представляет интерес соотношение понятий «самозащита прав» и «гражданская самозащита». Последнее понятие является более широким, поскольку включает в себя также защиту свобод, законных интересов и юридических обязанностей. Данное исследование будет касаться именно самозащиты прав граждан в сфере иммунопрофилактики.

Существует множество точек зрения относительно характеристики самозащиты как правовой категории, и она рассматривается как: оперативный порядок урегулирования споров (М. И. Клеандров) [2], мера в рамках договорных отношений (Г. Я. Стоякин), мера в рамках внедоговорных отношений (В. С. Ем) [3, с. 556–584], любые действия в рамках закона или договора, направленные на предупреждение или пресечение правонарушения (Э. Л. Страунинг) [4]. Таким образом, большинство авторов рассматривают данную категорию в рамках обязательственных правоотношений.

Самозащита имеет ряд признаков, отражающих сложность характера данного феномена: осуществляется в случае нарушения субъективного права или при существовании угрозы такого нарушения; отсутствие возможности обращения к уполномоченным органам или выбор самозащиты как наиболее оперативной меры; осуществление защиты самим потерпевшим; соразмерность пределов защиты нарушению; выражается чаще всего в виде действия, реже – бездействия; для ее совершения не требуется согласие контрагента; имеет превентивный характер; неюрисдикционный характер; воспитательный характер; априорная легитимность; свобода выбора способа защиты [5, с. 31–33].

Рассмотрим данные признаки применительно к иммунопрофилактике. Например, нередким нарушением прав пациента со стороны медицинского персонала является непредоставление ему полной и объективной информации о необходимости профилактических прививок, последствиях отказа от них, возможных поствакцинальных осложнениях. Право на получение полной и объективной информации закреплено в ч. 1 ст. 5 Федерального закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (далее – ФЗ Об иммунопрофилактике). Указанное же правонарушение может оказывать негативное влияние и на иные права пациента, связанные с иммунопрофилактикой: право на жизнь и здоровье, на его охрану, право на труд, на образование, на доступ к культурным ценностям и проч. В данном случае, самозащитой может являться, например, отказ от вакцинации, выраженный в письменной или в устной форме.

Далее рассмотрим данный способ самозащиты прав граждан в сфере иммунопрофилактики в качестве демонстрации:

- 1) наличия у него признаков самозащиты;
- 2) его возможностей для субъекта, чьи права нарушаются или подвергаются угрозе их нарушения;
- 3) последствий его применения для правонарушителя. Отказ от вакцинации имеет все признаки самозащиты.

Так, непредоставление информации или предоставление информации не в должном объеме может быть расценена субъектом как правонарушение или угроза нарушению его прав. Пациент наряду с самозащитой вправе обра-

таться и в уполномоченные органы, однако отказ от вакцинации, как правило, является достаточной, более доступной по времени и оперативной мерой реагирования на правонарушение. Самозащита при отказе от вакцинации выполняется самим субъектом, права которого нарушены, и не выходят за пределы, допустимые законодательством, поскольку право на отказ от вакцинации также закреплено в законе (ст. 5 ФЗ Об иммунопрофилактике). Самозащита в данном случае выражается с одной стороны в виде действия – подписание отказа от вакцинации, с другой – в виде бездействия – пациент не допускает осуществления медицинского вмешательства в виде вакцинации. Решение об отказе от вакцинации не требует согласования с врачом. Данная мера является неюрисдикционной, носит превентивный характер (статистические данные об отказе от вакцинации анализируются и ложатся в основу для подготовки управленческих решений в сфере иммунопрофилактики населения), является легитимной, поскольку предусмотрена законом (ст. 12 ГК РФ), а сам субъект свободен в выборе способа самозащиты права.

Согласие на медицинское вмешательство или отказ от такового подписывается непосредственно перед проведением вакцинации, как правило, после заключения договора оказания услуг по вакцинации на возмездной или безвозмездной основах. Отказ по причине недостаточного информирования может рассматриваться как нарушение условий договора о вакцинации, а значит заказчик вправе отказаться от исполнения договора в одностороннем порядке или воспользоваться иными правами, предусмотренными законодательством.

Образец информированного согласия или отказа от проведения профилактических прививок является рекомендуемым, что само по себе исключает императив в применении именно данной формы. На практике мы сталкиваемся, как правило, именно с данной формой, однако она не отвечает в полной мере требованиям законодательства, поскольку ее содержание не предусматривает предоставление именно «полной и объективной информации» о процедуре вакцинации и ее возможных рисках, что может рассматриваться как нарушение прав пациента. Последнее может повлечь за собой юридические последствия, связанные с неисполнением договорных обязательств, а значит и бремя ответственности, связанное с последствиями отказа от вакцинации может возлагаться на медицинскую организацию.

На первый взгляд, приведенный пример представляется несколько фантастическим, поскольку на практике, как правило, ни со стороны пациента нет явной заинтересованности в получении информации о прививках (пациент, как правило, приходит с готовым убеждением относительно данной процедуры) и, как следствие, требования к медицинскому персоналу о предоставлении «полной и объективной» информации о медицинском вмешательстве, ни со стороны медицинского работника. Такая ситуация связана как с невысоким уровнем юридической грамотности, правосознания и правовой культуры контрагентов, их низкой мотивированностью относительно необходимости проведения вакцинации, наличием латентных, а, порой, и явно выраженных антипрививочных настроений как у пациентов, так и в медицинской среде, с экономией времени обеими сторонами, с отсутствием единого понимания о содер-

жании понятия «полнота и объективность информации», наличие пробелов и «дозволений» в законодательстве, позволяющих действовать по своему усмотрению и в рамках закона, точнее, в данном случае, – в рамках отсутствия запрета. В такой ситуации остается надеяться на соблюдение принципа добросовестности, который прямо постулируется в гражданском праве (ч. 3 и ч. 4 ст. 1 ГК РФ) и является основополагающим принципом при построении гражданско-правовых правоотношений. Однако, сложившаяся порочная практика формального информирования пациента о предстоящей медицинской процедуре говорит об обратном: о явном пренебрежении данным принципом.

В рамках рассматриваемой ситуации, предлагается:

1) рекомендовать контрагентам включать в проект договора об оказании услуг по вакцинации положения о самозащите (в раздел «Основные понятия» норму-дефиницию понятия «самозащита», которая включала в себя примеры возможных способов самозащиты; в раздел «Права сторон» положения о возможности применения самозащиты);

2) дополнить ст. 1 «Основные понятия» ФЗ «Об иммунопрофилактике» понятиями «полная и объективная информация о вакцинации», «доступная форма информации» (например, может возникнуть вопрос о том, что считать доступной информацией для инвалида по слуху, когда информирование не должно ограничиваться лишь чтением бланка, и прочие ситуации);

3) с целью гармонизации положений ФЗ «Об иммунопрофилактике» с ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ Об охране здоровья) формулировку «...полной и объективной информации...» в ч. 1 ст. 5 ФЗ «Об иммунопрофилактике» дополнить формулировкой «в доступной форме»; дополнить ч. 1 ст. 12 ФЗ Об охране здоровья формулировкой «объективной», когда речь идет о характеристике информации;

4) введение обязательной видеофиксации медицинской организацией информирования врачом пациента о предстоящем медицинском вмешательстве (в данном случае видеофиксация может рассматриваться как способ самозащиты медицинской организации);

5) в соответствии с ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» отнести к специальным категориям персональных данных видеосъемку информирования медицинским персоналом пациента о предстоящем медицинском вмешательстве в виде вакцинации;

б) в целях обеспечения предоставления в доступной форме полной и объективной информации можно рекомендовать медицинским организациям использовать для информирования видеоролики или, как альтернативу, аудиозаписи; их содержание может быть подготовлено эпидемиологом медицинской организации при технической поддержке специалиста, но с целью унификации предоставляемой информации, таким источником мог бы стать раздел официального сайта ведомства, курирующего вопросы иммунопрофилактики (например, сайт Минздрава, Роспотребнадзора, Росздравнадзора).

Помимо рассмотренного способа самозащиты при осуществлении иммунопрофилактики пациент вправе прибегнуть и к другим ее способам: видеофиксации, выбору врача и медицинской организации, отказу от вакцинации и др.

Таким образом, устранение пробелов в законодательстве в сфере иммунопрофилактики, гармонизация общих и специальных правовых норм, а также контроль за их исполнением (например, видеофиксация информирования пациента или видеофиксация просмотра видеоролика или прослушивания аудиозаписи может гарантировать возможность реализации прав граждан в сфере иммунопрофилактики.

Список литературы

1. Баранов В. М. Теневое право: монография. Н. Новгород. 2002.
2. Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006.
3. Ем В. С. Право на защиту // Гражданское право: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
4. Страунинг Э. Л. Теория самозащиты гражданских прав. М. 2007.
5. Иванова А. А. Самозащита как юридический инструмент обеспечения безопасности // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28).

*Назаркулов Ж. Н.¹,
адъюнкт
факультета научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕПРИВАТИЗАЦИИ КАК ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В последнее время в средствах массовой информации все чаще используются термины «реприватизация» («деприватизация») для обозначения процесса возврата ранее приватизированного имущества, при этом в гражданском праве отсутствует легальное определение реприватизации (деприватизации), а сам процесс возврата имущества в собственность государства трактуется преимущественно посредством концепции обратной приватизации либо национализации.

В юридической литературе в качестве способов отчуждения имущества, принадлежащего на праве частной собственности, в государственную собственность рассматриваются «расприватизация» (как принудительное прекращение права собственности) и «деприватизация» (как добровольное прекращение права собственности). В свою очередь реприватизация рассматривается как «повторная приватизация государственной собственности, возвращенной процедурой деприватизации и расприватизации» [1]. Деприватизацию рассматривают и как «истребование активов в пользу государства с выявлением нарушений, допущенных при приватизации» [2].

Как уже обозначалось юридическую процедуру реприватизации отождествляют с процедурой национализации, указывая в качестве оснований реприватизации «снижение числа государственной собственности, увеличение размеров частного сектора в экономике, усиление конкуренции в различных отраслях и т. д.», а также определяя, что она «может сопровождаться компенсацией материального ущерба» [3].

Эксперты оценивают реприватизацию как один из возможных способов реорганизации института частной собственности, определяя содержание такой юридической процедуры как «объявление всех ранее приватизированных предприятий объектами инвестиционных конкурсов, а в случае перехода таких предприятий новым владельцам – возмещение прежним владельцам средств, потраченных при приватизации».

Судебная практика последних лет формирует следующие основные подходы к процедуре реприватизации. Первый – отмена приватизации, когда суд признает сделку приватизации недействительной (ничтожной), поскольку она нарушает публичные интересы, и возвращает имущество в государственную собственность. Второй – решение споров о «деприватизации» жилых помещений, когда собственник добровольно возвращает ранее приватизированное помещение муниципалитету. Однако в последнем случае суды рассматривают

¹ © Назаркулов Ж. Н., 2025.

добровольный возврат жилых помещений как форму отказа от права собственности, а не реприватизацию в строгом смысле.

В статье 217 ГК РФ предусмотрено, что «имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, может быть передано его собственником в собственность граждан и юридических лиц в порядке, предусмотренном законами о приватизации государственного и муниципального имущества». Законом под приватизацией понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности в собственность физических и (или) юридических лиц. В доктрине подчеркивается, что переход имущества от государства к частному субъекту имеет окончательный, «безвозвратный» характер отчуждения. В настоящее время в Федеральном законе «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ возможность возврата приватизированного имущества государству не предусмотрена, не определена и процедура такого возврата.

Отдельным видом приватизации является передача жилых помещений в собственность граждан. Законом Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» предусмотрен добровольный отказ от приватизированных жилых помещений с передачей их в государственную или муниципальную собственность. Однако эта процедура законодателем не была поименована как «реприватизация». На практике такой добровольный отказ от приватизированных квартир трактуется как «расприватизация».

В качестве сравнительного анализа целесообразно привести законодательный опыт Кыргызской Республики. В ст. 37 Закона КР «О приватизации государственной собственности в Кыргызской Республике» от 2 марта 2002 г. предусмотрено, что в случае если приватизация имущества осуществлялась с нарушением положений законодательства, а также условий договоров купли-продажи государственного имущества, уполномоченные органы вправе в судебном порядке предъявить иски о расторжении сделок приватизации, признании их недействительными. Указанные положения не трактуются как реприватизация, однако они позволяют утверждать, что процесс расторжения сделок приватизации и признания их недействительными не связан с основаниями прекращения или приобретения права собственности, а представляет собой действия юридического характера, направленные на защиту нарушенного права государственной собственности.

В российском законодательстве отсутствуют специальные положения о реприватизации, поэтому правовое регулирование в этой части формируется на основании сочетания отдельных актов – прежде всего Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», а также нормативных положений, регламентирующих национализацию, конфискацию и обращение взыскания на имущество.

В то же время необходимо учитывать, что процесс перехода имущества, находящегося в собственности физических и (или) юридических лиц, в государственную или муниципальную собственность может быть схожим в разных способах прекращения права собственности, но их цель всегда будет отличаться.

В качестве одного из оснований прекращения права собственности в п. 2 ст. 235 ГК РФ рассматривается национализация, под которой понимается «обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, которое производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков». То есть основанием национализации является соответствующий закон, в свою очередь в основе реприватизации находится судебное решение, как следствие нарушения законодательства о приватизации и признании недействительными договоров, связанных с приватизацией. Механизм национализации отличается и составом объектов. Целью национализации, как акта государства по переходу имущества от частного лица к государству, является осуществление социально-экономических преобразований [4; 5].

В свою очередь целью реквизиции, когда имущество изымается у собственника по решению государственных органов с выплатой ему стоимости имущества, является общественная необходимость, при этом реквизиция может иметь обратный характер для того же собственника (ст. 242 ГК РФ).

Конфискация является санкцией за совершенное преступление или иное правонарушение, в государственную собственность безвозмездно переходит любое имущество, принадлежавшее нарушителю и четко определенное решением суда (ст. 243 ГК РФ).

Объектами реприватизации является имущество, которое ранее принадлежало государству, однако было отчуждено в частную собственность. Основной целью реприватизации является восстановление положения участников, которое существовало до нарушения права.

В качестве материально-правовой предпосылки реприватизации правоприменитель, как правило, устанавливает либо существенные нарушения сделки приватизации (мнимость, притворность, коррупциогенность), либо наличие публичного интереса, который во многом корреспондирует критериям национализации. При квалификации правовой природы обращения имущества, осуществляемой в отношении имущества, приобретенного коррупционным путем, показателен подход Конституционного Суда Российской Федерации, который в определении от 31 октября 2024 г. разъяснил, что сроки давности не применяются к требованиям об обращении в пользу государства имущества, полученного преступным путем, поскольку такие иски направлены на реализацию публичного интереса в сфере противодействия коррупции, а не восстановление положения участников гражданского оборота. Конституционный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что вывод о неприменении сроков давности не распространяется на иные иски, направленные на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации.

Таким образом, современная российская модель реприватизации в контексте механизма правопрекращения имущественных отношений представляет собой межотраслевую комбинацию юридических фактов, в основе которых находятся гражданско-правовые конструкции недействительности сделок и виндикации. При возвращении в прежнее состояние участников сделок приватизации в ре-

зультате признания их недействительными важное значение имеет защита инвестиционных интересов. С учетом указанного, необходимым является детальное регулирование реприватизации. В ст. 36 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» установлен порядок возврата денежных средств по недействительным сделкам приватизации. Предусмотрено, что возврат денежных средств осуществляется на основании вступившего в силу решения суда после передачи такого имущества в государственную или муниципальную собственность. Полагаем, что минимизировать правовую неопределенность и снизить инвестиционные риски позволит законодательное закрепление юридической процедуры реприватизации, что предусматривает установление оснований возврата имущества, порядка определения его стоимости и компенсации, порядка повторной приватизации. Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации и арбитражных судов уже формирует компромиссную модель, при которой реприватизация рассматривается не как чрезвычайная мера изменения имущественных отношений в условиях санкционного давления и борьбы с коррупцией. Учитывая закрепление новые инструментов прозрачности процедур и электронных аукционов, можно прогнозировать, что реприватизация в ближайшей перспективе станет гибким механизмом установления баланса публичных и частных интересов в приватизационных процессах.

Список литературы

1. Салчак В. А. Деприватизация, расприватизация и национализация государственного и муниципального имущества // Современные этнические процессы на территории Центральной Азии: проблемы и перспективы : сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня образования исторического факультета Тувинского государственного университета. Кызыл: Издательство Тувинского государственного университета, 2019. С. 156.
2. Гурченко Е. В., Кеворкова Д. А. Деприватизация: актуальная судебная практика // Юридические исследования. 2024. № 4. С. 65–86.
3. Рожков Е. В. К вопросу о реприватизации // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 109–118.
4. Семенова Е. Г. Правовое обеспечение защиты интересов лиц при принудительном прекращении права собственности: проблемы и перспективы совершенствования // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности. М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2024.
5. Мазаев В. Д. Нужен ли закон о национализации в Российской Федерации? // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы международного круглого стола. Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г. / под ред. Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой. Минск : БГУ, 2022. С. 214–219.

Никулина А. В.¹,

преподаватель

кафедры гражданско-правовых дисциплин

Барнаульского юридического института МВД России

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем, что предпринимательская деятельность занимает ведущее место в социально-экономической сфере любого современного государства, выступая главным фактором экономического роста. В условиях санкционного давления поступательное развитие предпринимательского сектора экономики способствует достижению, в том числе, и технологического суверенитета [6]. В данном контексте огромную роль играет охранная деятельность, содействующая укреплению основ конституционного строя и стабилизации гражданского оборота, поскольку уровень защищенности граждан, их имущественных и личных неимущественных прав выступает одним из ключевых показателей прогрессивного развития государства.

Важно акцентировать внимание на том, что понятие «охранная деятельность» может рассматриваться в контексте ее публично-правовых или частноправовых свойств в зависимости от превалирования тех или иных содержательных элементов. К примеру, «... действия граждан и юридических лиц, направленные на защиту объектов гражданских прав на основе всего арсенала частноправовых средств, определяются как частноправовая охранная деятельность» [10, с. 142]. Такая деятельность, с точки зрения автора, должна рассматриваться как разновидность предпринимательства.

Целью настоящей публикации является распределение видов предпринимательской охранной деятельности по классификационным группам в соответствии с определенными основаниями и характеристика каждого основания. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) выявить сущностное содержание предпринимательской охранной деятельности;
- 2) исходя из выявленных сущностных характеристик дать определение понятия «предпринимательская охранная деятельность»;
- 3) определить основания для формирования классификационных групп, что в последующем позволит выделить виды предпринимательской охранной деятельности.

Разработка классификации предпринимательской охранной деятельности не представляется возможной без установления ее сущностного содержания путем определения характерных для нее свойств. К слову, в современных условиях гражданского оборота охранная деятельность стремительно развивается, однако ее предпринимательские свойства не получили должного признания со сто-

¹ © Никулина А. В., 2025.

роны государства. Складывающаяся ситуация, связанная с правотворческими и правоприменительными «упущениями», препятствует развитию исследуемого вида деятельности как разновидности предпринимательства.

Вместе с тем существенное содержание предпринимательской охранной деятельности проявляется в характерных для нее свойствах, которые коррелируют с признаками предпринимательства в контексте его легального определения, закрепленного в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Во-первых, предпринимательская охранная деятельность представляет собой самостоятельный, осуществляемый на свой риск вид деятельности. Во-вторых, данная деятельность осуществляется специальными субъектами – охранными организациями, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. В-третьих, предпринимательская охранная деятельность направлена на систематическое получение прибыли от выполнения на возмездной договорной основе охранных работ и оказания охранных услуг участникам гражданского оборота.

Анализируя охранную деятельность в призме ее предпринимательских аспектов, следует согласиться с точкой зрения С. А. Шаронова, который определяет в качестве «обязательного квалифицирующего признака данного вида деятельности ее договорный характер». При этом «договор оказания охранных услуг является не только базовым средством правового регулирования, но и выступает юридическим фактом возникновения прав и обязанностей для участников указанного вида предпринимательства» [11, с. 180].

Таким образом, предпринимательская охранная деятельность представляет собой самостоятельный, осуществляемый на свой риск, лицензируемый вид деятельности, субъектами которой выступают охранные организации, зарегистрированные в этом качестве в установленном законом порядке, и которая направлена на систематическое получение прибыли от выполнения на возмездной договорной основе охранных работ и оказания охранных услуг участникам гражданского оборота.

Проведенный анализ системы действующих нормативных правовых актов, а также доктринальных положений позволяет классифицировать предпринимательскую охранную деятельность по следующим основаниям:

- 1) по субъектам;
- 2) правовым режимам объектов охраны;
- 3) форме деятельности;
- 4) степени значимости;
- 5) характеру деятельности;
- 6) степени внедрения новых технологий.

Выделение первого основания – субъектов деятельности обусловлено различным правовым положением охранных организаций, несмотря на общий для них критерий – наличие «предпринимательской правосубъектности». В частности, предпринимательскую охранную деятельность вправе осуществлять следующие субъекты: частные охранные организации, организации ведомственной и вневедомственной охраны.

Частные охранные организации (далее – ЧОО) учреждаются «непосредственно для оказания охранных услуг и выполнения охранных работ» [9, с. 72]. При этом они должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке и иметь лицензию на осуществление частной охранной деятельности. ЧОО может быть создана только в форме общества с ограниченной ответственностью и не может осуществлять иную деятельность, кроме охранной [3].

Следующим субъектом предпринимательской охранной деятельности выступают организации ведомственной охраны. В отличие от ЧОО конкретная организационно-правовая форма, в которой могут создаваться и функционировать организации ведомственной охраны, непосредственно оказывающие охранные услуги, законодательно не установлена.

Тем не менее, исходя из анализа складывающейся практики, можно сделать вывод, что данные субъекты могут быть учреждены в форме коммерческих организаций. Типичной организационно-правовой формой коммерческих организаций ведомственной охраны выступает федеральное государственное унитарное предприятие. Однако таковые могут учреждаться и функционировать и в форме акционерного общества. Например, организация ведомственной охраны АО «РТ-Охрана» помимо того, что обеспечивает охрану имущества, принадлежащего государственной корпорации «Ростех», оказывает на возмездной договорной основе комплексные охранные услуги, связанные с охраной объектов, личной охраной, сопровождением грузов, а также услуги по разработке и оформлению паспортов безопасности.

Среди иных субъектов следует выделить вневедомственную охрану Федеральной службы войск национальной гвардии (далее Росгвардия). Важно отметить, что целью функционирования данных подразделений выступает, прежде всего, реализация задач в рамках правоохранительной функции государства. Однако данный факт не исключает права на занятие предпринимательством. В связи с этим Федеральной службой учреждена коммерческая организация ФГУП «Охрана» Росгвардии, оказывающая весь спектр охранных услуг на договорной основе с целью извлечения прибыли.

Таким образом, резюмируя сказанное о субъектах, следует выделить следующие виды предпринимательской охранной деятельности: предпринимательская деятельность, осуществляемая ЧОО и предпринимательская деятельность в сфере ведомственной и вневедомственной охраны. Вместе с тем, налицо проблема, связанная с неоднозначной позицией законодателя относительно правового положения и правового оформления статуса охранных организаций. Как пишет С.А Шаронов, «правовое положение организаций ведомственной охраны и ЧОО определяется соответствующими законами, а правовое положение ФГУП «Охрана» устанавливается уставом коммерческой организации», при этом «суть проблемы состоит в том, что деятельность названного лица связана с ограничениями прав и свобод граждан, которые могут быть введены только федеральным законом, а не уставом юридического лица» [10, с. 147].

Значимость основания второй классификационной группы – по правовым режимам объектов охраны – обусловлена, прежде всего, тем, что данные объекты одновременно выступают объектами гражданских прав, а значит, охватыва-

ют материальные (вещи и иное имущество) и нематериальные блага (жизнь и здоровье человека), по поводу которых субъекты вступают в гражданско-правовые отношения.

Определение объектов охраны, закрепленное в Законе Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», представляется неполным и, по мнению автора, требует существенной доработки.

В «новом» законе о частной охране [7] законодатель, по сути, предпринимает попытку дифференцировать понятие «объект охраны» на две составляющие: охраняемое лицо (физическое лицо) и охраняемый объект (имущество), за исключением объектов, которые закреплены Правительством Российской Федерации в соответствующем перечне, и для которых установлен особый правовой режим [2]. Более того, следует согласиться с замечанием, высказанным С. А. Шароновым, относительно охраняемого объекта «для вида услуг «защита жизни и здоровья граждан», а именно физического тела человека» [8, с. 195].

Таким образом, говоря о классификации предпринимательской охранной деятельности по правовым режимам объектов охраны, следует выделить деятельность по охране физического тела человека и деятельность, которая направлена на охрану имущества.

Выделение третьей классификационной группы основано на анализе действующих законодательных положений, исходя из результатов которого, можно констатировать, что предпринимательская охранная деятельность осуществляется на возмездной договорной основе в форме выполнения охранных работ либо в форме оказания охранных услуг. Важно отметить, что результаты работ и оказание услуг помимо иных благ входят в перечень объектов гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК РФ. При этом дифференциация ключевых понятий «работы» и «услуги» проводится на основе критерия «овеществленный результат». Следовательно, в зависимости от формы деятельности предпринимательскую охранную деятельность можно подразделить на две группы: первая группа деятельность, связанная с осуществлением работ по проектированию, монтажу и эксплуатационному обслуживанию технических средств охраны; вторая группа деятельность, направленная на оказание услуг по защите жизни и здоровья граждан; охране имущества, в том числе при его транспортировке; деятельность, связанная с оказанием консультационных услуг; деятельность, направленная на обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на охраняемых объектах.

Виды используемых охранными организациями технических средств, является следующим основанием для выделения четвертой группы классификации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июня 2011 г. № 498 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» утвержден перечень технических средств охраны, используемых в процессе оказания охранных услуг и выполнения охранных работ. Проанализировав положения вышеупомянутого нормативного правового акта, представляется возможным выделить следующие виды предпринимательской охранной деятельности: обнаружение условий и обстоятель-

ств, которые могут создавать угрозу для жизни и здоровья физических лиц, а также угрозу уничтожения имущества; противодействие и предупреждение противоправных деяний со стороны злоумышленников; мониторинг подвижных и стационарных охраняемых объектов посредством использования средств аудио- и видеонаблюдения в случае невозможности личного присутствия работника охранной организации; навигация подвижных и стационарных охраняемых объектов; монтаж технических средств охранной и охранно-пожарной сигнализации; пусконаладочные работы.

Пятое основание классификации характер предпринимательской охранной деятельности – позволяет выделить следующие ее виды: активная и пассивная деятельность. Активная охранная деятельность непосредственно связана с целенаправленным воздействием субъекта на охраняемый объект в рамках оказания охранных услуг или выполнения охранных работ. Следовательно, активная деятельность предполагает обязательное наличие субъекта (в лице работника охранной организации), не зависимо от того, совершает ли он какие-либо действия (например, осуществляет действия по охране груза в процессе его транспортировки), либо же просто «следит» за обстановкой на охраняемом объекте путем ведения мониторинга с помощью системы видеонаблюдения.

В свою очередь пассивная предпринимательская охранная деятельность не предполагает прямого участия в ней субъекта и, как правило, связана с установкой так называемых пассивных охранных систем.

Выделение шестого основания классификации видов предпринимательской охранной деятельности обусловлено устойчивой тенденцией, характеризующейся усилением роли инновационных технологий, используемых в различных сферах ведения бизнеса, в том числе на рынке охранных услуг. В связи с этим в качестве видов предпринимательской охранной деятельности следует выделить базисную и инновационную деятельность. Базисная предпринимательская охранная деятельность предполагает применение устоявшихся классических приемов и способов охраны в рамках оказания охранных услуг и выполнения охранных работ. Такие приемы и способы связаны с использованием так называемых «привычных» технологий.

Появление и использование инновационных разработок в сфере охранных услуг обусловлено спецификой рыночных отношений и развитием современных технологий. Оно необходимо в целях поддержания конкурентоспособности охранных услуг в условиях рыночной неопределенности и минимизации негативных последствий, связанных с вероятностью ошибок в результате влияния «человеческого фактора». Инновационная предпринимательская охранная деятельность предполагает внедрение в процесс выполнения охранных работ и оказания охранных услуг алгоритмов искусственного интеллекта, биометрических технологий, геолокационных технологий, интеллектуальных систем экстренной помощи и аварийной сигнализации, беспилотных летательных аппаратов и др.

Таким образом, резюмируя проведенное исследование, можно сделать следующие выводы:

1. Сущностное содержание предпринимательской охранной деятельности проявляется, прежде всего, в характерных для нее особенностях.

2. Под предпринимательской охранной деятельностью следует понимать самостоятельный, осуществляемый на свой риск, лицензируемый вид деятельности, субъектами которой выступают охранные организации, зарегистрированные в этом качестве в установленном законом порядке, и которая направлена на систематическое получение прибыли от выполнения на возмездной договорной основе охранных работ и оказания охранных услуг участникам гражданского оборота.

3. Предложенная классификация предпринимательской охранной деятельности позволяет систематизировать знания относительно ее видов, определить содержание каждого вида и выделить различные, в том числе проблемные, аспекты изучаемой деятельности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 июня 2011 г. № 498 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 17 ноября 2016 г. № 359 «О некоторых вопросах организации деятельности федерального государственного унитарного предприятия «Охрана» Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015.

9. Шаронов С. А. Охранная деятельность как разновидность предпринимательства: понятие и правовые свойства // Право и государство: теория и практика. 2014. № 9. С. 70–74.

10. Шаронов С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства // Власть закона. 2019. № 4. С. 137–159.

11. Шаронов С. А. Юридикто-фактические свойства договора оказания охранных услуг // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 180–186.

*Полежаева О. Г.¹,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНО-ИСКОВОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Эффективность судебной работы, проводимой в органах внутренних дел, зависит от комплекса мер образовательного и превентивного характера, поступательно реализуемых юридической службой системы МВД России. Выработка механизмов защиты интересов органов внутренних дел в судах, осуществляемая Договорно-правовым департаментом МВД России, ежегодно позволяет предотвратить огромные потери средств федерального бюджета страны, снизить уровень репутационного вреда, наносимого в случаях удовлетворения исковых заявлений, предъявленных к органам внутренних дел, в частности по делам о признании незаконными решений и действий (бездействия) органов внутренних дел и их должностных лиц.

За последние годы, несмотря на кадровый голод, удалось достигнуть значительных результатов по большинству направлений судебной работы [1, с. 2]. Реализуя задачи, которые определены Приоритетными направлениями правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2022 по 2026 год [2], Договорно-правовой департамент МВД России оказывает регулярную методическую и практическую помощь правовым подразделениям органов внутренних дел. Для использования в практической деятельности подготавливаются сведения, содержащие положительную судебную практику; рекомендации по организации работы по отдельным категориям дел, таких как возмещение ущерба в порядке регресса, судебной защите имущественных интересов МВД России в отношении объектов недвижимости, закрепленных за территориальными органами МВД России, расположенными на новых территориях Российской Федерации. Проводятся обучения юрисконсультов путем проведения «судебных практикумов» в режиме ВКС. Кроме того, значительный объем полезной информации аккумулируется и доводится до различных категорий сотрудников правовых подразделений в рамках обучающих семинаров. Все правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, а также Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся отдельных вопросов прохождения службы, подвергаются тщательной проработке, что позволяет сформировать правовые позиции в целях обеспечения успешной защиты интересов МВД России. Ежегодные обзоры о результатах судебной работы в системе МВД Российской Федерации включают в себя подробный системный анализ проведенной работы за год, его изучение является важнейшим компо-

¹ © Полежаева О. Г., 2025.

нением профессиональной подготовки юристов и позволяет ориентироваться в судебной практике, понимать практические нюансы применения законодательства, актуализировать свои знания, избегать ошибок, выявлять пробелы, противоречия в законодательстве, что позволяет правильно выбрать стратегию защиты или грамотно сформулировать предъявляемые требования.

При этом, не стоит забывать, что даже грамотно выбранная правовая позиция, аргументированная большим количеством теоретического материала, может быть трудна для восприятия, а, следовательно, может остаться без должного внимания суда. Любой документ, подготовленный сотрудником правового подразделения для представления в суд, должен быть логичным и последовательным, все доводы, приведенные в нем, должны подкрепляться необходимыми и достаточными доказательствами по делу.

Надлежащая защита интересов органов внутренних дел в судах является важным условием обеспечения законности, поддержания имиджа Министерства внутренних дел Российской Федерации, поэтому необходимо использовать все доступные правовые механизмы и стратегии, совершенствовать профессиональные навыки и компетенции лиц, представляющих интересы органов внутренних дел в судах, а также постоянно повышать уровень организационно-методического обеспечения правовой работы, в первую очередь организовав доступ всех сотрудников правовых подразделений к функционалу сервиса по обеспечению деятельности правовых подразделений системы МВД России единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Обеспечение надлежащего представительства в судах подразумевает качественную подготовку к любому процессу, знание процессуального законодательства и активное участие в судебном процессе, с использованием навыков убедительной аргументации, своевременное обжалование судебных актов, вынесенных с нарушением норм материального и (или) процессуального права.

Соблюдение этических норм и правил, установленных применительно к служебному поведению, являются строго обязательными элементами успешной судебно-исковой работы на всех ее этапах. Поскольку предпосылкой к судебно-исковой работе является наличие какой-то конфликтной ситуации, представляется важным то, как будут вести себя противоборствующие стороны в стрессовой ситуации, которой является само судебное заседание. Нередко, истцы, предъявляющие требования к МВД России, в судах не соблюдают установленный порядок, провоцируют ситуации, требующие особой выдержки и эмоциональной устойчивости от сотрудников, представляющих интересы МВД России. В таких условиях крайне важно не скатиться до банального выяснения отношений с переходом на личности. Все действия должны быть корректны, соответствовать процессуальному порядку рассмотрения дела в суде, высказывания взвешены и осторожны. Специфика здесь заключается еще и в том, что распространены случаи, когда в деле участвуют лица, ранее проходившие или проходящие службу в одном подразделении, а значит знакомые друг с другом. При этом, неформальное общение сторон судебного процесса

совершенно очевидно может помешать надлежащей защите интересов органов внутренних дел, следовательно, его следует по возможности избегать.

Представляется необходимым обратить особое внимание на профилактику предъявления исков, в том числе сотрудниками органов внутренних дел как важный инструмент совершенствования судебно-исковой работы. Механизмы профилактики предъявления исковых заявлений к органам внутренних дел включают в себя правовые, организационные и информационные меры, их реализация способствует снижению конфликтных ситуаций, повышению авторитета органов внутренних дел и правовой культуры граждан. Профилактические меры могут быть реализованы путем консультирования сотрудников и работников, проведения рабочих встреч и совещаний, заключение различных соглашений, в том числе по отсрочке оплаты сумм задолженностей, вызванных сложностями финансирования, иные меры, позволяющие избежать применение штрафных санкций к органам, организациям, подразделениям МВД России.

Подводя итог, необходимо отметить, что эффективность судебно-исковой работы, обусловленная применением надлежащего методологического обеспечения, существенным образом детерминируется степенью вовлеченности и уровнем ответственности лиц, непосредственно ее реализующих, что обуславливает их активное участие в процессе на всех этапах, добросовестное исполнение возложенных обязанностей и принятие на себя ответственности за результаты предпринятых действий в рамках предоставленных полномочий.

Список литературы

1. Приоритетные направления правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2022 по 2024 год от 21 декабря 2021 г. № 1/15000.

2. Обзор о результатах судебно-исковой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2024 году // размещен в разделе «Судебно-исковая работа» Портала правового информирования сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений ИСОД МВД России.

3. Приказ МВД России от 27 декабря 2018 г. № 888 «Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России» // СПС «Консультант Плюс».

*Политкин И. А.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ РЕШЕНИЙ СОБРАНИЙ

Институт решений собраний в гражданском праве существует уже долгое время, однако нормы, регулирующие такие решения, существовали исключительно в специальных законах. В Гражданском кодексе Российской Федерации положения о решениях собраний появились только в 2013 г. с введением в действие двух законов: Федерального закона от 30 ноября 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в гл. 1, 2, 3 и 4 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ № 302) и Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I ч. 1 и ст. 1153 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ № 100). Первый утвердил решения собраний в качестве нового основания возникновения гражданских прав и обязанностей в ст. 8 ГК РФ. Второй ввел в действие гл. 9.1, которая получила наименование «Решения собраний». В данной главе законодатель описал требования к процедуре проведения собрания, нормы о признании решения собрания недействительным, основания оспоримости и ничтожности решений собраний.

Все время существования данного института в ГК РФ между цивилистами ведется дискуссия относительно определения правовой природы решений собраний. Как справедливо отмечает А. А. Клячин, единства мнений о правовой природе данного института не было достигнуто даже после закрепления в законе норм о решениях собраний [5]. Дело в том, что положения о решениях собраний достаточно разрозненны и противоречивы, а потому требуют глубокого осмысления в науке гражданского права [3].

В данном направлении учеными была проведена фундаментальная работа, результатом которой стало появление множества позиций о сущности решений собраний.

Следует выделить некоторые подходы, которые получили в научной среде наибольшую популярность и развитие:

- 1) решения собраний как сделки – «сделочная теория»;
- 2) решения собраний как нормативные правовые акты – «нормативистская теория»;
- 3) решения собраний как самостоятельные юридические факты, отличные от всех других.

Сторонниками данной теории являются И. С. Шиткина, Г. В. Цепов, Н. В. Козлова, Б. П. Архипов, С. С. Вилкин, Е. А. Крашенников и многие другие.

¹ © Политкин И. А., 2025.

Через призму сделочной теории цивилисты часто рассматривают в основном решения коллегиальных органов корпоративных юридических лиц, которые они признают сделками.

Так, С. С. Вилкин считает, что принятие решений на собраниях в коллегиальных органах юридических лиц имеет однонаправленный характер, в связи с чем приравниваются к односторонним сделкам [2]. Такой же позиции придерживается Б. П. Архипов, который указывает, что «...совокупность однонаправленных волеизъявлений участников...составляет одну сторону указанных отношений» [1]. Основным аргумент сторонников данной позиции заключается в том, что односторонняя сделка порождает права и обязанности только для стороны, ее совершившей или для третьих лиц, но только в случаях, предусмотренных законом. Так, при принятии собранием решения вторая сторона также отсутствует, а единственной стороной, присутствующей в данной односторонней сделке, по мнению сторонников этой концепции, являются участники собрания.

Некоторые ученые отождествляют решения собраний с многосторонней сделкой. Н. В. Козлова считает, что корпоративные акты, к которым по мнению ученого относятся в том числе и решения собраний, необходимо считать многосторонними гражданско-правовыми сделками [6]. Аналогичной позиции придерживается К. И. Труханов [9] и Е. А. Крашенников. Последний отмечает, что каждый участник на собрании выступает в первую очередь от своего имени и изъявляет свою волю по отношению к тому или иному вопросу на голосовании, противопоставляя свою волю воле других участников собрания [8]. Таким образом, волеизъявления участников являются не параллельными, как в случае односторонней сделки, а противопоставляются друг другу, поэтому каждый участник представляется как самостоятельная сторона такой сделки.

И все же, представляется, что данная теория недостаточно корректна в силу того, что, например, авторы «сделочной теории», которые указывали на тождественность односторонних сделок и решений собраний, исследовали исключительно решения собраний коллегиальных органов юридических лиц, исключая при этом возможность принимать решения собраниями других гражданско-правовых сообществ.

Сторонники позиции равенства решений собраний и многосторонних сделок, в свою очередь, упустили тот момент, что действия участников собрания часто могут не совпадать с принятыми решениями, в то время как заключение многосторонней сделки возможно, только если все стороны согласуют между собой условия такой сделки и совершат волевые действия, направленные на ее заключение. Ситуация, когда воля всех участников учитывается при принятии решения, возникает нечасто. В результате, воля меньшинства подчиняется воле большинства, поэтому рассматривать решения собраний как разновидность многосторонней сделки неверно.

Сторонники «нормативистской теории» считают, что, раз решение собрания издается органами юридического лица, значит может считаться источником права. Исследователи, придерживающиеся данной теории, часто признают решения собраний локальными нормативными актами. Например, И. С. Шиткина признает решение органа юридического лица локальным нормативным актом,

обязательным для исполнения участниками гражданско-правового сообщества и органами управления юридического лица [11]. В то же время, некоторые исследователи описывают не сами решения, которые принимает орган юридического лица, а внутренние документы организации (в том числе устав), которые утверждаются такими решениями [4].

И все же признать данную теорию верной не представляется возможным в силу некоторых обстоятельств.

Во-первых, критике подвергается позиция о наличии нормативности в решениях органов юридических лиц. Орган юридического лица не является органом государственной власти или же органом местного самоуправления, т. е. не является субъектом правотворчества, поэтому его решения не могут носить нормативный характер. По этому вопросу Н. В. Козлова замечает, что нормативный или иной правовой акт есть акт публичной власти, акт реализации компетенции уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления, тогда как решение коллегиального органа юридического лица есть акт реализации его гражданской правосубъектности [7].

Во-вторых, такие решения не являются общеобязательными, а относятся к участникам конкретного правоотношения. Сторонники данной теории самостоятельно указывали, что решения собраний следует считать локальным актом, в то время как нормативность предполагает общеобязательность такого документа.

В-третьих, не все решения собраний принимаются в рамках юридических лиц. Сторонники «нормативистской теории», наряду с некоторыми представителями «сделочной теории», исключили из исследования гражданско-правовые сообщества, которые создаются вне юридических лиц. В связи с этим позиция нормативистской видится недостаточно объективной.

Наиболее верной видится позиция, утверждающая о самобытности решений собраний как юридического факта.

Чтобы подтвердить данный тезис достаточно привести несколько примеров из действующего законодательства.

Так, например, в ст. 12 ГК РФ перечислены способы защиты нарушенных гражданских прав. К таким относится и признание решения собрания недействительным. В этой же статье как способ защиты указано и признание недействительным сделки. Выделение возможности признать решение собрания недействительным как самостоятельного способа защиты гражданских прав уже говорит о самобытности решения собрания в качестве юридического факта. Касаясь этого вопроса, стоит отметить, что вышеуказанная статья закона содержит термины оспоримость и ничтожность в тексте нормы, которая описывает признание недействительной сделку как способ защиты. Традиционно данные понятия применимы в гражданском праве именно к сделкам, однако положения гл. 9.1 ГК РФ о решениях собраний также содержат данные термины.

Кроме того, законодатель в ст. 167 ГК РФ указывает, что недействительная сделка является таковой с момента ее совершения и влечет за собой исключительно последствия о ее недействительности. Похожую норму содержит в ч. 7 ст. 181.4 ГК РФ, где указано, что решение собрания, признанное недействительным, является таковым уже с момента его принятия. На первый взгляд кажется, что законодатель хотел отождествить природу сделки и решения собрания, однако следует предположить, что наличие схожести в правовых нормах

вызвано стремлением к сохранению того же образца юридической техники в тексте ГК РФ на подобии с нормами о сделках, а не приравниванию правовой природы сделки и решения собрания.

Тем не менее, утверждение о самостоятельности решений собраний в качестве юридического факта еще не раскрывает их правовую природу.

Представляется, что на основе вышеуказанных позиций возможно определить сущность решений. Так, нормативисты верно указали на их локальный характер, так как их действие решений распространяется на ограниченный круг лиц. В связи с этим логичным будет сравнение решений собраний с гражданско-правовыми договорами. Последние также не обладают нормативностью, в них заключены индивидуализированные правила поведения для конкретных лиц и конкретного случая. Ввиду отсутствия нормативности у договоров, но в то же время наличия характера акта индивидуального гражданско-правового регулирования, Л. А. Чеговадзе предлагает называть договоры нормоустановительными источниками частного права [10]. Данная позиция ученого-цивилиста относительно гражданско-правовых договоров видится верной и, представляется, может быть применима и в отношении решений собраний.

Таким образом, решения собраний возможно считать юридическими фактами, которые имеют форму локальных частно-правовых нормоустановительных актов.

Список литературы

1. Архипов Б. П. Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества // Законодательство. 2002. № 3. С. 46–55.
2. Вилкин С. С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10–11.
3. Долинская В. В. Гражданское право: юридические факты : учебное пособие для бакалавров. М., 2018. С. 74.
4. Кашанина Т. В. Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности. М. : Инфра-М-Кодекс, 1995. С. 92–95.
5. Клячин А. А. Решение собрания как юридический факт в корпоративном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4 (30). С. 60–67.
6. Козлова Н. В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8. С. 55.
7. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М. : Статут. 2005. С. 382.
8. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 7. С. 46–50.
9. Труханов К. И. Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе Российской Федерации // Закон. 2013. № 10. С. 130.
10. Чеговадзе Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 2 (60). С. 330–348.
11. Шиткина И. С. Локальное (внутреннее) нормотворчество в акционерном обществе // Налоги (газета). 2006. № 14

*Рысбекова Б. Р.¹,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» И «ДЕЛИКТНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Закрепленные в праве основания и условия гражданско-правовой ответственности является важным аспектом для применения мер ответственности к лицам, нарушившим субъективные гражданские прав и законные интересы физических и юридических лиц.

Причинение вреда вызывает наступление гражданско-правовой ответственности. Возникающие в результате этого правоотношения относятся к категории деликтных обязательств. Деликтное обязательство представляет собой отношения между субъектами, в которых лицо, причинившее вред личности или имуществу другого лица, должно возместить этот вред в полном объеме.

Стоит обратить внимание на то, что в гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (далее – ГК РФ) и гл. 53 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, Часть II от 5 января 1998 г. № 1 (далее – ГК КР) используется термин «обязательства вследствие причинения вреда», тогда как в ст.ст. 1069, 1070 ГК РФ и 998, 999 ГК КР упоминается «ответственность за вред».

Эти нормы предусматривают ответственность за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) государственных органов или их должностных лиц при исполнении служебных обязанностей, в частности сотрудников органов внутренних дел. Вслед за Конституцией Российской Федерации, ГК РФ указывает на ответственность государства за причинение такого вреда. Сходные правила предусмотрены и в ст.ст. 998 и 999 ГК КР.

Гражданско-правовая ответственность является одной из форм гражданских правоотношений, и ее возникновение, изменение и прекращение связаны с определенными юридическими фактами, установленными законом обстоятельствами.

Гражданско-правовая ответственность связана с гражданскими правонарушениями. В науке, гражданское правонарушение, как правило, рассматривается преимущественно в контексте его способности выступать основанием для гражданско-правовой ответственности [1]. Она наступает в случае причинения вреда гражданам вследствие незаконных действий или бездействия органов внутренних дел и сотрудников.

Впрочем, следует обратить внимание, что в науке существует позиция, согласно которой не только гражданское правонарушение является основанием

¹ © Рысбекова Б. Р., 2025.

наступления ответственности. Так, Т. В. Летута [2], К. С. Мамажанов [3] заключили, что основанием для возникновения ответственности является состав правонарушения, само правонарушение или комбинация обстоятельств и признаков, которая формирует правонарушение и его состав.

Заслуживает внимания точка зрения Н. С. Малеина, который считает основаниями гражданско-правовой ответственности юридические, объективные и фактические основания [4]. В целом поддерживая указанную точку зрения, полагаем, что объективные и субъективные элементы должны рассматриваться в рамках состава гражданского правонарушения.

Также в научной литературе отражен подход, согласно которого единственным основанием наступления гражданско-правовой ответственности является наличие вреда [5]. Сходную позицию высказывают и иные авторы. В качестве единственного основания частно-правовой ответственности следует рассматривать нарушение субъективного гражданского права, считает В. В. Витрянский [6].

Для дальнейшего исследования будем считать, что основанием наступления гражданско-правовой ответственности является правонарушение в силу того, что элементы, входящие в него, позволяют охарактеризовать те юридически-значимые условия, которые необходимы для наступления ответственности. Учет иных обстоятельств необходимым только в случаях, указанных в законе.

Гражданско-правовая ответственность и деликтное обязательство понятия не равнозначные. Но, в науке существуют позиции, где они отождествляются [7].

Цивилисты обращают внимание на то, что в качестве сходства можно выделить то, что и гражданско-правовая ответственность и деликтное обязательство в качестве ключевой основы используют категорию «обязанности» [8]. Для них требуются одинаковые условия – наличие субъективного права, нормативные и юридико-фактические условия. Однако, на наш взгляд, это еще не свидетельствует о том, что понятия деликтного обязательства и деликтной ответственности является идентичными.

В научной литературе высказывается позиция о том, что понятие гражданско-правовой ответственности значительно шире обязательства по возмещению вреда [9]. В частности, указывается, что деликтное обязательство – это лишь форма выражения деликтной ответственности [10]; гражданско-правовая ответственность выполняет не только компенсационную и восстановительную функции, которые свойственны и деликтному обязательству, но ей присуща, и карательная функция и др. [11] Так же в научной литературе верно отмечается, что право на защиту (в нашем случае реализуемое по средствам деликтного обязательства) может осуществляться как с использованием мер юридической ответственности, так и без них [12]. Другими словами, можно возлагать на причинителя вреда дополнительное бремя в виде неустойки или штрафа, а можно не возлагать.

Возвращение в рамках деликтного обязательства того, что утрачено или повреждено (возмещение вреда) – это возвращение должного – восстановление нарушенного права, это только одна составляющая гражданско-правовой ответственности. Уплата штрафов, неустоек, выплаты сверх возмещение вреда – это неблагоприятные последствия, которые следует квалифицировать как иные меры гражданско-правовую ответственность, образующие ее другую часть.

Как верно отмечал О. С. Иоффе, ответственность всегда связана с неблагоприятными последствиями для причинителя вреда, тогда как санкция, может и не иметь таких последствий [13] (например, возвращение неосновательного обогащения). С этих позиций так же, как мы уже отметили выше, гражданско-правовая ответственность отличается от деликтных обязательств тем, что помимо возвращения должного, причинитель вреда несет и дополнительные неблагоприятные последствия.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность связана с двумя группами последствий – восстановлением права (средством осуществления которого является деликтное обязательство) и наложением дополнительных неблагоприятных последствий (меры ответственности).

Следует отметить, что в научной литературе верно обращается внимание на то, что не всякое возмещение вреда есть результат деликта [1]. Иногда вред причиняется правомерными действиями, но он тоже подлежит возмещению. В силу этого в науке существует теория компенсаторного обязательства, суть которого заключается в том, что причинение вреда правомерными действиями не может вызвать гражданско-правовую ответственность, что не мешает возникать обязательству по возмещению причиненного вреда. Однако при этом, возмещение вреда осуществляется не в рамках деликтного обязательства, а в рамках компенсаторного обязательства [14].

Полагаем, что деликтное обязательство – это одна из стадий, которые проходит деликтная гражданско-правовая ответственность, развивающаяся в форме охранительного правоотношения. На первой стадии происходит нарушение субъективного гражданского права. Нарушение происходит абсолютного права, основанного на утверждении о его не нарушении всеми третьими лицами. Само по себе нарушение еще не означает, что в рамках деликтного обязательства вред будет возмещен. Так, например, потерпевший может не обратиться к причинителю за его возмещением. На второй стадии формируется относительное правоотношение, где определен причинитель вреда, устанавливается причинно-следственная связь между деянием причинителя вреда и наступившими вредоносными последствиями. Именно здесь деликтное обязательство выступает как средство его возмещения. Третья стадия гражданско-правовой ответственности связана с дополнительными санкциями (возмещение неустойки, штрафов и проч.), а также с случаями, когда причинитель вреда нарушает обязанность по его возмещению.

Список литературы

1. Дерюгина Т. В., Тумаков А. В., Чеговадзе Л. А. Гражданское право. Общая часть : учебник. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2023. 324 с.
2. Летута Т. В. Материальная и деликтная ответственность: проблемы соотношения норм гражданского и турового законодательства // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 2. С. 121–129.
3. Мамажанов К. С., Согаева Л. И. Гражданское право Кыргызской Республики: Общая часть. Курс лекций. Бишкек, «Маданият». 2012. С. 78–104

4. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. 192 с.
5. Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965. 230 С. 26
6. Репьев Г. А. Гражданско-правовое регулирование возмещения вреда, причиненного судебными органами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13.
7. Витрянский В. В., Брагинский М. М. Ответственность за нарушение договорного обязательства. Договорное право: Общие положения. Кн. 1 М. : Статут, 1998. С. 567–570
8. Самощенко И. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. 240 с.
9. Золотарев А. П. О некоторых особенностях деликтной ответственности в гражданском праве России // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156) С. 74–80.
10. Смирнов В. Т. Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 11.
11. Белякова А. М. Развитие и совершенствование законодательства о возмещении вреда // Советское государство и право. 1985. № 9. С. 37–44.
12. Дерюгина Т. В. О противоправности как условии возмещения вреда и возникновения деликтного обязательства // Цивилист. 2024. № 4 (50). С. 24–30.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / под ред. А. Г. Карапетова. М., 2016. С. 59.
14. Дерюгина Т. В. О гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, условиях ее наступления и соотношении с деликтными обязательствами // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 3. С. 62–71.
15. Чеговадзе Л. А. Деликт как частное правонарушение // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 3. С. 72–80.
16. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., Статут, 2006. 546 с.
17. Дерюгина Т. В. К проблеме выделения компенсаторных обязательствах в системе гражданско-правовых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 74–78.

*Трофимов Е. А.¹,
заместитель начальника курса
факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ СДЕЛКИ

В современных условиях в России, как и во всем мире, неотъемлемой частью развития общества и государства является цифровая трансформация, затрагивающая многие сферы общественной жизни. В экономической сфере ее результатом выступает цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором выступают данные, их обработка и использование в цифровом виде, что позволяет существенно повысить эффективность и качество производства и обмена товаров и услуг.

В Российской Федерации особо подчеркивается интерес к цифровой экономике, что обусловлено необходимостью создания эффективного экономического цифрового пространства и внедрению цифровых инструментов в различные сферы деятельности в целях повышения благополучия граждан, вовлеченности субъектов в экономическую деятельность и стабильного развития российского общества и государства. По нашему мнению, немаловажным является формирование суверенной экосистемы цифровой экономики, основанной на партнерстве организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан, предусматривающей снижение зависимости от иностранных решений и цифровых инструментов [1].

Так, в 2019 г. в Российской Федерации был дан старт национальной программе «Цифровая экономика», в рамках которого было признано, что ключевым фактором является совершенствование правового регулирования цифровой экономики, предусматривающее снятие правовых барьеров для развития цифровых технологий, их внедрения и использования в различных отраслях экономики, в том числе в гражданском обороте [4].

Данный национальный проект в настоящий момент преобразован в проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», основной целью которого является цифровая трансформация государственного управления, экономики и социальной сфере [6]. По нашему мнению, в сравнении с ранее реализовываемым проектом «Цифровая экономика», данный проект имеет определенный недостаток, связанный с его направленностью на непосредственное развитие цифровых технологий с технологической точки зрения, в то время как важным также является нормативно-правовое регулирование их внедрения и применения. Видится, что такая ситуация формирует негативную

¹ © Трофимов Е. А., 2025.

тенденцию, связанную с возможным возникновением правовых барьеров на внедрение того или иного цифрового инструмента, т. е. отставанием правового регулирования от фактических общественных отношений.

Н. Е. Савенко определяет следующие элементы цифровой экономики – объекты (цифровые технологические продукты), субъекты (участники экономических отношений) и цифровые средства правового регулирования экономических отношений [9]. Вместе с тем к таким элементам необходимо отнести экономическое взаимодействие, посредством которого осуществляется обмен товарами и услугами. В настоящий момент наиболее распространенным способом данного взаимодействия выступают договорные отношения.

Необходимо отметить, что глобальный процесс цифровой трансформации охватил в том числе и этот элемент цифровой экономики, в результате чего на современном этапе формируются качественно новые формы договорных отношений, основанные на использовании цифровых инструментов, значительно упрощающих организацию экономического взаимодействия субъектов и открывающие новые возможности для развития.

В связи с этим, актуальным является вопрос нормативно-правового регулирования процесса цифровой трансформации экономики, в том числе совершенствование гражданского законодательства, так как в рамках гражданского оборота осуществляется обмен товаров и услуг, значительно развивающийся посредством внедрения цифровых инструментов.

Основной тенденцией цифровой трансформации договорных отношений выступает электронная форма сделки. Так, в рамках реализации федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [5] национальной программы «Цифровая экономика» в гражданско-правовое регулирование были внесены изменения в части урегулирования отношений, складывающихся по поводу заключения договора или совершения сделки с применением цифровых инструментов [3].

Так, в соответствии со ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], письменная форма сделки, совершенной посредством цифровых инструментов, считается соблюденной при наличии следующих условий: такие инструменты позволяют воспроизвести содержание сделки в неизменном виде на материальном носителе, а также позволяют идентифицировать стороны, выразившие волю на совершение данной сделки.

Также в соответствии со ст. 434 ГК РФ, допускается заключение договора путем составления электронного документа, подписанного сторонами соглашения, либо обмена такими документами. В таком случае договор признается заключенным в письменной форме.

Для цифрового гражданского оборота свою значимость приобретает общая фикция письменной формы договора (п. 3 ст. 434 ГК РФ), в соответствии с которой письменная форма договора считается соблюденной также в случае принятия предложения о заключении договора путем совершения стороной, получившей письменную оферту, которая может быть передана посредством цифровых инструментов, действий, направленных на исполнение условий договора путем уплаты определенной денежной суммы, совершении работ или оказании услуг.

Важно отметить, что указанные изменения не образовали новую форму договора или сделки – электронную. Видится, что законодатель, в целях обеспечения единства правоприменительной практики и надежности договорных отношений, целенаправленно отнес все возможные электронные формы заключения договора или совершения сделки к письменным.

Однако в научной среде не было достигнуто единообразия во мнениях цивилистов по факту признания электронной формы сделки самостоятельной и отличной от письменной. Так, определенные авторы считают, что, исходя из особенностей электронного документа, необходимо признать электронную форму сделки самостоятельной [10]. Другие признают, что электронная форма сделки является лишь дополнительной формой письменной, реализуемой посредством цифровых технологий, как вспомогательных элементов, и дополнительного отдельного нормативного регулирования в данной сфере не требуется [12]. Отдельные исследователи отмечают, что электронные сделки по отраслевому законодательству и ранее применялись в отдельных случаях, до вступления в силу поправок в ГК РФ в 2019 г., в связи с чем отдельное их регулирование на уровне ГК РФ не требуется [11].

Вместе с тем, исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что единообразие правоприменения норм, связанных с электронной формой договора, достигнуто не было и на практике, что также признается вышеуказанными исследователями. К примеру, в определенных случаях при разрешении споров суды признают действующим договор, представленный в электронной форме и направленный заинтересованным сторонам правоотношения посредством цифровых технологий [7]. В других случаях суды ссылаются на отсутствие подписей сторон на проекте договора, тем самым признают его недействительным [8]. При этом в обоих случаях договор соответствует требованиям, закрепленным в ст. 434 ГК РФ.

Исходя из мнения по факту самостоятельности электронной формы сделки, цивилисты предлагают несколько вариантов достижения единства правоприменения. Сторонники самостоятельности такой формы сделки утверждают, что необходимо внесения ряда поправок в нормативно-правовое регулирование, в том числе отраслевое, регулирующее информационную сферу [10]. Цивилисты, придерживающиеся традиционной точки зрения считают, что необходимо выработать единообразие правоприменения путем издания соответствующих документов высшими судебными органами [13].

Учитывая высокие темпы развития цифровых технологий, их внедрения в экономику, формирование новых способов совершения сделок и заключения договоров с использованием цифровых инструментов, а также продолжающуюся работу по разработке цифрового права, необходимо признать самостоятельность электронной формы сделки. Подобное решение обусловлено тем, что цифровые технологии в этом случае выступают не средством достижения письменного соглашения, а качественно новой формой договора, содержащейся в виде цифрового кода, представляющего в сущности специальный набор символов, доступный для распознавания и анализа человеком только посредством

специальных цифровых инструментов, но, вместе с тем, позволяющая воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде его содержание.

Видится, что данный шаг законодателя позволит выработать единство правоприменительной практики и учесть все особенности электронных документов и применения цифровых технологий, что положительно отразится на гражданском обороте товаров и услуг.

Таким образом, цифровая трансформация договорных отношений, в первую очередь, связана с совершенствованием форм заключения договоров и способов совершения сделок с помощью цифровых инструментов. При этом, в настоящий момент, важной и актуальной является разработка и совершенствование нормативно-правового регулирования, предусматривающего формирование новой самостоятельной формы сделки – электронной (цифровой), что позволит сформировать основу для внедрения цифровых инструментов в гражданско-правовые отношения, предусматривающую единство правоприменительной практики, нейтрализацию возможных рисков и обеспечение на должном уровне защиты прав и законных интересов сторон правоотношений.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3301.

3. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. №12. Ст. 1224.

4. Цифровая экономика Российской Федерации // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.

5. Нормативное регулирование цифровой среды // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/862/>.

6. Экономика данных и цифровая трансформация государства // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/>.

7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2021 г. по делу № А60-28828/2020 № 309-ЭС21-14031,. URL: <https://clck.ru/dVdXW/>.

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. по делу № А53-5098/2022 № 308-ЭС23-4827. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Ir5rcHA9gjHd/>.

9. Савенко Н. Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1. С. 145–171.

10. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex russica. 2019. № 8. С. 129–137.

11. Костикова Г. В. Электронные сделки: новеллы законодательства // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 49–59.

12. Филатов И. А. Правовой статус участников электронной торговли // Научное образование. 2020. № 3 (8). С. 608–610.

13. Адаменко А. П., Пискунова Н. И., Целовальникова И. Ю. Электронная форма сделки: проблемы теории и практики // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 156–159.

*Тумаков А. В.¹,
докторант факультета
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ

В настоящее время информационные технологии являются неотъемлемой частью современного общества. Автоматизация информационных процессов, создание информационных систем и совершенствование технологии искусственного интеллекта – все это приоритетные направления деятельности государства. Информационные системы и нейросети позволяют упростить рутинные процессы, сэкономить трудовые ресурсы предприятий и организаций, в том числе образовательных, а также свести к минимуму возникновение ошибок. Тема персональных данных «...имеет прямое отношение к внедрению современных технологий, но и связанных с этим сопутствующих – подчас и непростых – явлений, которые должны быть своевременно решены с точки зрения обеспечения безопасности и отдельных отраслей производства, и граждан» – отмечает В.В. Путин [6]. Безусловно, тема защиты персональных данных непростая и охватывает большой пласт проблемных вопросов, требующих своевременного разрешения.

Сферы бизнеса, образования, медицины, культуры и т. д. ежедневно сталкиваются с обработкой персональных данных. Вопрос приобретает все бóльшую актуальность в связи с переходом общественных отношений в цифровую среду. Сегодня достаточно нажать на кнопку мыши для того, чтобы заключить и даже исполнить сделку. Как верно отмечается в литературе, «в сетевой среде каждый щелчок мыши компьютера оставляет след данных» [2, с. 22]. С появлением так называемых цифровых объектов проблема оборота персональных данных получила новый виток своего развития. Очевидно, что общество просто не было готовым к экспоненциальному росту объема данных на просторах Интернета, включая персональные данные. Ярким подтверждением тому служит крупнейшая утечка персональных данных за всю историю кибербезопасности. В докладе авторитетного портала Cybernews сообщается об опубликовании в даркнете 16 млрд записей об украденных логинах и паролях, из которых 0,5 млрд связаны с пользователями из России [7].

Для многих работников – субъектов обработки персональных данных такая деятельность является повседневной, а потому работники, зачастую не задумываются о правовой регламентации возникающих правоотношений. В действительности, с точки зрения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ

¹ © Тумаков А. В., 2025.

«О персональных данных» (далее – ФЗ № 152) [1] в подобных случаях зачастую возникает правоотношение. В связи с этим важно разобраться: какие правоотношения и в каком случае возникают, и какие защитные меры во избежание негативных последствий следует принимать бизнесу, обществу и государству.

Ни для кого не секрет, что п. 1 ст. 3 ФЗ № 152 определяет персональные данные очень широко, как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). В этом смысле персональными данными можно считать буквально все: фамилию работника или клиента, паспортные данные, фотографию, дату рождения, номер телефона, занимаемую лицом должность и т. д. Обращаясь к понятию «данные», следует упомянуть, что оно прочно ассоциируется со сферой информатики и понимается там, прежде всего, как «информация, представленная в формализованном виде, что обеспечивает возможность ее хранения, автоматической обработки и передачи с помощью технических средств (например, ЭВМ)» [4]. Пожалуй, самое главное, что данные являются информацией формализованной, представленной в системном виде, который бы обеспечивал возможность их дальнейшей обработки или, по крайней мере, способствовал этому. Согласитесь, такое развернутое содержание формализации опять-таки приводит к расширенному толкованию персональных данных. Не случайно в литературе зачастую можно встретить анализ разных видов персональных данных, основанных на легальном толковании [3; 5].

Учитывая широкое толкование понятие, по большому счету, даже создание папки или файла на рабочем столе, содержащем личную информацию о клиенте или работнике организации, является персональными данными. Например, в целях реализации различных программ лояльности юридические лица зачастую осуществляют сбор персональных данных о своих клиентах. С переходом торговли в электронную среду число таких действий с каждым днем только увеличивается.

Для начала обратимся к понятию «оператор», которое содержится в уже упомянутом ФЗ № 152. Так, законодатель определяет оператора как государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными. Вновь обратим внимание на широкий подход законодателя к определению содержательного смысла понятия. Законодатель не ограничивает субъекта работы с персональными данными конкретными критериями. Если лицо:

- 1) организует или осуществляет обработку персональных данных;
- 2) определяет цели обработки;
- 3) определяет состав персональных данных;
- 4) определяет операции (действия), совершаемые с персональными данными, – он становится оператором, т. е. субъектом работы с персональными данными.

По общему правилу, в таком случае оператором персональных данных является юридическое лицо, которое организует и осуществляет обработку персо-

нальных данных, а также определяет ее цели и содержание. Сам работник юридического лица оператором персональных данных не является, однако в силу своих трудовых функций осуществляет их обработку, представляя интересы компании.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о необходимости установления дополнительных механизмов охраны и защиты персональных данных. В техническом плане юридическим лицам рекомендуется обеспечивать безопасность обрабатываемых персональных данных в соответствии с требованиями Постановления Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» и приказа ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении Составы и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».

Типовыми мерами защиты персональных данных являются: использование паролей не менее восьми символов, их смена не реже раза в шесть месяцев, автоматическая блокировка сеанса работы компьютера при бездействии более 15 минут, резервное копирование баз персональных данных, обновление антивирусов и т. д. Такие действия являются относительно простыми, но вместе с тем вполне эффективными, в связи с чем автор призывает учитывать не только юридическую, но и техническую сторону проблемного вопроса. Именно технологии и политика конфиденциальности в совокупности могут обеспечить должную защиту персональных данных, поскольку препятствуют несанкционированному доступу к учетным записям юридических лиц [6, с. 148].

Таким образом, можно сказать, что технический прогресс является неотъемлемым элементом развития общества, который во многом способствует образованию более комфортных условия для существования человека. Вместе с тем цифровизация всех сфер общества сопровождается очевидными рисками, связанными с уязвимостью информации в электронном виде. Однако дальнейшее развитие человечества не может быть связано с полным отказом от технологий в связи с возможными рисками. Требуется осмысление таких рисков и противодействие им имеющимися и новыми юридико-техническими методами.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 2006. №. 165. 29 июля.
2. Абрамова А. Г. Современные проблемы осуществления защиты персональных данных в сети: основополагающие принципы защиты персональных данных // Регион и мир. 2020. Т. 11. № 4. С. 21–25.
3. Дудина С. С. Биометрические персональные данные как вид персональных данных // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2024. № 4 (112). С. 41–44.
4. Конспект лекций по информатике. Красноярск, 2020. URL: <https://clck.ru/3MjRcg/>.
5. Кучеренко А. В. Сравнительный анализ принципов отнесения информации к персональным данным и иным видам сведений конфиденциального ха-

рактера // Вестник Амурского государственного университета. 2009. № 44. С. 66–68.

6. Лукошкин А. А. Защита персональных данных в социальных сетях: механизмы защиты данных пользователей, проблемы обеспечения конфиденциальности и права граждан // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 2. Т. 6. С. 147–152.

7. Путин обсудил с Совбезом защиту персональных данных при внедрении цифровых технологий // Коммерсант. URL: <https://clck.ru/3MjREQ/>.

8. Утечка вписалась в историю // Коммерсант. URL: <https://clck.ru/3MjRtf/>.

Тупик А. О.¹,
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Филиппова А. И.,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ИНТЕРЕСЕ

Право собственности является фундаментальным правом, гарантированным Конституцией и гражданским законодательством. Государство вправе ограничивать это право в публичных интересах – для обеспечения общественной безопасности, сохранения окружающей среды, градостроительного регулирования и других значимых целей.

Гражданско-правовые ограничения могут проявляться в различных формах: принудительное изъятие имущества, установление обременений и запретов на использование собственности. Важным аспектом является обеспечение справедливого возмещения убытков собственникам и наличие эффективных механизмов судебной защиты.

В статье анализируются правовые основания ограничения права собственности, формы таких ограничений, а также механизмы защиты прав собственников в российском и международном праве.

Среди исследователей данного вопроса: Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой, А. П. Сергеев, О. А. Красавчиков, В. В. Витрянский, М. И. Брагинский, а также современные ученые П. П. Чепига, К. В. Михеев, Л. П. Рассказов.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе гражданско-правовых механизмов ограничения права собственности. В отличие от традиционных исследований конституционных или административных аспектов, основной акцент сделан на гражданско-правовой природе ограничений, их правовых последствиях и механизмах компенсации.

Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 г. по делу № 305-ЭС21-9051 был спор между собственником и муниципалитетом о выплате компенсации при изъятии недвижимости для государственных нужд. В решении Верховного Суда Российской Федерации указано, что ор-

¹ © Тупик А. О., 2025.

ган власти обязан предоставить справедливую компенсацию, учитывая не только рыночную стоимость объекта, но и понесенные владельцем убытки.

Право собственности, гарантированное Конституцией Российской Федерации и гражданским законодательством, не является абсолютным. Государство вправе ограничивать его в публичных интересах, таких как обеспечение безопасности, экология или градостроительное регулирование. Эти ограничения проявляются в форме принудительного изъятия имущества, сервитутов или запретов на использование, сопровождаясь необходимостью справедливой компенсации и судебных гарантий защиты [13, с. 45].

Конституция Российской Федерации (ст. 55) допускает ограничения прав только федеральным законом, однако Гражданский кодекс (ст. 209) расширяет эту возможность до иных правовых актов, создавая коллизии. Судебная практика, включая постановления Пленума ВАС РФ, стремится нивелировать противоречия, подчеркивая приоритет федерального регулирования.

Доктрина выделяет два подхода к ограничениям:

1. Имманентный, где ограничения – неотъемлемая часть права, определяющая его содержание [10, с. 180].
2. Внешний, связывающий ограничения с защитой общественных благ [1, с. 480; 2, с. 672].

Ключевой проблемой остается отсутствие четких критериев соразмерности ограничений. Законодательство зачастую игнорирует принцип справедливой компенсации, особенно при установлении публичных сервитутов.

Первые отражают неотъемлемую связь права с обязанностями, вторые – Международные акты и Конституция Российской Федерации (ст. 35) гарантируют защиту от произвольного лишения имущества. Однако на практике компенсационные механизмы остаются декларативными, что усиливает риски злоупотреблений. Судебная практика постепенно смещается в сторону признания обязательности возмещения, но отсутствие законодательных стандартов оценки «справедливости» сохраняет правовую неопределенность.

Баланс частных и публичных интересов требует системного подхода к ограничениям права собственности. Необходима унификация законодательных критериев, включая прозрачные механизмы компенсации и усиление судебного контроля. Это позволит минимизировать злоупотребления и обеспечить реализацию конституционных гарантий [11, с. 638].

Проведение границы между государственным и общественным интересом – одна из наиболее дискуссионных задач правовой теории. Если первый связан с обеспечением суверенитета, безопасности и реализации властных функций, то второй охватывает потребности социума в экологии, культурном наследии или социальной справедливости. Однако правовая природа этих категорий не сводится к простому противопоставлению, а требует системного анализа их взаимодействия и критериев балансировки.

Государственный интерес в правовом контексте проявляется через деятельность публичных институтов, направленную на сохранение конституционного строя, территориальной целостности и экономической стабильности. Его отличительная черта – формализованность: закон или подзаконный акт фиксирует

конкретные цели и механизмы их достижения. В решении Верховного Суда по делу № 305-ЭС21-9051 подчеркивается, что изъятие имущества для государственных нужд допустимо только при наличии федерального закона и гарантий компенсации. Однако критерий «нужд» остается расплывчатым, что создает риски расширительного толкования.

Общественный интерес, в отличие от государственного, формируется снизу – через потребности гражданского общества. Он может не иметь прямого нормативного закрепления, но выявляется через запросы социальных групп: защита прав меньшинств, сохранение исторических памятников, доступность образования. Правовая сложность заключается в том, что общественный интерес часто противостоит узковедомственным или корпоративным целям. Например, в спорах о застройке парковых зон суды вынуждены балансировать между интересами девелоперов (экономический рост) и жителей (сохранение экологии) [9, с. 215].

Ключевой правовой критерий разграничения – субъект инициативы. Государственный интерес продвигается органами власти, тогда как общественный – институтами гражданского общества. Однако эта граница размывается в случаях, когда государство выступает арбитром между конфликтующими общественными запросами. Так, Конституционный Суд в Постановлении № 1-П указал, что ограничение права собственности для защиты экологии отвечает как государственным, так и общественным интересам, объединяя их в единый публичный приоритет.

Еще один критерий – механизм защиты. Государственный интерес обеспечивается императивными нормами (изъятие имущества, санкции), а общественный – через судебные иски неопределенного круга лиц или прокурорский надзор. Например, иск экологической организации о запрете вырубки леса, поданный в защиту прав будущих поколений, отражает общественный интерес, хотя формально инициирован частным субъектом.

Современная доктрина, вслед за Е. В. Васьковским, отвергает отождествление этих категорий. Государство, будучи субъектом собственности, может действовать в ущерб общественным интересам, как показал кейс с передачей памятника архитектуры в частные руки без обеспечения доступа граждан. В таких случаях суды все чаще применяют принцип пропорциональности, оценивая, насколько ограничения соответствуют заявленной публичной цели.

Таким образом, институциональная природа государственного интереса, в отличие от динамичного общественного, формируемого социальным запросом, требует четкого правового разграничения для обеспечения баланса при ограничении права собственности. Легитимность таких ограничений должна определяться не формальным отнесением к «публичным целям», а доказательной связью с конкретными потребностями общества, исключающей подмену ведомственными или корпоративными приоритетами. Правовая неопределенность, вызванная отсутствием законодательных дефиниций ключевых понятий, может быть преодолена через систематизацию практики Конституционного Суда Российской Федерации, который призван устанавливать критерии соразмерности и справедливости ограничений.

Защита прав собственности представляет собой комплекс мер, направленных на восстановление нарушенных правомочий собственника и предотвращение незаконных посягательств. Эти механизмы, закрепленные в гражданском законодательстве, сочетают судебные и внесудебные способы, формируя многоуровневую систему гарантий.

Судебные способы доминируют в системе защиты, что обусловлено их императивностью и возможностью принудительного исполнения. Виндикационный иск, как инструмент истребования имущества из чужого незаконного владения, применяется в случаях, когда объект выбыл из владения собственника. Его эффективность зависит от доказанности двух условий: сохранения индивидуально-определенных характеристик имущества и отсутствия добросовестности у фактического владельца. Например, в деле о самовольной постройке (Определение Верховного Суда Российской Федерации № 37-КГ19-4) суд отказал в удовлетворении виндикационного иска, указав на необходимость предварительного признания права собственности через отдельный иск.

Негаторный иск ориентирован на устранение препятствий в реализации правомочий собственника, не связанных с лишением владения. Типичным примером выступают споры о запрете размещения объектов, нарушающих экологические нормы или создающих угрозу жизни и здоровью. В деле о пасеке (Определение Верховного Суда Российской Федерации № 37-КГ19-4) суд запретил ответчикам содержать ульи, признав, что их действия нарушают право истцов на безопасное пользование участком.

Иски о признании права собственности играют ключевую роль в ситуациях, когда право не зарегистрировано, но существует фактически. Это особенно актуально для объектов, возникших до введения системы государственной регистрации недвижимости. Суды, как показано в деле № А19-15133/2014, при оценке таких требований учитывают не только формальные документы, но и доказательства длительного добросовестного владения.

Внесудебные механизмы включают самозащиту прав (например, установку ограждений) и досудебное урегулирование споров через претензионный порядок. Однако их эффективность ограничена отсутствием принудительного характера, что делает судебную защиту основным инструментом.

Компенсационные механизмы выступают важным элементом защиты. Законодательство (ст. 31 ГК РФ) гарантирует возмещение убытков, причиненных изъятием имущества для государственных нужд, включая упущенную выгоду. В практике Верховного Суда (дело № 305-ЭС21-9051) подчеркивается, что компенсация должна быть адекватной и своевременной, иначе ограничение права собственности признается несоразмерным.

Таким образом, ограничения права собственности в публичных интересах остаются необходимым инструментом баланса частных и общественных ценностей, однако их реализация требует четких законодательных критериев соразмерности и справедливой компенсации для минимизации рисков злоупотреблений. Систематизация норм, регулирующих изъятие имущества и обременения, должна сопровождаться усилением судебного контроля, формирующего прецеденты оценки обоснованности ограничений и защиты добросовестного владе-

ния. Современные вызовы, включая цифровизацию прав на недвижимость и экологические риски, актуализируют адаптацию механизмов защиты через синтез законодательных реформ, судебной практики и научной доктрины, обеспечивающий устойчивое равновесие между свободой собственности и общественными интересами.

Список литературы

1. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 480 с.
2. Толстой Ю. К. Гражданское право: в 3 т. Т. 1. СПб. : Проспект, 2020. 672 с.
3. Сергеев А. П. Проблемы гражданско-правового регулирования. М. : Норма, 2019. 320 с.
4. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М. : Юридической литературы, 1966. 215 с.
5. Витрянский В. В. Баланс частных и публичных интересов в гражданском обороте. М. : Статут, 2015. 384 с.
6. Брагинский М. И. Договорные и внедоговорные ограничения права собственности // Вестник гражданского права. 2008. № 3. С. 45–60.
7. Чепига П. П., Михеев К. В. Ограничения права собственности в земельных и градостроительных отношениях. СПб. : Юридический центр Пресс, 2020. 208 с.
8. Рассказов Л. П. Защита права собственности при государственных ограничениях: проблемы и решения. М. : Норма, 2022. 176 с.
9. Емелькина И. А. Современные модели частноправовых ограничений права собственности. Екатеринбург : УрГЮУ, 2021. 215 с.
10. Камышанский В. П. Право собственности: пределы и ограничения. М. : Юстицинформ, 2018. 180 с.
11. Синайский В. И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. 638 с.
12. Сюбаева Ю. Д. Принцип добросовестности в ограничениях права собственности // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 45–53.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 2019 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 3. Ст. 45.
14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 г. № 305-ЭС21-9051 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Решение Арбитражного суда Московской области от 15 марта 2022 г. № А41-23456/2022 // НПП «Гарант-сервис».

Хаенок Д. С.¹,

курсант

Московского областного филиала

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Кондрашечкин Р. В.,

доцент кафедры

оперативно-разыскной деятельности

органов внутренних дел

и применения информационных технологий

Московского областного филиала

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Существует множество проблем как в реализации самой политики цифровизации, так и в последствиях ее расширения в жизни современного социума и его науки. В среде ученых-гуманитариев сегодня часто обсуждаются следующие проблемы цифровизации гуманитарной сферы науки: дегуманизация человека; формирование информационного коккона (ситуация зависимости исследователя от поискового алгоритма используемой программной системы); возможность контроля за деятельностью ученого и ограничение его доступа к определенной информации; разрыв между пользователем научного программного обеспечения и его создателем (ситуация, являющаяся следствием узкой специализации в профессиональной подготовке – программист не обладает специфическими научными компетенциями, особенно в гуманитарных науках, а гуманитарий слабо владеет компетенциями по программированию).

Однако цифровые технологии перестали быть инструментом исключительно технических дисциплин – они стали новой оптикой для гуманитарных исследований. Если в XX в. филолог корпел над бумажными картотеками, а историк месяцами искал документы в архивах, то сегодня нейросети анализируют тексты за секунды, а оцифрованные манускрипты доступны в один клик. Однако эта революция порождает не только возможности, но и вызовы: от вопросов достоверности данных до риска утраты «человеческого измерения» в науке.

Цифровые методы: Современные гуманитарии все чаще работают с массивами данных, а не отдельными текстами. Например, проект GoogleBooks NgramViewer позволяет отслеживать частоту употребления слов в 8 млн книг,

¹ © Хаенок Д. С., 2025.

опубликованных с 1800 по 2019 г. Это дало лингвистам возможность изучать эволюцию языка в глобальном масштабе, выявляя, как политические события влияют на лексику. В 2023 г. анализ показал, что использование слова «свобода» в русскоязычной литературе сократилось на 40 % после 2014 г., что вызвало дискуссии о связи языка и идеологии.

Искусственный интеллект переписывает и правила работы с историческими источниками. Система Transkribus, обученная на рукописях XVIII в., расшифровывает архивные документы с точностью 95 %, экономя исследователям месяцы работы. В Нижнем Новгороде с ее помощью удалось восстановить переписку купцов XIX в., раскрыв неизвестные детали о торговых путях. Однако здесь кроется ловушка: алгоритмы игнорируют контекст, например, не распознают иронию или метафоры, что может исказить интерпретацию.

Виртуальная реальность: Цифровые технологии спасают то, что не способна сохранить материальная культура. Проект «Цифровой Пальмиры» воссоздал разрушенный террористами античный город в VR, используя 3D-сканы, сделанные до разрушения. Теперь любой пользователь может «пройтись» по колоннадам храма Бела, изучая барельефы, которые больше не существуют. Подобные инициативы меняют саму суть музееведения: экспонаты больше не привязаны к месту, а их сохранность обеспечивается распределенными серверами, а не сейфами.

Но эта доступность имеет обратную сторону. В 2022 г. выставка «Эрмитаж в метавселенной» вызвала скандал: NFT-копии картин Рембрандта продавались за криптовалюту, что поставило вопрос о коммодификации культурного наследия. Тогда встает вопрос, где проходит грань между популяризацией искусства и его эксплуатацией.

Этические вызовы: Цифровизация гуманитарных наук сталкивается с парадоксом: чем больше данных, тем выше риск дегуманизации. Алгоритмы, анализирующие литературу, часто игнорируют эмоциональную составляющую текстов. Например, проект «Эмоциональный ландшафт русской поэзии» выявил, что ИИ классифицирует стихи Ахматовой как «нейтральные», не улавливая трагизм подтекста. Это заставляет задуматься, может ли машина заменить филолога, или она останется лишь инструментом.

Еще острее стоит вопрос приватности. Оцифровка дневников Holocaust-жертв для проекта «Архивы памяти» позволила сохранить истории тысяч людей, но часть записей содержала личные переживания, которые родственники не хотели публиковать. Где же этическая грань между научным интересом и правом на забвение?

Междисциплинарность: Цифровые технологии стирают границы между дисциплинами. Лингвисты сотрудничают с программистами, создавая алгоритмы для анализа диалектов; историки используют геоинформационные системы (ГИС) для визуализации миграций древних народов. Проект «DigitalSilkRoad» объединил археологов, филологов и data-сайентистов, чтобы реконструировать торговые маршруты через BigData-анализ тысяч арабских, китайских и персидских текстов. Результатом стала интерактивная карта, показывающая, как распространение буддизма зависело от караванных путей.

Однако междисциплинарность требует новой подготовки ученых. Студент-филолог теперь должен разбираться в Python, а историк – в SQL. Это порождает поколенческий разрыв: молодые исследователи легко осваивают технологии, но теряют связь с традиционными методами, а старшее поколение часто отвергает цифровые инструменты как «ненастоящую науку».

Цифровые технологии не уничтожают гуманитарные дисциплины – они перезагружают их. Ключевая задача – сохранить баланс между эффективностью алгоритмов и человеческим пониманием. Как отмечает философ Ю. Хабермас, «технологии могут отвечать на вопросы «как», но только человек способен спросить «почему»».

Будущее гуманитарных наук зависит от способности интегрировать цифровые методы, не теряя своей сути – исследования человеческого опыта во всей его сложности.

Список литературы

1. Manovich L. Cultural Analytics. MIT Press, 2020. 312 p.
2. Пресс-релиз проекта «Цифровой Пальмиры». URL: <https://palmyraproject.org/digital-reconstruction/>.
3. Underwood T. Distant Horizons: Digital Evidence and Literary Change. University of Chicago Press, 2019. 234 p.
4. GoogleBooksNgramViewer : [сайт]. URL: <https://books.google.com/ngrams/>.
5. Рыжакова Е. И. Цифровая археология: методы и этика // Вестник СПбГУ. 2023. № 2. С. 45–60.
6. CaseStudy: Эрмитаж в метавселенной. URL: <https://heritagemuseum.org/metaverse/>.
7. Habermas J. Техника и наука как «идеология». М. : Весь Мир, 2007. 176 с.
8. Кондрашечкин Р. В. Правовое обеспечение применения технологий искусственного интеллекта оперативно-розыскной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2 (66). С. 142–149.
9. Николаев О. Э., Миронов В. Л., Кондрашечкин Р. В. Вопросы прогнозирования состояния оперативной обстановки в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях : учебное пособие. М., 2022.

Чешин А. В.¹,

доцент кафедры

экономики и управления

Орского гуманитарно-технологического института (филиала)

Оренбургского государственного университета,

кандидат экономических наук,

Президент Оренбургской региональной

общественной организации «Центр защиты прав потребителей»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЧАСТНИКОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Глобальные тренды унификации и дифференциации правового регулирования договорных и внедоговорных обязательств в условиях цифровизации гражданского оборота не обошли стороной и потребительское право, которое в настоящее время обрело статус подотрасли права и комплексной отрасли законодательства [1, с. 128; 142].

Причем, в настоящее время как отрасль законодательства потребительское право претерпело существенные изменения в части ее структуры и иерархии нормативных правовых актов, ее образующих.

Так, 6 декабря 2024 г. в г. Минске был принят Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О Единых правилах в области защиты прав потребителей» [2], вступивший в силу в день его подписания, который был 18 декабря 2024 г. опубликован на официальном сайте Союзного государства в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в порядке, установленном Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 апреля 2023 г. № 3 «Об официальном опубликовании, обнародовании и вступлении в силу актов Союзного государства».

Указанные Единые правила в области защиты прав потребителей были приняты в целях реализации ст. 17 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г., в соответствии с которой создание единого экономического пространства и правовых основ общего рынка, обеспечивающего свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы в пределах территорий государств – участников относится к исключительному ведению Союзного государства. В соответствии со ст. 59 указанного Договора, по предметам исключительного ведения Союзного государства принимаются законы, декреты, постановления и резолюции. В свою очередь, законы и декреты, в соответствии ст. 60 Договора о создании Союзного государства, являются обязательными и после их официального опубликования подлежат прямому применению на территории каждого государства – участника.

¹ © Чешин А. В., 2025.

Таким образом, указанные Единые правила в области защиты прав потребителей являются в настоящее время нормативно правовым актом Союзного государства, обладающим прямым действием, не требующим принятия никаких опосредующих его внутригосударственных правовых актов и, более того, обладающим преимущественной юридической силой над Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», поскольку все возникающие коллизии между нормами указанного Декрета Союзного государства и нормами внутреннего закона Российской Федерации, как государства – участника указанного объединения, подлежат разрешению в пользу Декрета, что императивно закреплено в содержании ст. 60 заключенного между Российской Федерацией и Республикой Беларусь Договора от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства».

Следовательно, в составе потребительского права как отрасли законодательства произошло фундаментальное преобразование: отныне российское законодательство в указанной сфере подчинено Декрету Союзного государства – Единым правилам в области защиты прав потребителей, – обладающему более высокой юридической силой и являющемуся нормативным правовым актом прямого действия.

В последние годы вопросы унификации законодательства стран Союзного государства приобрели особую актуальность в контексте глобализации и активизации интеграционных процессов в условиях противодействия санкционной политике недружественных государств. Особое внимание уделяется сфере защиты прав потребителей, которая является ключевым элементом в формировании единого экономического пространства. Трансформация правового регулирования в этой сфере направлена на формирование общих подходов и механизмов, которые обеспечивают защиту прав потребителей на адекватном уровне в рамках всего Союзного государства. Анализируя изменения в законодательстве, можно отметить, что унификация правовых норм способствует не только упрощению торговых и экономических отношений между странами, но и повышает эффективность правовой защиты потребителей. Это, в свою очередь, способствует укреплению доверия и правовой определенности среди населения стран-участников.

Историческое развитие правовой защиты прав потребителей в странах Союзного государства начало складываться активно с конца XX в., когда экономические реформы спровоцировали взаимные изменения в нормативном правовом регулировании. В России значимым этапом стало принятие Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», который заложил основы правовой защиты потребителей, включая право на безопасность продукции, информацию о товарах (работах, услугах), возмещение ущерба и компенсацию морального вреда. В Беларуси аналогичный закон «О защите прав потребителей» был принят немного позднее, в 1999 г., что также стало ответом на необходимость урегулирования отношений в условиях рыночных трансформаций. Этот законодательный акт включил положения о правах потребителя на получение полной и достоверной информации, качество товаров и услуг, обеспечение возможности их обмена или возврата в уста-

новленные сроки. Вопросам истории правового регулирования отношений защиты прав потребителей уделяется особое внимание в современной учебной литературе по потребительскому праву[3].

Особенностью правовой защиты в странах Союзного государства стала постепенная унификация законодательства, начиная с 2000-х гг., когда были заложены первые международные проекты по сближению нормативных баз. Это включало гармонизацию стандартов качества, безопасности и информирования потребителей. Содействие развитию межгосударственных отношений в этой сфере послужило стимулом к принятию решений о разработке общих подходов к проблематике защиты прав потребителей.

Таким образом, хронологическое развитие нормативного правового регулирования в сфере защиты прав потребителей в странах Союзного государства демонстрирует тенденцию к сближению основных начал такого регулирования и устремленность к созданию единых принципов, что важно для достижения высоких стандартов защиты интересов потребителей на общем рынке. Безусловно, имевшие место различия в правовом регулировании отношений защиты прав потребителей в российском и белорусском внутригосударственном законодательстве [4, с. 33–40], выступали существенным сдерживающим фактором на пути интеграции правового пространства. Различия в правовом регулировании предопределяли и расхождения в практике осуществления и защиты прав потребителей.

В рамках формирования общего правового пространства Союзного государства, унификация законодательства о защите прав потребителей направлена на создание единых подходов и стандартов в данной сфере, что способствует не только укреплению взаимного экономического сотрудничества, но и повышению защиты прав каждого потребителя на территории государств-участников. Важнейшим аспектом данного процесса является синхронизация национальных законодательных механизмов реализации и защиты прав, что включает в себя разработку и утверждение единых принципов, норм и правил, что и демонстрирует введение указанных Единых правил в области защиты прав потребителей.

Ключевым принципом унификации является обеспечение высокого уровня защиты прав потребителей, что предполагает не только адаптацию законодательства каждого из участников Союзного государства к общепринятым нормам, но и принятие новых регулятивных стандартов, направленных на устранение правовых барьеров и избежание правового дуализма в регулировании отношений между потребителями и производителями/поставщиками услуг. В этом контексте особое внимание в Единых правилах в области защиты прав потребителей уделяется таким аспектам, как информационная прозрачность, доступность средств правовой защиты и эффективность исполнения судебных решений.

Другим существенным аспектом унификации является гармонизация процедур обращения в судебные и иные правоохранительные органы, что обеспечивает равный доступ к правосудию для всех потребителей в рамках Союзного государства. Это, в свою очередь, способствует формированию более прозрачного и предсказуемого правового поля, улучшая тем самым инвестиционный климат и общий уровень доверия со стороны потребителей.

Процесс унификации требует комплексного подхода и тщательной координации на уровне законодательных и исполнительных органов власти государств-участников. Это предполагает не только разработку и внедрение новых нормативно правовых актов, но и активное взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, включая общественные и профессиональные ассоциации, экспертные сообщества, а также широкую общественность, что позволяет учитывать и сбалансировано отражать интересы всех участников рыночных отношений (ст. 52 Единых правил в области защиты прав потребителей).

Необходимость гармонизации нормативных правовых актов и обеспечения единых подходов к регулированию потребительских отношений в пределах Союзного государства не вызывала дискуссий ни в научной юридической среде, ни в профессиональной правоприменительной. Вместе с тем процесс унификации сталкивается с рядом проблем и вызовов, которые требуют детального анализа и разработки эффективных правовых решений. Среди ключевых проблем можно выделить различия в национальных правовых системах участников Союзного государства, что затрудняет процесс принятия единых законодательных актов. Различные подходы к определению прав и обязанностей потребителей и исполнителей услуг, разнообразие судебной практики и условий ведения бизнеса влияют на комплексность и продолжительность процесса унификации. Кроме того, важную роль играет необходимость учета специфических особенностей экономического развития и культурных традиций каждой из стран. Это требует глубокого анализа и возможной адаптации законодательства в области защиты прав потребителей для сохранения баланса между интересами потребителей и защитой производителей и поставщиков.

Безусловно, принятие Единых правил в области защиты прав потребителей стало гигантским шагом в направлении унификации потребительского права Союзного государства, но следует отметить, что процесс унификации законодательства требует постоянного обновления и отслеживания изменений в международных стандартах и практиках. В связи с этим возникает необходимость постоянной работы над улучшением механизмов мониторинга и реагирования на изменения в потребительских правоотношениях, что представляет собой значительный вызов для правовой науки и практики.

Таким образом, трансформация правового регулирования отношений защиты прав потребителей в контексте унификации законодательства участников Союзного государства требует комплексного подхода, включая адаптацию правовых норм, координацию между странами и обновление правовой базы в соответствии с международными требованиями и национальными особенностями экономического и социального развития. И принятие Единых правил в области защиты прав потребителей ознаменовало новый этап такого преобразования механизма правового регулирования в исследуемой отрасли законодательства.

Основные направления унификации не ограничиваются гармонизацией нормативных актов, но и предполагают согласование процессуальных правил обращений и жалоб потребителей, а также координацию действий контрольно-надзорных органов в указанной сфере.

Так, Единые правила ввели единые дефиниции, унифицировав ключевые понятия, таких как «потребитель», «изготовитель», «исполнитель», «продавец», «импортер», «поставщик», их «представитель», «товар», «продукция», «услуги», «результаты работ», «качество продукции», «недостаток», «существенный недостаток», «агрегатор информации о продукции», «безопасность продукции», что позволяет избежать диспаратности в трактовке этих терминов в разных правовых системах и правоприменительной практике.

Не обошел стороной новый межгосударственный нормативный правовой акт и цифровизацию, введя в оборот легальное определение цифрового продукта, под которым понимается объект гражданских прав, зафиксированный с помощью цифровых технологий (преобразованный в цифровой формат) посредством создания записи о нем в информационной системе (системах), в которой происходит взаимодействие с потребителем по поводу этого объекта, в том числе, программы и элементы программ для ЭВМ (включая порождаемые программой аудиовизуальные отображения), фонограммы, аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты и другие результаты интеллектуальной деятельности, преобразованные в цифровой формат и предназначенные для реализации потребителям (использования за плату).

Согласование процессуальных правил предполагает унификацию процедур подачи жалоб и обращений потребителей, включая сроки, формы и требования к документам. Это значительно упрощает процесс обращения для потребителей в случае возникновения правовых споров и способствует скорейшему их разрешению. Так, Единые правила сократили предельный срок безвозмездного устранения недостатков с 45 дней (ст. 20 Закона о защите прав потребителей) до 14 дней (ст. 21 Единых правил). Срок удовлетворения требований потребителя о соразмерном уменьшении цены, возмещении затрат на устранение недостатков товара, о возврате стоимости товара, возмещении убытков и иных отдельных требований сокращены до 7 дней (ст. 23 Единых правил) по сравнению установленными ст. 22 Закона о защите прав потребителей 10 днями. Причем, установлен Едиными правилами и максимальный срок удовлетворения требований потребителя в случаях необходимости проведения экспертизы – 14 дней со дня предъявления требований.

Наконец, Едиными правилами введено правовое регулирование процедуры защиты прав потребителей при реализации цифровых продуктов, которой посвящена целая IV Глава. Установлен ряд требований к заключению и исполнению договоров о реализации цифровых продуктов, конкретизированы права потребителей при обнаружении недостатков в цифровом продукте, установлены сроки предъявления потребителем требований в отношении недостатков цифрового продукта, определены правовые последствия нарушения продавцом или агрегатором срока передачи предварительно оплаченного цифрового продукта потребителю, регламентированы обязательства по осуществлению расчетов с потребителями в случае приобретения ими цифровых продуктов ненадлежащего качества, декларировано право потребителя на отказ от цифрового продукта при выявлении недостатков в его качестве.

Координация действий надзорных и контролирующих органов является не менее важной составляющей. Она включает в себя разработку и реализацию совместных мероприятий по контролю за выполнением установленных норм и стандартов, что направлено на повышение эффективности защиты потребителей, информационной открытости, безопасности продукции, а также обеспечение реализации механизмов поддержки и восстановления прав в случае их нарушения.

И несмотря на существовавшее сходство и высокую степень сближения норм в сфере защиты прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь, констатированные многими исследователями [5, с. 143–144], дальнейшая интеграция потребительского права объективно необходима и является следствием текущих политико-экономических процессов. Все предпринятые меры по унификации законодательства способствуют не только укреплению правовых основ защиты прав потребителей, но и развитию экономических отношений на территории Союзного государства, устранению препятствий для взаимной торговли и повышению доверия участников единого рынка. Анализ динамических изменений в нормативной базе Союзного государства позволяет проследить тенденции к углублению интеграционных процессов, что существенно влияет на регулирование защиты прав потребителей.

Таким образом, перспективы развития правового регулирования защиты прав потребителей в условиях Союзного государства во многом зависят от эффективности принимаемых мер по унификации и гармонизации нормативной базы как на межгосударственном, так и на национальном уровне. Это является ключом к созданию стабильной, эффективной и безопасной рыночной среды, где права каждого участника будут обеспечены на должном уровне. А прямое действие Единых правил будет способствовать не только созданию единого рынка, но и повысит защищенность потребителей, устраняя различия в стандартах защиты, установленные государствами-участниками. Это, в свою очередь, стимулирует трансграничную торговлю и инвестиции, поскольку участники экономической деятельности получают более четкое понимание правил игры. Как следствие, интеграция потребительского законодательства в рамках Союзного государства становится ключевым инструментом укрепления международного экономического сотрудничества и повышения эффективности защиты прав потребителей.

Список литературы

1. Шерстобитов А. Е. Потребительское право в системе современного российского права и законодательства // Вестник Московского университета. 2023. № 3. С. 128–144.
2. Единые правила в области защиты прав потребителей, утвержденные Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 6 // Официальный сайт Союзного государства. URL: <https://постко мсг.рф/docs/item/241307/>.
3. Потребительское право : учебник / [С. В. Барабанова и др.]. М. : Юнити-Дана, 2024. 496 с.

4. Корнилов Э. Г. Сравнительный анализ белорусского и российского законодательства о защите прав потребителей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 1 (12). С. 33–40.

5. Богдан В. В. Сравнительно-правовая характеристика практики применения Законов «О защите прав потребителей» судами России, Украины и Белоруссии: отдельные аспекты // Право и политика. 2014. № 12. С. 1941–1945.

6. Чагина Е. М., Ларин Э. Н. Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь: к вопросу о гармонизации // Право и политика. 2024. № 9. С. 130–144.

*Чулкова М. Р.¹,
преподаватель
кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Современный этап развития общества характеризуется всеобщей цифровизацией, затрагивающей экономику, социальные отношения и право. Обязательственные отношения всегда занимали центральное место в системе гражданского права, поскольку именно они обеспечивают экономический оборот, гарантируют исполнение договорных и внедоговорных обязательств между участниками гражданского оборота, способствуют эффективному распределению благ и реализации имущественных интересов. Благодаря таким современным цифровым технологиям, как электронные платформы, электронная подпись, смарт-контракты, происходит расширение возможностей заключения и исполнения обязательств. В частности, возможно дистанционное заключение сделок, а также мгновенное исполнение обязательств независимо от территориальных границ и временных ограничений (например, с помощью электронной подписи).

Обязательственные отношения представляют собой особый вид гражданских правоотношений, возникающих по поводу передачи имущества, оказания услуг, выполнения работ и иных действий, направленных на удовлетворение интересов субъектов гражданского права. Согласно ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), по обязательству одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие либо воздержаться от его совершения, а кредитор имеет право требовать исполнения этой обязанности [1].

Классические элементы обязательственного отношения включают субъектов (должник и кредитор), объект (действие, в некоторых случаях – бездействие; и результат), содержание (совокупность прав и обязанностей), а также основание возникновения (договор, причинение вреда, неосновательное обогащение и др.). В гражданско-правовом обороте цифровизация проявляется как переход от традиционных бумажных и устных форм взаимодействия к электронным, автоматизированным, опосредованным цифровыми платформами и технологиями способам заключения, исполнения и прекращения обязательственных отношений [4].

К основным проявлениям цифровизации в гражданском обороте можно отнести, во-первых, заключение электронных сделок, включая подписание договоров с использованием электронной подписи; во-вторых, электронный документооборот, позволяющий оформлять, передавать и хранить документы в цифровом виде; в-третьих, применение смарт-контрактов, т. е. автоматизиро-

¹ © Чулкова М. Р., 2025.

ванных программных алгоритмов, реализующих обязательства сторон без человеческого вмешательства; в-четвертых, дистанционное исполнение обязательств через онлайн-сервисы, мобильные приложения, электронные кошельки. Безусловно необходимо выявить, что такая трансформация приводит к ускорению и упрощению гражданского оборота, снижению транзакционных издержек, однако в то же время вызывает новые юридические коллизии в практике регулирования обязательственных отношений.

Для рассмотрения динамики современных обязательственных отношений целесообразно выделить признаки цифровизации гражданского оборота. Так, одним из главных признаков цифровизации обязательственного права является появление новых объектов и новых субъектов. Цифровые права, криптовалюта, NFT (цифровой токен) – новые объекты гражданских прав, которые могут выступать предметом обязательств. Например, передача токена или исполнение обязательств в криптовалюте становится распространенной практикой в отдельных сегментах рынка [10]. Представляется, что оборот цифровых прав, токенов, криптовалют расширяет предмет обязательств, а платформы и агрегаторы становятся новыми посредниками и гарантом исполнения обязательств.

Следующей отличительной особенностью является автоматизация идентификации и проверки контрагентов с помощью электронных профилей, цифровых удостоверений и биометрии. Внедрение смарт-контрактов и иных автоматизированных систем исполнения обязательств повышает предсказуемость и надежность исполнения сделок, минимизирует человеческий фактор, способствует снижению риска неисполнения и ускоряет оборот гражданских обязательств. Отметим, что смарт-контракт – это программа, автоматически исполняющая условия сделки при наступлении оговоренных событий [5]. Однако существует проблема квалификации смарт-контракта как договора по российскому праву, признания юридической силы и урегулирования споров.

Необходимо отметить, что цифровизация, безусловно, характеризуется усложнением структуры обязательственных отношений [4]. Появление многосторонних платформ, сетевых моделей взаимодействия, комбинированных сделок увеличивает сложность обязательственных связей, что требует развития новых моделей регулирования и защиты прав участников. Вместе с тем, это порождает проблему правового регулирования договорных правоотношений и обязательств.

Особое значение должно уделяться идентификации и безопасности. В цифровых обязательственных отношениях зачастую обрабатываются персональные данные сторон, сведения о платежных операциях и другая конфиденциальная информация. В связи с этим необходим строгий контроль над обработкой, хранением и передачей таких данных во избежание утечек и неправомерного доступа. Поэтому надежная идентификация сторон, защита персональных данных, обеспечение доказательств электронных сделок становятся ключевыми аспектами правоприменения. Полагаю, что перечисленные элементы должны быть основополагающими принципами при исполнении обязательств в цифровом праве.

В цифровую эпоху все большее число договоров заключается в электронной форме – а именно посредством электронной почты, мессенджеров, специализированных сервисов. Закон «Об электронной подписи» и положения ГК РФ при-

знают электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, равнозначным бумажному [2]. Электронный документооборот позволяет ускорить оформление, снизить затраты и повысить прозрачность сделок. Вместе с тем появляются такие вопросы, как обеспечить достоверность документов, как гарантировать неизменность и целостность цифровых файлов, как вести электронные архивы и другие.

В электронном обороте особое значение приобретают вопросы доказывания факта заключения сделки, даты и содержания обязательств, факта исполнения. Необходимы надежные механизмы хранения и верификации электронных доказательств. Некоторые цивилисты полагают, что использование электронной подписи частично решает эту проблему, однако вместе с тем сохраняются риски подделки, кражи учетных данных и иных злоупотреблений.

Таким образом, цифровизация становится неотъемлемой частью современного гражданского оборота, существенным образом меняя обязательственные отношения. Электронные сделки, смарт-контракты, новые цифровые объекты и платформы формируют новую реальность гражданского права.

Цифровые технологии трансформируют привычные способы ведения дел, меняют формы гражданских правоотношений и порождают новые вызовы для правового регулирования. Новые формы обязательств в условиях цифровизации отличаются высокой степенью автоматизации, дистанционностью, цифровой природой объекта и субъекта, а также вовлечением новых посредников – платформ и технологий [6]. Вместе с тем возникают серьезные правовые проблемы: обеспечение идентификации, доказывание исполнения обязательств, защита персональных данных, преодоление пробелов в законодательстве.

Для эффективного развития обязательственных отношений в условиях цифровизации необходима дальнейшая модернизация гражданского законодательства, внедрение стандартов электронной идентификации и документооборота, развитие механизмов защиты прав и интересов участников цифрового оборота, а также активное использование международного опыта. Сегодня российское гражданское законодательство лишь частично адаптировано к реалиям цифровизации. Возникают коллизии между традиционными и цифровыми формами сделок, пробелы в регулировании цифровых объектов, смарт-контрактов, токенов. Возникает потребность в развитии цифрового права, обновлении ГК РФ, разработке подзаконных актов и рекомендаций.

Однако цифровая эпоха предоставляет не только вызовы, но и уникальные возможности для повышения эффективности, прозрачности и доверия в обязательственных отношениях, что может стать ключевым фактором развития российской экономики и права.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.05.2024) // Российская газета. 1994. № 238–239.
2. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 01.03.2024) // Российская газета. 2011. № 78.

3. Белов В. А. Обязательственное право : учебник. 5-е изд. М. : Юрайт, 2022. 766 с.
4. Чекунова Н. В. Цифровизация гражданского права: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 61–70.
5. Гольмстен И. В. Смарт-контракты: понятие, особенности и проблемы правового регулирования // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 79–97.
6. Кабанова Е. П. Новые формы обязательственных отношений в условиях цифровизации // Закон и право. 2021. № 9. С. 122–126.
7. Кузнецов И. Ю. Платформенная экономика и гражданское право: новые вызовы // Право и экономика. 2023. № 1. С. 18–22.
8. Лаптев В. В. Электронные сделки и их место в системе гражданских правоотношений // Правоведение. 2022. № 6. С. 140–150.
9. Смирнова И. С. Обязательственные отношения в цифровой экономике: правовые аспекты // Право и экономика. 2020. № 12. С. 37–43.
10. Проблемы правового регулирования цифровых объектов и токенов: коллективная монография / под ред. А. Г. Лисицын-Светланова. М. : Инион Ран, 2022. 288 с.
11. Сидорова О. А. Цифровые права и их место в системе обязательственных отношений // Гражданское право. 2023. № 5. С. 94–99.

Шаповалов Я. А.¹,
старший преподаватель
кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Распределение бремени доказывания – один из ключевых элементов судебного процесса, от которого зависит исход дела и реализация прав участников процесса. В арбитражном процессе, где споры имеют более сложный характер, вопрос о том, кто и какие факты должен доказать, имеет особое значение. Неправильное определение субъекта доказывания или недостаточная обоснованность применения презумпций могут привести к несправедливому судебному решению и нарушению прав участников процесса.

Законодательство Российской Федерации, регулируя вопросы доказывания, закрепляет общие положения, однако их применение на практике сталкивается с рядом сложностей. В частности, в последнее время нередки ошибки судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, обусловленные неверным распределением обязанности по доказыванию тех или иных фактов в корпоративных спорах.

Надо полагать, ошибки обусловлены нежеланием судов выходить за рамки формальностей при рассмотрении дел, углубляться в суть происходящего в корпоративном конфликте.

Так, суды зачастую формально придерживаются нормы п. 1 ст. 56 АПК РФ: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений». При этом суд обязан руководствоваться и разъяснениями, данными в п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»: «При принятии искового заявления к производству суд указывает на распределение бремени доказывания по заявленному истцом требованию».

Далеко не всегда суды глубоко погружаются в сущность спора между участниками корпорации, особенно, если ему становится известно о том, что между участниками затяжной корпоративный конфликт, стороны которого пытаются уколоть друг друга множественными исками. В таких случаях суды нередко выносят решения лишь по прямым доказательствам, предоставленным сторонами. Вместе с тем, практика Верховного Суда Российской Федерации и судов округов показывает, что суды не только первой, но и последующих инстанций допускают

¹ © Шаповалов Я. А., 2025.

однотипные ошибки, которые, казалось бы, при наличии столь многочисленных разъяснений СКЭС ВС РФ должны были быть давно искоренены.

Далее рассмотрим практику по исправлению некоторых типовых ошибок, встречающихся при разрешении корпоративных споров.

Практика об отсутствии экономической целесообразности сделки.

Зачастую причиной корпоративного конфликта выступает совершенная юридическим лицом сделка, с иском об оспаривании которой обращается в суд участник или новый исполнительный орган в защиту прав и интересов самого юридического лица. Ответчиками при этом выступают бывший исполнительный орган, контрагент по сделке, а иногда и другие участники.

Для правильного разрешения подобных споров необходимо обращать внимание на то, что лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица (далее – директор), должно действовать добросовестно и разумно (ст. 53.1 ГК РФ). Критерии же обратного поведения установлены в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – п. 1 ППВС № 62).

При наличии основания полагать о том, что директор действовал недобросовестно или неразумно, истец может предоставить доказательства несению убытков по вине директора, а директор может дать пояснения относительно своих действий, факторов возникновения убытков и представить соответствующие доказательства. Отказ директора от дачи пояснений или их явная неполнота может повлечь обременение директора судом по доказыванию отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (п. 1 ППВС № 62).

В связи с тем, что перераспределение бремени доказывания является правом, а не обязанностью суда, как в упомянутом выше случае, суды далеко не всегда пользуются данным правом.

Так, судебная практика на уровне СКЭС ВС РФ и судов округов показывает, что в корпоративных спорах по оспариванию сделок судам важно оценить экономическую целесообразность сделки, для чего, требуется наличие позиции и доказательств со стороны директора-ответчика.

Например, в одном из дел ответчики (директор и участник общества) не пояснили, какими выгодными для общества мотивами вызваны сделки по аренде помещений, учитывая следующее: за аренду было перечислено 38 % балансовой стоимости активов общества; годовая стоимость аренды в пять раз превышала его выручку; из общества были уволены почти все работники и пр. В своем Определении от 25 апреля 2025 г. по делу № А41-1791/2023 СКЭС ВС РФ указала, что в данном случае у судов отсутствовали основания исходить из предположения о равноценности встречных предоставлений по спорным договорам [5]. Таким образом, суд апелляционной инстанции, рассматривая это дело в коллегиальном составе по правилам первой инстанции не смог перераспределить бремя доказывания разумности и добросовестности действия директора и, соответственно, не сделал необходимые выводы об отсутствии экономической целесообразности сделки.

Поскольку арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению (п. 1 ст. 71 АПК РФ), разумность и добросовестность действий ответчика, надо полагать, суд оценивает также исходя из собственного миропонимания, и не обязательно вышестоящие инстанции отличаются им в лучшую сторону. Например, в одном из дел суд первой инстанции сделал верный вывод о том, что расхождение между договорной ценой и кадастровой стоимостью земельных участков (более чем в два раза) свидетельствует о наличии явного ущерба для представляемого. Как заключила СКЭС ВС РФ, отменяя судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанции, доказательства того, что оспоренные сделки в действительности были заключены на рыночных условиях и/или имели место разумные экономические мотивы их заключения, ответчиком в материалы дела не представлены [6]. Таким образом, даже при наличии, казалось бы, очевидных доказательств наличия ущерба, которые и вовсе не требуют доказывания недобросовестности директора, так как встречное предоставление в два раза ниже совершенного, суд может совершить ошибку, которую можно было бы избежать, предъявив к ответчику более строгие требования по доказыванию факта его невиновности.

Еще один пример дает представление о том, какие экономические мотивы совершения сделки мог бы пояснить ответчик, которые и вовсе неправомерно не исследовались судами первой и апелляционной инстанции. Так, в одном из дел суды не дали оценку доводам истца о том, что у общества не имелось разумной целесообразности для заключения договора аренды гостевого дома по цене 1 090 000 руб. в месяц для размещения сотрудников общества в период нахождения в командировках. В данном случае суды предъявили к истцу более строгие требования к доказыванию обстоятельств, на которые он ссылался. Как пояснил суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты, суды не дали оценку доводу истца о том, что цена аренды является чрезмерно высокой, не проверили, довод о том, что это повлекло существенное ухудшение финансового состояния общества, не исследовали обстоятельства, связанные с тем, на основании чего общество осуществляло размещение своих сотрудников при направлении в командировки в предыдущий и последующие периоды, в каком размере общество несло затраты на это, чем обусловлена необходимость несения таких расходов по оплате аренды [7].

Практика о сговоре участников корпорации и мнимости сделки.

Если в рассмотренных выше спорах экономическую целесообразность сделки суд может самостоятельно оценить, исходя из оценки рыночной стоимости аналогичного товара или услуги, то порочность мнимой сделки и сделки, совершенной в ущерб интересам корпорации по сговору между сторонами, суду без наличия должной доказательственной базы определить трудно.

Сложность доказывания таких обстоятельств состоит в скрываемом факторе сговора или фиктивности сделки. Ввиду этого Верховный Суд Российской Федерации указывает, что наличие сговора является сложным в доказывании ввиду его скрытого характера, поэтому судами должно в совокупности учитываться поведение участников и директора [8], аффилированность сторон (их бенефициаров), включая имеющиеся родственные или иные личные, корпоративные связи [9].

Лишь в отдельных случаях сговор может быть подтвержден прямыми (письменными) доказательствами, например, приговором суда по уголовному делу.

При этом аффилированность для доказывания факта сговора может быть раскрыта перед судом не только посредством проявления формальной юридической связи. Этого Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что возможно установить и фактическую аффилированность, о наличии которой может свидетельствовать нестандартное поведение лиц в хозяйственном обороте, например, заключение между собой сделок на недоступных для независимых участников гражданского оборота условиях. В таких случаях при наличии достаточной совокупности доказательств фактической аффилированности на такое лицо суд может возложить обязанность раскрыть разумные экономические мотивы сделки [10]. Такая возможность по перераспределению бремени доказывания позволяет истцу представить косвенные доказательства в обоснование своих требований для установления судом фактов, на которые он ссылается. При этом, чем ярче и очевиднее фактор объективного конфликта интересов и аффилированности директора и контрагента, тем ниже тот пороговый уровень аномальности сделки, при котором суд вправе применить второй состав недействительности сделки, предусмотренный п. 2 ст. 174 ГК РФ: «имели место обстоятельства, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях представителя или органа юридического лица и другой стороны сделки в ущерб интересам представляемого или интересам юридического лица» [11].

При доказывании мнимости сделки, как правило, суды должны учитывать и экономическую целесообразность ее совершения, и ставить под сомнение независимость сторон сделки, и исследовать доказательства ее реального исполнения.

Например, в одном из дел юридическое лицо продало недвижимость, а затем арендовало его по цене, многократно превышающую его продажную стоимость, что не отвечает признакам добросовестного и разумного поведения без веских причин для заключения такой сделки [12].

В другом деле суд обратил внимание на то, что нижестоящими судами не оценивалась экономическая обоснованность сделки, а также обстоятельства ее исполнения (периодичность и сумма арендных платежей, отсутствие доказательств по транспортировке и установке оборудования) [13].

Таким образом, доказывание порочности сделки не может выходить за рамки разумной возможности истца по предоставлению доказательств. Чаще всего в корпоративных, банкротных спорах истец выступает слабой стороной правоотношений, поскольку не обладает реальной возможностью по предоставлению доказательств, имеющихся лишь у участников сделки (корпорации, директора, контрагента). В этой ситуации цели справедливого и состязательного судебного процесса реализуются за счет перераспределения между сторонами бремени доказывания тех обстоятельств, которые имеют ключевое значение для дела. В результате такого перераспределения менее сильная сторона предоставляет минимально необходимые доказательства, достаточные для обоснования своей позиции. Эти доказательства суд принимает как достоверные, если другая сторона не представила опровержений. При этом вторая сторона, взяв на себя повышенное бремя доказывания, должна представить суду четкие и убедительные

аргументы в поддержку своих доводов. При этом отрицательный результат для какой-либо из сторон не может быть заранее предрешен путем возложения на нее заведомо невыполнимой обязанности по представлению доказательств.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 февраля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательств Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательств Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 3.
5. Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2025 г. по делу № А41-1791/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
6. Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. по делу № А79-11408/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 марта 2025 г. по делу № А56-125509/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
8. Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2023 г. по делу А40-260466/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
9. Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. по делу № А79-11408/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
10. Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2023 г. по делу № А40-286306/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 февраля 2019 г. по делу № А76-1769/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 20 мая 2008 г. по делу № А40-72598/05. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
13. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 14 февраля 2025 г. по делу № А32-32761/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.